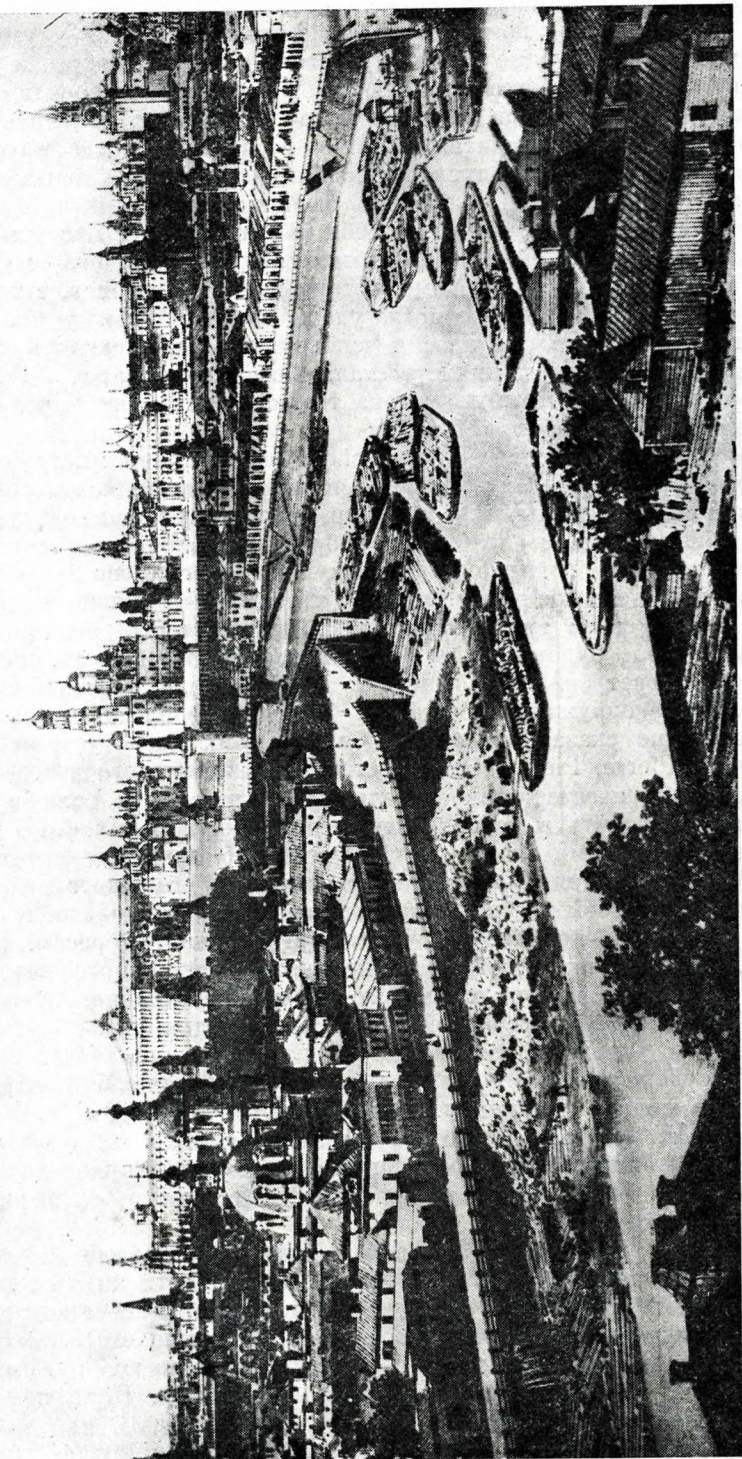

<I>

Князь Василий не обдумывал своих планов, еще менее думал сделать людям зло для того, чтобы приобрести выгоду. Он был только светский человек, успевший в свете и сделавший привычку из этого успеха [из этой ловкости и успеха]. У него постоянно, смотря по обстоятельствам, по сближениям с людьми, составлялись различные планы и соображения, в которых он сам не отдавал себе хорошенько отчета, но которые составляли весь интерес его жизни. Не один и не два таких плана и соображения бывало у него в ходу, а десятки, из которых одни только начинали представляться ему, другие достигались, третьи уничтожались. Он не говорил, например: вот этот человек теперь в силе, я должен получить его доверие и дружбу и просить через него о выдаче мне единовременного пособия, или он не говорил себе: вот Pierre богат, [Князь Безухов родственник и богач. Надо воспользоваться хоть частью этого богатства.] я должен заманить его, женить на дочери и воспользоваться хоть косвенным путем его состоянием. Но человек в силе встречался ему, и в ту же минуту инстинкт подсказывал ему, что этот человек может быть полезен, и князь Василий сближался и при первой возможности без предготовления, естественно по инстинкту льстил, делался фамильярен и говорил о том, о чем нужно было просить. [В этой игре интриги он находил не счастье, а весь смысл жизни. Без этого жизнь была бы для него не [выносившая] жизнью.] Пьер был у него под рукой в Москве, он настоял на том, чтобы молодой человек приехал в Петербург, занял у него 30 тысяч и устроил для молодого человека назначение камер-юнкером, равнявшееся тогда чину и статского советника, как будто рассеянно и вместе с тем с несомненной уверенностью, что это должно быть, делал все то, что нужно было для того, чтобы женить Pierre'a на своей дочери. Ежели бы князь Василий приготавливал свои планы, он никогда бы не мог быть так естественен в обращении и так просто со всеми фамильярен. У него был инстинкт, влекущий его всегда к людям сильнее и богаче его, и инстинкт тоже, который указывал ему минуту, когда надо было пользоваться этими людьми.

После смерти своего отца Pierre тотчас вслед за своим одиночеством и праздною почувствовал себя до такой степени окруженным и занятым, что ему только в постели удавалось оставаться одному с самим собою. Ему нужно было подписывать бумаги, ведаться с присутственными местами, о значении которых он не имел ясного понятия, спрашивать о чем-то главного управляющего, ехать в имения и принимать то огромное число лиц, которые прежде не хотели знать о его существовании и которые теперь были бы обижены и огорчены, ежели бы он не захотел их видеть. Все эти разнообразные люди — деловые, родственники, знакомые, — все были одинаково хорошо, ласково расположены к молодому наследнику¹ — все они, очевидно, несомненно были убеждены в высоких достоинствах Pierre. Беспреданно он слышал слова: «с вашей необыкновенной

¹ На полях: *Богатство: боится обмануть ожидания, стеснен, в тумане (так нужно и будет хорошо. Но, что будет, не видеть было).* Деньги князю Василью.

МОСКВА

Литография, 40-е годы XIX в.

добротой», или «при вашем прекрасном сердце» или «вы так сами чисты, граф», или «при вашем уме», или «ежели бы он был так умен, как вы» и т. п., что он под конец верил своей доброте и своему уму, тем более, что и всегда в глубине души ему казалось, что он добрее и умнее [большинства людей] почти всех людей, которых он встречал. Даже люди, прежде бывшие злыми и очевидно враждебными, делались нежными и любящими. Столь сердитая старшая из княжен после похорон пришла в комнату Pierré'a и, опуская глаза и беспрестанно вспыхивая, сказала Pierré'у, что она очень жалеет о бывших между ними недоразумениях и что теперь она не чувствует себя в праве ничего просить больше, как только того, чтобы ей позволено было, после постигшего ее удара, остаться на несколько недель в доме, который она так любила, в котором столько пожертвовала. Она не могла удержаться и заплакала при этих словах. Pierré взял ее за руку, просил успокоиться и не покидать никогда этого дома. И с этой поры княжна стала вязать ему шарф, заботиться о его здоровье и говорить ему, что она только боялась его и рада теперь, что он позволил ей любить себя.

— Сделай это для нее, mon cher, все-таки она много пострадала от покойника, — сказал ему князь Василий, давая подписать какую-то бумагу в пользу княжны, и с тех пор старшая княжна стала еще добрее. Младшие сестры стали также добрее; в особенности самая младшая, хорошенькая, с родинкой часто смущала Pierré'a своим смущением при виде Pierré'a. Вскоре после смерти отца он писал князю Андрею. В коротком ответе своем из Брюнна князь Андрей писал ему между прочим: «Трудно тебе будет теперь, мой милый, ясно смотреть, даже и поверх очков, на свет божий. Помни, что теперь всё, что есть низкого и грязного, будет окружать тебя, а всё благородное будет отстраняться». «Он бы этого не сказал, ежели бы он видел их доброту и искренность», — подумал Pierré. Pierré'у так естественно казалось, что все его любят, так казалось бы неестественно, ежели бы кто-нибудь не полюбил его, что он не мог не верить в искренность людей, окружавших его². Редко, редко он находил время почитать и подумать о любимых своих предметах: о идеях революции, и о Буонапарте, и о стратегии, которая теперь, следя за военными событиями, начинала страстно занимать его. В окружающих себя людях он не находил сочувствия к этим интересам. [Да и кроме того, несмотря на то, что ему иногда приходил вопрос, зачем нет около него более симпатичных людей, общее впечатление, производимое на него выражением этой общей любви, было состояние].

Ему постоянно было некогда. Он постоянно чувствовал себя в состоянии кроткого и веселого опьянения. Он чувствовал себя центром какого-то важного общего движения. Чувствовал, что от него что-то постоянно ожидается, чувствовал, что, не сделай он того-то, он огорчит многих и лишит их ожидаемого, а что, сделай он это, всё будет хорошо и очень хорошо. Он делал то, что требовали от него, но это что-то очень хорошее всё оставалось впереди.

Более всех других в это первое время как делами Pierré'a, так и им самим овладел князь Василий. Со времени смерти князя Безухова он не выпускал из рук Pierré. Он имел вид человека, отягченного делами, усталого, измученного, но из сострадания не могущ^{его} наконец, бросить на произвол судьбы и плутов этого беспомощного юношу, сына его друга (après tous³), и с таким огромным состоянием. В те несколько дней, которые он пробыл в Москве после смерти графа Безухова, он призывал к себе Pierré'a или сам приходил к нему и предписывал ему, что нужно было делать, таким тоном усталости и уверенности, как будто он всякий

² На полях: *Pierre начал заниматься наукой, библиотекой, меценатством и учить свое имя, но некогда было.*

³ впрочем

раз приговаривал: «Vous savez que je suis accablé d'affaires et que ce n'est que par pure charité, que je m'occupe de vous mais il faut que cela finisse et vous savez bien que ce que je vous propose est la seule chose faisable»⁴.

— Ну, мой друг, завтра мы едем, наконец,— сказал он ему раз, закрывая глаза и перебирая пальцами его локоть и таким тоном, как будто то, что он говорил, было давным давно решено между ними и не могло быть решено иначе, несмотря на то, что Pierre в первый раз слышал это.— Завтра мы едем, я тебе дам место в своей коляске. Я очень рад. Здесь у нас всё важное покончено. А мне уж давно бы надо. Вот я получил от князя. Я его просил об тебе, и ты зачислен в дипломатический корпус и сделан камер-юнкером.

Несмотря на всю силу тону усталой уверенности, что это не могло быть иначе, Pierre, так долго думавший о своей карьере, хотел было возражать, но князь Василий перебил его.

— Mais, mon cher, я это сделал для себя, для своей совести, и меня благодарить нечего. Никогда никто не жаловался, что его слишком любили, а потом ты свободен, хоть завтра брось, вот ты всё сам в Петербурге увидишь. И тебе давно пора от этих ужасных воспоминаний.— Князь Василий вздохнул.— Так, так, моя душа. А мой камердинер пускай в твоей коляске едет. Ах, да, я было и забыл,— прибавил еще князь Василий.— Ты знаешь, mon cher, что у нас были счеты с покойным, так с рязанских [передай мне] я получил и оставляю. Тебе не нужно. Мы с тобой сочтемся.

То, что князь Василий называл «с рязанских», было несколько тысяч оброка, к^оторые к^нязь В^асилий оставил у себя...

[В Петербурге Pierre остановился жить у князя Василья и там, в особенности в семействе князя, почувствовал себя окруженным такой любовью, к которой он начал уже привыкать и которую считал своею принадлежностью.]

В Петербурге, так же как и в Москве, атмосфера нежных, любящих людей окружала Пьера. Он не мог отказаться от места, скорее звания (потому что он ничего не делал), которое доставил ему князь Василий, и знакомств, зовов и общественных занятий было столько, что Pierre еще больше, чем в Москве, испытывал это чувство отуманенности, торопливости и всё наступающего, но не совершающегося блага. Из прежнего холостого общества Pierre'a многих не было в Петербурге. Гвардия была в походе. Долохов разжалован, и Анатолий в армии, в провинции, и потому Pierre'у не удавалось проводить ночи, как он любил проводить их прежде. Всё время его проходило на обедах, балах и преимущественно у князя

А. А. ФЕТ

Фотография, 1861 г.

⁴ Ты знаешь, я завален делами; но было бы безжалостно покинуть тебя так, но это должно кончиться; и ты знаешь, что то, что я тебе предлагаю, есть единственно возможное.

Василия в обществе старой, толстой княгини и красавицы Hélène [в отношении которой он невольно был поставлен в свете в обязанность исполнять столь непривычную ему роль cousin или брата, так как они виделись каждый день и жили вместе. Не хотелось ли Hélène танцевать с кем-нибудь, она прямо говорила Pierr'у, чтоб он был ее кавалером. Она посылала его сказать матери, что пора ехать, и узнать, приехала ли карета, и поутру, гуляя, взята ли перчатки].

Анна Павловна Шерер более всех выказала Pierr'у перемену, происшедшую в общественном взгляде на него. Прежде, как и в неуместном разговоре, к^{который} завел у нее в гостиной Pierr'e о французской революции, он постоянно чувствовал, что говорит неловкости, что он неприлично, бестактно ведет себя, что Ипполит скажет глупое слово, и оно кстати, а его речи, кажущиеся ему умными, пока он готовит их в своем воображении, делаются глупыми, как скоро он громко говорит, и эта роковая неловкость, испытываемая им в обществе Анны Павловны, вызывала его на отпор, особенно резкий разговор. «Всё равно, — думал он, — коли уж всё выходит неловко, так буду говорить всё». И так он доходил до таких разговоров, как про Vicomte. Это было прежде. Но теперь напротив. Всё, что ни говорил он, всё выходило charmant⁵. Ежели даже Анна Павловна не говорила этого, то он видел, что ей хотелось это сказать, и она, менажируя скромность, воздерживалась от этого⁶.

В начале зимы 1805 на 1806 год Pierr'e получил от Анны Павловны обычную розовую записку с приглашением, в которой было прибавлено: «Vous trouverez chez moi la belle Hélène, qu'on ne se lasse jamais de voir»⁷. Читая это место, Pierr'e в первый раз почувствовал, что между ним и Hélène есть какая-то связь, признаваемая другими людьми, и мысль эта в одно и то же время и испугала его, как будто на него накладывались обязательства, которые он не мог сдержать, и вместе понравилась ему, как забавное предположение.

Вечер Анны Павловны был такой же, как и первый, только новинкой, к^{которую} угаживала А^{нна} П^{авловна} своих гостей, был теперь не Мортемар, а дипломат, приехавший из Берлина и привезший свежайшие подробности о пребывании государя Александра в Потсдаме и о военных действиях. Pierr'e был принят Анной Павловной с оттенком грусти, относившейся, очевидно, к свежей потере молодого человека, и грусти точно такой же, как и та высочайшая грусть, которая выражалась при упоминаниях о августейшей императрице Марии Федоровне. Pierr'e, сам не зная почему, почувствовал себя польщенным. Анна Павловна с своим обычным искусством составила кружки своей гостиной. Большой кружок, где был князь Василий и генералы, пользовался дипломатом. Другой кружок был у чайного столика. Pierr'e хотел присоединиться к первому, но Анна Павловна, находившаяся в раздраженном состоянии полководца на поле битвы, когда приходят тысячи новых блестящих мыслей, которые едва успеваешь приводить в исполнение, Анна Павловна, увидав Pierr'a, тронула его пальцем: — Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir⁸. — Она взглянула на Hélène, улыбнулась ей. — Ma bonne Hélène, il faut que vous soyez charitable pour ma pauvre tante, qui a une adoration pour vous. Allez lui tenir compagnie pour 10 minutes⁹. А чтоб вам не очень скучно было, вот вам рыцарь, к^{который} не откажется за вами следовать.

Красавица направилась к тетушке, но Pierr'a Анна Павловна уже удержала подле себя с видом необходимости сделать еще последнее необходимое распоряжение.

⁵ очаровательно

⁶ По тексту записи: Глупость не мешает кокетству.

⁷ Вы застанете у меня прекрасную Элен, на которую никогда не устанешь любоваться.

⁸ Подождите, у меня есть на вас виды на этот вечер.

⁹ Моя милая Элен, надо, чтобы вы были сострадательны к моей бедной тетке, которая питает к вам обожание. Побудьте с ней минут 10.

— Не правда ли, она восхитительна, — сказала она Pierr'y, указывая на отплывающую величавую красавицу. [И как] *Et quelle tenue!*¹⁰ Для такой молодой девушки и такой такт, такое мастерское умение держать себя! Это происходит от сердца! Счастлив будет тот, чьей она будет. С нею самый несветский муж будет невольно и без труда занимать блестящее место в свете. Не правда ли? Я только хотела знать ваше мнение. — И Анна Павловна отпустила Pierr'a. Pierrге искренно отвечал утвердительно на вопрос Анны Павловны о искусстве Héléne держать себя. Ежели он когда-нибудь думал об Héléne, то он думал именно о том необыкновенном ее спокойном умении быть приятной в свете.

Тетушка приняла в свой уголок двух молодых людей, но, казалось, желала скрыть свое обожание к Héléne и желала более выразить свой страх перед Анной Павловной. Она взглядывала на племянницу, как бы спрашивая, что ей делать с этими людьми. Отходя от них, Анна Павловна опять тронула пальчиком рукав Pierr'a и проговорила: — *J'espère que vous ne direz plus qu'on s'ennuie chez m-lle Scherer*¹¹, — и взглянула на Héléne. Héléne улыбнулась с таким видом, который говорил, что она не допускала возможности при виде себя испытывать что-нибудь кроме восхищения. Тетушка прокашлялась, проглотила слюну и по-французски сказала, что она очень рада видеть Héléne. Потом обратилась к Pierr'у с тем же приветствием и с тою же миной.

В середине скучливого и спотыкающегося разговора Héléne оглянулась на Pierr'a и улыбнулась ему той улыбкой, ясной, красивой, которой она улыбалась всем. Pierrге так привык к этой улыбке, так мало она выражала для него, что он улыбнулся тоже из слабости и отвернулся.

Тетушка говорила в это время о коллекции табакерок, которая была у покойного отца Pierr'a, графа Безухова [она намекала на то, что]. Она открыла свою табакерку. Княжна Héléne попросила посмотреть этот портрет мужа тетушки, который был сделан на этой табакерке. — Это верно сделано Виносом, — сказал Pierrге, называя известного миниатюриста и нагибаясь к столу, чтоб взять в руку табакерку, и прислушиваясь к разговору за другим столом. Он привстал, желая обойти, но тетушка подала табакерку прямо через Héléne, позади ее. Héléne нагнулась вперед, чтобы дать место и, улыбаясь, оглянулась. Она была, как и всегда на вечерах, в весьма открытом по тогдашней моде спереди и сзади платье. Ее бюст, казавшийся всегда мраморным Pierr'у, находился в таком близком расстоянии от его глаз, что он своими близорукими глазами невольно различал живую прелесть ее плеч и шеи, и в таком близком расстоянии от его рта, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться к ней. Pierrге невольно нагнулся, испуганно отстранился и вдруг почувствовал себя в душистой и теплой атмосфере тела красавицы. Он слышал тепло ее тела, он слышал запах духов и слышал шелест ее корсета при дыхании. Он видел не ее, мраморную красавицу, составлявшую одно целое с платьем, как он видел и чувствовал прежде, но он вдруг увидал и почувствовал ее тело, которое было закрыто только одеждой. И раз увидав это, он не мог видеть иначе, как мы не можем возвратиться к прежнему обману зрения. Она оглянулась, взглянула прямо на него, блестя черными глазами, и улыбнулась. «Так вы до сих пор не замечали, как я прекрасна? — как будто сказала она. — Вы не замечали, что я женщина. Да я женщина. Да еще какая и женщина, которая может принадлежать всякому и вам даже». Pierrге, вспыхнув, опустил глаза и снова хотел увидеть ее такую дальнюю, чужую красавицей, для себя красавицею, какою он представлял себе ее прежде. Но он не мог уж этого сделать. Не мог, как не может человек, прежде смотревший в тумане на былинку бурьяна и видевший в ней дерево, увидав былинку, вновь увидеть в ней дерево.

¹⁰ И как держит себя!

¹¹ Я надеюсь, вы не скажете другой раз, что у м-ль Шерер скучают.

Он смотрел и видел женщину, дрожавшую в платье, прикрывавшем ее. Мало того, он в ту же минуту почувствовал, что *Hélène* не только могла быть, но должна быть или была его женой, что это не может быть иначе. Он знал это так же верно, как бы он знал это, стоя под венцом с нею.

Как это будет и когда, он не знал, не знал даже, хорошо ли это будет. Ему даже чувствовалось, что это нехорошо почему-то, но он знал, что это будет. [Он чувствовал, что не только он сам, но и все знают, что это будет, и это знание еще более убеждало его в неминувости этого события.]

*Bon, je vous laisse dans votre petit coin, je vois que vous y êtes très bien*¹², — сказал голос *Анны Павловны*. И *Pierre*, в страхе вспоминая, не сделал ли он чего-нибудь предосудительного, краснея, оглядывался вокруг себя, чувствуя, что все знают, так же как и он, про то, что с ним случилось.

Через несколько времени, когда он перешел к большому кружку, *Анна Павловна* сказала ему: — *On dit que vous embelissez votre maison de Petersbourg*¹³. — (Это была правда. Архитектор показал, что этого нужно ему, и *Pierre*, сам не зная зачем, отделывал дом в Петербурге). — *C'est bien, mais ne déménagez pas chez le Prince Basile. Il est bon d'avoir un ami comme le Prince*¹⁴, — сказала она, улыбаясь князю *Василию*. — *J'en sais quelque chose, n'est-ce pas? Et vous êtes*¹⁵? Вам нужен совет. — Она помолчала. — *Ежели вы женитесь, ну, другое дело.* — И она соединила их в один взгляд. *Pierre* не смотрел на *Hélène*, и она уже не отдалялась от него, она была всё так же странно близка, близкой ему вся, с своим прекрасным телом, запахом, <1 нрзб> кожей и румянцем женской страсти. Он промывал что-то и покраснел.

Вернувшись домой, *Pierre* долго не мог заснуть, думая о том, что с ним случилось. Что же случилось с ним? Ничего. Он только понял, что женщина, которую он знал ребенком, которую он презирал, про которую он рассеянно говорил: «Да, хороша», когда ему говорили, что *Hélène* красавица, он понял, что эта женщина может и ему дать целый мир наслаждений, о котором он не думал. «Но она глупа, я сам говорил, что она глупа», — думал он¹⁶. Ведь это не любовь, напротив. Но что-то гадкое есть в том чувстве, которое она возбудила во мне, что-то запрещенное. «Отчего же мне достанется она? Мне говорили, что ее брат *Анатолий* был влюблен в нее, и она влюблена в него, и что для этого и удален *Анатолий*. Брат ее *Иполит*, отец ее князь *Василий*. Я не должен любить ее», — рассуждал он, и в то же время как он рассуждал так, — еще рассуждения эти оставались неоконченными — как он заставлял себя улыбающимся и сознавал, что другой ряд рассуждений всплывал из-за первых, что он в то же время, как думал о ее ничтожестве, в то же время мечтал о том, как она будет его женою, как она может полюбить его, как она может быть совсем другою, и как всё то, что он об ней думал и слышал, может быть [вздором] неправдою, и он опять видел не ее прежнюю, а ее шею, плечи, грудь. Но нет, отчего ж прежде мне не приходила эта мысль. И опять он говорил себе, что это невозможно, что что-то гадкое, противуестественное <неблагородное?> было бы в этом браке. Он вспоминал ее прежние слова, взгляды, и слова и взгляды тех, кто их видал вместе. Он с ужасом вспомнил слова и взгляд *Анны Павловны*, когда она говорила ему о доме, вспомнил сотни таких же намеков со стороны князя *Василия* и других, и на него напел ужас: не связал ли он себя уже

¹² Хорошо, я вас оставляю в вашем уголке, я вижу, вам там хорошо.

¹³ Говорят, вы отделываете свой петербургский дом.

¹⁴ Это хорошо, но не переезжайте от князя.

¹⁵ Хорошо иметь такого друга, как князь. Я кое-что знаю, не правда ли? А вы?

¹⁶ На полях: *Он не мог возвратиться к прежнему обману зрения. Она под платьем. «Отчего мне прежде не приходило в голову?» — спрашивал он.*

[illegible]

V. ci Mearie. Hanger son pereus
et meurt. colos. ne en gyppe

НАЧАЛО ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Автограф

чем-нибудь в исполнении такого дела, которое погубило бы всю его жизнь, и он твердо решил отдалиться от нее, наблюдать за собой и уехать. Но в то время, как он сам себе выражал это решение, с другой стороны души всплывал ее образ, и он говорил: «Отдаться ей, всё забыть, всё бросить — вот это счастье, и как я слеп, что не видел прежде возможности этого великого счастья».

В ноябре месяце 1805 года князь Василий должен был ехать на ревизию в Москву и другие четыре губернии. Он устроил для себя это назначение с тем, чтобы побывать заодно в своих расстроенных имениях, в имениях будущего зятя, молодого графа Безухова, и, захватив с собой в месте расположения его полка сына Анатолия, с ним вместе заехать к князю Николаю Андреевичу Болконскому с тем, чтобы женить сына на дочери этого богатого старика. Но прежде отъезда и этих новых дел, князю Василью нужно было решить дело с Pierr'ом, который, правда,

ездил каждый день и последнее время проводил целые дни у князя Василия, был смешон, взволнован и глуп, как должен быть влюбленный, в присутствии Hélène, но всё еще не делал предложения.

«Tout ça est bel et bon, mais il faut que ça finisse»¹⁷, — сказал себе раз утром князь Василий с вздохом грусти¹⁸, сознавал, что Pièrre, стольким обязанный ему (ну, да Христос с ним), не совсем хорошо поступает в отношении его. «Молодость, легкомыслие, ну, да бог с ним», — подумал князь Василий, с удовольствием чувствуя свою доброту, mais il faut que ça finisse. Послезавтра Лелины именины, я позову кое-кого. И ежели он не поймет, что он должен сделать, то уж это будет мое дело. Я отец».

Pièrre полтора месяца после вечера Анны Павловны и последовавшей за ним бессонной, взволнованной ночи, в которой он решил, что женитьба на Hélène было бы загубление своей жизни, что ему нужно избегать ее и уехать, Pièrre после этого решения каждый день ездил к князю Василию и с ужасом чувствовал, что каждый день он больше и больше в глазах людей связывается с нею, что он не может никак возвратиться к своему прежнему взгляду на нее, что он не может и оторваться от нее, что это будет ужасно, но что он должен будет связать с нею свою судьбу. Может быть, он и мог бы воздержаться, но не проходило дня, чтобы он не получал записки от княгини или самой Hélène по поручению матери, в которой ему писали, что его ждут и что ежели он не приедет, он расстроит их общее удовольствие и обманет их надежды... Князь Василий в те редкие минуты, когда бывал дома, проходя мимо Pièrre'a, дергал его за руку вниз, рассеянно подставлял ему щеку и говорил или «до завтра», или «к обеду, а то я тебя не увижу», или «я для тебя остаюсь» и т. п. Но, несмотря на то, что когда князь Василий оставался для Pièrre'a (как он это говорил), он не говорил с ним двух слов. Pièrre не чувствовал себя в силах обмануть их ожидания. Он ездил и каждый раз говорил себе все одно и одно: «Надо же, наконец, понять ее и дать себе отчет, кто она? Ошибался ли я прежде или теперь ошибаюсь. Нет, она не глупа, нет, она прекрасная женщина, — говорил он сам себе. — Никогда ни в чем она не ошибается, никогда она ничего не скажет глупого. Она мало говорит, но то, что она скажет, всегда просто и ясно. Так она не глупа. Никогда она не смущалась и не смущается. Так она не дурная женщина». Часто ему случалось с нею начинать рассуждать, думать вслух, и всякий раз она отвечала ему на это либо короткими, но к стати сказанными замечаниями, показывавшими, что ее это не интересует, либо молчаливой улыбкой и взглядом, которые ощутительнее всего показывали Pièrre'у ее превосходство¹⁹. Она была права, признавая все рассуждения вздором в сравнении с этой улыбкой. Она встречала его всегда радостной, доверчивой, к нему одному относившейся улыбкой, в которой было что-то значительнее того, что было в общей улыбке, украшавшей всегда ее лицо. Всё было хорошо. Pièrre знал, что все ждут только того, чтобы он, наконец, сказал одно слово, переступил через известную черту, и он знал, что он рано или поздно переступит через нее, но какой-то непонятный ужас обхватывал его при одной мысли об этом неизбежном шаге.

Тысячи раз в продолжении этого полутора месяца, во время которого он чувствовал себя все дальше и дальше втягиваемым в ту пропасть, которая страшила его, Pièrre говорил себе: «Да что же это? Нужно энергии. Разве нет у меня ее?» И он нравственно хотел приподниматься, но он с ужасом чувствовал, что не было у него в этом случае той энергии, которую он знал в себе и которая действительно была в нем. Pièrre при-

¹⁷ Всё это прекрасно, но всему должен быть конец.

¹⁸ На полях: *Скоро граф Безухов привычным, нежным тогда, как никогда не был неправ, что нежный. Он выучил (и прбз) у других.*

¹⁹ В автографе: *превосходству.*

надлежал к числу тех людей, которые сильны только тогда, когда они чувствуют себя вполне чистыми. А с того дня, как его страстной натурой овладело то чувство желания, которое он испытал над табакеркой у Анны Павловны, несознанное чувство виновности этого стремления, парализовало его энергию. Помочь ему было некому, и он всё дальше и дальше шел к тому шагу, [который он не] <к> которому он стремился.

В день именин Hélène у князя Василия ужинало маленькое общество людей самых близких, как говорила княгиня, — родные и друзья. Всем этим родным, друзьям дано было чувствовать, что в этот день должна решиться участь именинницы. Гости сидели за ужином. Княгиня Курагина, массивная, когда-то красивая, представительная женщина, сидела на хозяйском месте. По обеим сторонам ее сидели почетнейшие гости, старый генерал, его жена, Анна Павловна Шерер. В конце стола сидели менее пожилые и почетные гости, и там же сидели, как домашние, Pierre и Hélène — рядом. Князь Василий не ужинал: он похаживал вокруг стола в самом веселом расположении духа, подсаживаясь то к тому, то к другому из гостей, каждому он говорил небрежно приятное слово, исключая Pierr'u и Hélène, которых он и не замечал, казалось, присутствия. Князь Василий оживил всех. Ярко горели восковые свечи, блестели серебро и хрусталь посуды, наряды дам и золото и серебро эполет, сновали вокруг стола слуги в красных кафтанах; слышались звуки ножей, стаканов, тарелок и звуки оживленного говора нескольких разговоров, ведомых вокруг этого стола. Слышно было, как старый камергер в одном конце уверял старушку баронессу в своей пламенной любви к ней и ее смех; с другой — рассказ о неуспехе Марьи Викторовны, с третьей — приглашение на завтра. У середины стола князь Василий сосредоточил вокруг себя слушателей, и его один голос слышался. Он рассказывал дамам с шутливой улыбкой на губах последнее — в среду — заседание государственного совета, на котором был получен и читался Сергеем Кузьмитиновым²⁰, новым петербургским военным генерал-губернатором, знаменитый тогда рескрипт государя Александра Павловича из армии, в котором государь, обращаясь к Сергею Кузьмичу, говорил, что со всех сторон получает он заявления о преданности народа и что он благодарит петербургских жителей за выражения их преданности, которые доходят до него, и что он гордится честью быть главою этой нации и постарается быть ее достойным.

— Так, так и не пошло дальше «Сергей Кузьмич?» — спрашивала, смеясь, одна дама.

— Ни на волос, — отвечал князь Василий. — Бедный Вязьмитинов никак не мог пойти далее. Несколько раз он принимался сначала за письмо, но только что скажет Сергей... и слезы, и уж Ку...зьми...ч заглушались рыданиями, и дальше он не мог, и опять платок, и опять Кузьмич и слезы... так что уже мы попросили прочесть другого.

— Кузьмич... и слезы... — повторил другой.

— Не будьте злы, — погрозив пальцем, с другого конца стола проговорила Анна Павловна, — c'est un si brave et excellent homme notre bon Viazmitinoff...²¹.

Все вступили в разговор, завязавшийся на верхнем, почетном, конце стола, все были, казалось, веселы и под влиянием самых различных оживленных настроений; только Pierre и Hélène молча сидели рядом почти на нижнем конце стола; на лицах обоих сдерживалась сияющая улыбка стыдливости перед своим счастьем, и что бы ни говорили, как бы ни смеялись и шутили другие, как бы аппетитно ни кушали рейнвейн и сотэ, и мороженое, как бы ни избегали взглядом эту чету, как ни казались равнодушны, невнимательны к ней, чувствовалось почему-то, по изредка

²⁰ Очевидно, по ошибке Толстой вместо: Сергеем Кузьмичом Вязьмитиновым написал: Кузьмитиновым.

²¹ он такой славный человек, наш добрый Вязьмитинов...

бросаемым на них взглядам, что и анекдот о Сергее Кузьмиче, и смех, и кушанье — всё было притворно, все силы внимания всего этого общества были обращены только на Pierr'a и Hélène. Князь Василий представлял всхлипывания Сергея Кузьмича и в это время обегал взглядом дочь; и в то время как он смеялся, выражение его лица говорило: «Так, всё идет хорошо, нынче всё решится». Анна Павловна грозила ему за *notre bon Vaizmitinoff*, а в глазах ее, которые мельком блеснули в этот момент на Pierr'a, он читал поздравление с будущим зятем и счастьем дочери. Старая княгиня, предлагая с грустным вздохом вина своей соседке и сердито взглянув на дочь, этим вздохом как будто говорила: «Да, теперь нам с вами ничего больше не осталось, как пить сладкое вино, моя милая; теперь время этой молодежи быть так дерзко и вызывающе счастливой». Старый генерал мрачно и презрительно повторил слова своей жены, указывая тем на их глупость. «Нет того, чтобы быть такой же красавицей и милой, как эта красавица, — подумал он, — а тодько врать». «И что за глупость всё то, что я рассказываю о Венском кабинете, как будто это меня интересует, — думал дипломат, взглядывая на счастливые лица любовников, — вот это счастье!»

Среди тех ничтожно мелких, искусственных интересов, которые связывали это общество, попало простое чувство стремления красивых и здоровых молодых мужчины и женщины друг к другу. И это серьезное человеческое чувство подавило всё и парило над всем их искусственным лепетом. Шутки были не веселы, новости не интересны, оживление — очевидно поддельно. Не только они, но лакеи, служившие за столом, казалось, чувствовали то же и забывали порядок службы, заглядываясь на стройную, мраморную, прямую фигуру Hélène с ее сияющим лицом, получившим вдруг для всех новое значение, и на это красное, толстое лицо Pierr'a, изнывавшего от сдержанной страсти. Казалось, и огни свечей сосредоточены были только на эти два счастливые лица.

Pierre чувствовал, что он был центром всего, и это положение и радовало и стесняло его. Он ничего не видит, не помнит, не слышит. Он находится в состоянии человека, углубленного в какое-нибудь занятие. Только изредка, неожиданно, мелькают в его душе отрывочные мысли и впечатления из действительности.

«Так уж всё кончено! — думает он. — И как это всё сделалось? Так быстро? Теперь я знаю, что не для нее одной, не для себя одного, но и для всех это должно неизбежно свершиться. Они все так ждут этого, так уверены, что это будет, что я не могу, не могу обмануть их. Но как это будет? Не знаю», — и он опять погружается в свое сосредоточивающее все его душевные способности занятие. Опять он видит подле самых глаз своих это лицо, эти глаза, этот нос и начало бровей, и шею и начало волос и груди. То вдруг ему становится стыдно чего-то. Ему неловко, что он один занимает внимание всех, что он счастливее в глазах других, что он сибарит Парис, обладающий Эленой. Но, верно, это всегда так бывает, и так надо. И опять он слышит, видит, чувствует только ее, ее близость, ее дыхание, ее движения, ее красоту. И ему кажется, что это не она, а он сам так необыкновенно красив, что оттого-то и смотрят так на него, и он, счастливый общим удивлением, выпрямляет грудь, поднимает голову и радуется своему счастью. Вдруг какой-то голос, чей-то знакомый голос, слышится ему из той жалкой мелочной жизни, в которой и он жил прежде, в которой нет красоты и самозабвения, он слышит голос, который говорит ему что-то другой раз.

— Я спрашиваю у тебя, когда ты получил письмо от Болконского, — говорит голос князя Василия. — Как ты рассеян, мой милый.

Князь Василий улыбается, и Pierre видит, что все, все улыбаются на него и на Hélène. «Ну, что ж, коли вы все знаете, — говорит сам себе Pierre. — Ну, что ж? это правда». И он сам улыбается, открывая свои дурные зубы, и Hélène улыбается.

Когда же ты получил? Из Ольмюца? — повторяет князь Василий, которому будто нужно это знать для решения спора.

«И можно ли говорить и думать о таких пустяках?» — думает Pièrre.

— Да, из Ольмюца, — отвечает он с вздохом соболезнования ко всем тем, кто не он в эту минуту.

От ужина Pièrre повел свою даму за другими в гостиную. Гости стали разъезжаться и некоторые уезжали, не простившись с Héléne, как будто не желая отрывать ее от ее серьезного занятия; некоторые подходили на минуту и скорее отходили, запрещая ей провожать. Дипломат грустно молчал, выходя из гостиной. Ему представлялась вся тщета его дипломатической карьеры в сравнении с счастьем Pièrre. Старый генерал сердито проворчал на свою жену, когда она его спросила о его ноге. «Эка, старая карга, — подумал он. — Вот Елена Васильевна, так та и в 50 лет красавица будет».

— Кажется, что я могу вас поздравить, — прошептала Анна Павловна княгине и крепко пожала ее руку. — Ежели бы не мигрень, я бы осталась.

Княгиня ничего не отвечала; ее мучала зависть к счастью своей дочери.

Pièrre во время проводов гостей долго оставался с Héléne в маленькой гостиной, где они сели. Он часто и прежде в последние 11/2 месяца, оставался один с Héléne и никогда не говорил ей о любви, но теперь он чувствовал, что это было необходимо, и не мог решиться на этот последний шаг. Ему, больше чем прежде, всё казалось стыдно, что он тут один с этой красавицей, которая так привлекает его. Как будто тут, подле Héléne он занимал чье-нибудь чужое место. «Не для тебя это счастье, — говорил ему какой-то внутренний голос. — Это счастье для тех, у кого нет того, что есть у тебя». Но надо было сказать что-нибудь, и он заговорил. Он спросил у нее, довольна ли она нынешним вечером? Она как и всегда с простотой своей отвечала, что нынешние именины были для нее одними из самых приятных. И она заговорила о тех, кто были у них, и она про всех говорила хорошо.

Кое-кто из ближайших родных еще оставались. Они сидели в большой гостиной. Князь Василий ленивыми шагами подошел к Pièrre'у. Pièrre встал и сказал, что уже поздно. Князь Василий строго-вопросительно посмотрел на него, как будто то, что он сказал, было так странно, что нельзя было и расслышать. Но вслед за тем выражение строгости изменилось, и князь Василий дернул за руку вниз Pièrre'a, посадил его и ласково улыбнулся.

Ну, что, Леля? — обратился он тотчас же к дочери с тем небрежным тоном привычной нежности, который усваивается родителями, с детства ласкающими своих детей, но который князь Василием был усвоен посредством подражания.

И он опять обратился к Pièrre'у:

— Et Сергей Кузьмич! N'est pas c'est charmant? ²²

Pièrre улыбнулся, но по его улыбке видно было, что он понимал, — не анекдот <о> Сергее Кузьмиче интересовал в это время князя Василья; и князь Василий понял, что Pièrre понимал это. Он вдруг смутился, пробурился что-то и вышел. Вид смущения этого старого светского человека тронул Pièrre'a, он оглянулся на Héléne, — и она, казалось, была смущена и взглядом говорила: «Что ж, вы сами виноваты».

«Надо неизбежно перешагнуть, но не могу, я не могу», — думал Pièrre и заговорил опять о постороннем, о Сергее Кузьмиче, спрашивал, в чем состоял этот анекдот, так как он его не расслышал. Héléne с улыбкой отвечала, что она тоже не знает.

Когда князь Василий вошел в гостиную, княгиня тихо говорила с пожилой дамой о Pièrre'e.

²² Не правда ли, это престельно?

— Конечно, c'est un parti brillant, mais le bonheur, ma chère...²³.

— Les mariages se font dans les cieux²⁴, — отвечала пожилая дама.

Князь Василий, как бы не слушая дам, прошел в дальний угол и сел на диван. Он закрыл глаза и как будто дремал. Голова его было упала, и он очнулся.

— Aline, — сказал он жене, — allez voir ce qu'ils font²⁵.

Княгиня подошла к двери, прошла мимо нее с значительным равнодушным видом и заглянула в гостиную. Pièrre и Hélène так же чинно сидели и разговаривали.

— Всё то же, — отвечала она мужу.

— Князь Василий нахмурился, сморщил рот на сторону, что придавало ему злое выражение, и вдруг, встряхнувшись, встал, — закинул назад голову и, приняв еще в большой гостиной торжественное счастливое выражение, решительными шагами, мимо дам, прошел в маленькую гостиную. Он скорыми шагами радостно подходил к Pièrre'у. Лицо князя было так необыкновенно торжественно, что Pièrre испуганно встал, увидав его.

— А я то? Я то? — заговорил князь Василий. — Жена мне только сказала. Поди сюда и ты, Леля. — Он обнял одной рукой Pièrre'a, другой — дочь. — Я очень, очень рад. — Голос его задрожал. — Я любил твоего отца... и она будет тебе хорошая жена... Бог да благословит вас...

Он обнял дочь, потом опять Pièrre'a и поцеловал его дурно пахучим ртом. Слезы лились по его щекам.

— Княгиня, иди же сюда, — прокричал он.

Трудный шаг был перешагнут, и Pièrre чувствовал себя и облегченным и счастливым. Княгиня плакала, и пожилая дама тоже, Pièrre'a целовали. И он целовал руки прекрасной Hélène. После благословений их опять оставили одних. Pièrre молча держал ее руку и смотрел на ее поднимающуюся и опускающуюся грудь.

— Hélène! я страстно люблю тебя, — сказал он, и ему стыдно стало. Он взглянул в ее лицо. Она придвинулась к нему ближе. Лицо ее было красно.

— Ах, снимите эти... как эти... — она указывала на очки.

Pièrre снял очки, и глаза его сверх той общей странности глаз людей, снявших очки, глаза его смотрели испуганно-вопросительно. Он хотел нагнуться над ее рукой и поцеловать ее, но она вдруг быстрым движением головы перехватила его губы и свела их с своими. Лицо ее в эту минуту поразило Pièrre'a своим вдруг изменившимся неприятно-растерянным выражением. «Теперь уже поздно, всё кончено; да и я люблю ее», — подумал Пьер.

Через 11/2 месяца он был обвенчан и поселился с женой в большом петербургском доме графов Безуховых.

⟨II⟩

После обручения Pièrre'a с Hélène старый князь Николай Андреич Болконский получил письмо от князя Василья, извещавшего его о своем приезде вместе с сыном¹ («я еду на ревизию, и, разумеется, мне 100 верст не крюк, чтобы посетить вас, многоуважаемый благодетель, — писал он, — Анатолий мой провожает меня, и едет в армию, и я надеюсь, что позволите ему лично выразить вам то глубокое уважение, которое он, подражая отцу, питает к вам»).

— Вот Marie и вывозить не нужно, женихи сами к нам едут, — неосто-

²³ это партия блестящая, но счастье, моя милая...

²⁴ Браки совершаются на небесах.

²⁵ Алина, пойди, посмотри, что они делают.

¹ На полях: Для Анатолия было бы вкусно вино и только красивые женщины. Постройки — страсть старика.

рожно сказала маленькая княгиня, услышав про это. Князь Николай Андреич поморщился и ничего не сказал на это. [По утрам]

Через 2 недели после получения письма вечером приехали вперед люди князь Василья, а на другой день приехал и он сам с сыном. Старый Болконский всегда был невысокого мнения о характере князя Василья, но в последнее время, когда князь Василий далеко пошел в чинах и почестях, и особенно, судя по намекам письма и маленькой княгини, поняв намерение сватовства князя Василья, невысокое мнение перешло в чувство недоброжелательного презрения. Он постоянно фыркал, говоря про него. В тот день, как приехать князю Василью, князь Николай Андреич был особенно недоволен и не в духе. Оттого ли он был не в духе, что приезжал князь Василий, или оттого он был недоволен [что <должен?>] приездом князя Василия, что был не в духе, но люди [знавшие], имеющие с ним дело, уже по одному лицу его и походке знали, что в этом состоянии он сердит, лучше избегать его. Как обыкновенно он вышел гулять в своей бархатной пубке с собольим воротником и такой же шапке. Накануне выпал глубокий снег. Князь пошел в сад, как предполагал управляющий, с тем чтобы придраться к чему-нибудь, но дорожка, по которой хаживал князь Николай Андреич в оранжереи, была уже расчищена, следы метлы виднелись на разметанном снегу и лопата была воткнута в рыхлую насыпь снега, шедшую с обеих сторон дорожки. Князь прошел по оранжереям. Всё было хорошо. Но на постройках он рассердился на архитектора за то, что крыша нового флигеля не была кончена и, несмотря на то, что это было известно ему вчера, разбранил Михаила Ивановича. Он уже подходил к дому, сопутствуемый управляющим.

— А проехать в санях можно? — спросил он. — Княгине прокатиться.

— Глубок снег, ваше сиятельство, я уж по прешпекту разметать велел.

Князь одобрительно наклонил голову и входил на крыльцо.

— Проехать трудно было. — прибавил управляющий. — Как слышно было, ваше сиятельство, что министр пожалуют к вашему сиятельству [я и расчистил].

Князь вдруг повернулся всем телом к управляющему.

— Что? Какой министр? Кто велел? — крикнул князь своим пронзительно-жестким голосом. — Для княгини, моей дочери, не расчистил, а для министра. У меня нет министров.

— Помилуйте, ваше сиятельство, я полагал...

— Ты полагал, — закричал князь всё более и более разгораясь, но и тут он еще не ударил бы Алпатыча, ежели бы он не успел своими словами раздражить себя до последней степени. — И кто тебя выучил тому, чтобы за меня делать почести людям, которых я знать не хочу? Для дочери моей нельзя, а для кого-нибудь можно. — Этой мысли уж не мог вынести князь.

За обедом маленькая княгиня, княжна и m-lle Bourienne, знавшие, что князь не в духе, стояли, ожидая его. M-lle Bourienne с сияющим лицом, которое говорило: «Я ничего не знаю, я такая же как всегда», и княжна Марья — бледная, испуганная, с опущенными глазами. Тяжелее всего для княжны Марьи было то, что она знала, что в этих случаях надо поступать, как m-lle Bourienne, но не могла. Ей казалось: «Сделаю я так, как будто не замечаю (кроме того, что я не могу лгать), он подумает, что у меня нет сочувствия; сделаю я так, что я сама скучна и не в духе (что и правда), он скажет, как это и бывает, что я пос повесила, дуюсь и т. п.»

Князь взглянул на испуганное лицо дочери, фыкнул.

— Др! или дура! — проговорил он и обратился к m-lle Bourienne.

«И той нет, уж наслетничали», — подумал он про маленькую княгиню, которой не было в столовой.

— А княгиня где? — спросил он. — Прячется?

— Она не совсем здорова, — весело улыбаясь, отвечала Bourienne. — Она не выйдет. Это так понятно в ее положении.

Воображаю, — проговорил князь и сел за стол.

Тарелка ему показала не чиста; он указал на пятно и бросил ее. Тихон подхватил ее. Маленькая княгиня была не здорова; но она до такой степени непреодолимо боялась князя, что, услышав о том, как он не в духе, она решила не выходить.

— Я боюсь за ребенка, — говорила она m-lle Bourienne. — Бог знает, что может сделаться от испуга.

— Sans doute, sans doute².

Вообще маленькая княгиня жила в Лысых Горах постоянно под чувством страха и антипатии; антипатии она не сознавала в себе к старому князю, потому что страх так преобладал, что она не могла чувствовать ее. Со стороны князя была та же антипатия, но заглушалась презрением. Княгиня полюбила особенно m-lle Bourienne, проводила с нею дни, просила ее ночевать с собой и с нею часто говорила о свекоре, судила его.

— Il nous arrive du monde, mon prince³, — сказала m-lle Bourienne, своими розовенькими руками развертывая белую салфетку. — Son excellence le prince avec son fils, à ce que j'ai entendu dire? — вопросительно сказала она.

— Гм! эта excellence — мальчишка, которого я тогда отвез и определил в Коллегию, — оскорбленно сказал князь так, как будто m-lle Bourienne хотела унижить его. — А сына для чего он везет, я не могу понять. Княгиня Лизавета Карловна и княжна Марья, а уж я не знаю, к чему он везет сюда этого франта. Мне это ненужно. — И он посмотрел на покрасневшую дочь. — Что с тобой? Ты нездорова что ли? От страха министра, как нынче мне этот болван Алпатыч сказал.

— Нет, mon père⁴.

— Послать ко мне Алпатыча.

Как ни неудачно попала m-lle Bourienne на предмет разговора, она не остановилась и болтала о оранжерее, о красоте новой постройки и князь после супа смягчился, как она думала, от ее речей, в сущности же от того, что он поел супу и желудок начал варить.

После обеда он прошел к невестке. Маленькая княгиня сидела за маленьким столиком и болтала с Машей горничной. Она побледнела, увидав свекора.

— Да тяжесть какая-то.

Она была дурна, щеки опустились, губа поднялась кверху, глаза обтянуты книзу.

— Не нужно ли чего?

— Нет, merci.

— Ну, хорошо, хорошо.

Он вышел и дошел до официантской.

Алпатыч, в положении приговоренного к смерти, стоял в официантской.

— Закидана дорога?

— Закидана, ваше сиятельство, простите ради бога, по одной глупости...

Князь перебил его и засмеялся своим неестественным смехом.

— Ну, хорошо, хорошо. — Он протянул руку, которую поцеловал Алпатыч, и прошел в кабинет.

Вечером приехал князь Василий. Его встретили на прешпекте кучера и официанты, с криком провезли его возки и сани к флигелю по насыпанной снегом дороге.

² Несомненно, несомненно.

³ К нам приезжают гости, князь.

⁴ Его сиятельство князь с сыном, сколько я слышала?

⁵ отец

Князю Василию и Анатолю были отведены отдельные комнаты⁶. Анатоль был совершенно спокоен и весел, каким он и бывал всегда. Как на всю жизнь свою он смотрел, как на веселую *partie de plaisir*⁷, которую кто-то такой почему-то взялся и обязан доставлять ему, так он и смотрел на свою поездку к [старому] злому старику и к богатой уродливой наследнице. Всё это могло [быть] выдти, по его предположениям, очень хорошо и забавно, ежели обеды будут хороши и вино будет, да и женщины могут подвернуться красивые. «А отчего ж не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мешает». Так думал Анатоль. Он ущипнул забежавшую хорошенькую горничную княгини и, громко смеясь, принялся за свой туалет.

Он выбрился, надушился с тщательностью и щегольством, сделавшись его привычкою, и с прирожденным ему торжествующе-победительным выражением, выпячивая вперед грудь и высоко неся красивую голову, вошел в комнату к отцу. Около князя Василья хлопотали его два камердинера, одевая его; он сам оживленно оглядывался вокруг себя и весело кивнул входившему сыну, как будто он говорил: «Так, таким мне тебя и надо!»

— Нет, без шуток, батюшка, она очень уродлива? А? — спросил он, как бы продолжая разговор, не раз веденный во время путешествия.

— Полно, глупости! Главное дело — старайся быть почтителен и благоразумен с старым князем.

— Ежели он будет браниться, я уйду, — сказал он. — Я этих стариков терпеть не могу. А?

— Mon cher, je n'aime pas à vous entendre plaisanter sur ce chapitre⁸. Помни, что для тебя от этого зависит всё.

В это время в девичьей не только был известен приезд министра с сыном, но внешний вид их обоих был уже подробно описан. Княжна Марья сидела одна в своей комнате и тщетно пыталась преодолеть свое внутреннее волнение.

«Зачем они писали, зачем Lise говорила мне про это, ведь этого не может быть, — говорила она себе, взглядывая в зеркало. — Как я выйду в гостиную? Ежели бы он даже мне понравился, я бы не могла быть теперь с ним сама собою». И одна мысль о взгляде насмешки ее отца приводила ее в ужас.

Маленькая княгиня и m-lle Bourienne, получив все нужные сведения от горничной Маши, подвернувшейся Анатолю, о том, какой чернобровый красавец был министерский сын, и о том, как папенька их насилу ноги проволок на лестницу, а он, как орел, по три ступеньки за ним пробежал. Получив и т. п. сведения, маленькая княгиня с m-lle Bourienne, еще из коридора слышные своими приятными, оживленно переговаривавшимися голосами, вошли в комнату.

— Ils sont arrivés, Marie⁹, вы знаете? — сказала маленькая княгиня, переваливаясь своим животом, подходя и падая в кресло. Она уже не была в той блузе, в которой сидела за обедом, а на ней было одно из лучших ее зеленое шелковое платье; голова ее была тщательно убрана, и на лице ее было оживленье, не скрывавшее, однако, опустившихся и помертвевших очертаний лица. В том наряде, в котором она бывала обыкновенно в обществах в Петербурге, еще заметнее было, как много она подурнела. На m-lle Bourienne тоже появилось уже незаметно какое-то усовершенствование наряда, которое придавало ее хорошенькому, свеженькому лицу еще более привлекательности.

— Eh bien, et vous restez comme vous êtes, chère princesse....¹⁰, — заро-

⁶ На полях: Отношение князя Василия к сыну.

⁷ увеселительную прогулку

⁸ Милый мой, я не хочу выслушивать твои шуточки по этому поводу.

⁹ Они приехали, Мари.

¹⁰ Ну, а вы останетесь в чем были, княжна...

ворила она.— *On va venir annoncer, que ces messieurs sont au salon; il faudra descendre, et vous ne faites pas un petit brin de toilette*¹¹.

Маленькая княгиня подняла свою короткую верхнюю губку над белыми зубами, сама поднялась с кресла, позвонила горничную и поспешно и весело принялась придумывать наряд для княжны Марьи и приводить его в исполнение. Княжна Марья чувствовала себя оскорбленной в чувстве собственного достоинства тем, что приезд обещанного ей жениха волновал ее в тайне ее души, она стыдилась этого и старалась перед собою даже скрыть это чувство. Они же (ее *belle soeur* уже нарядилась) прямо говорили ей, что она должна сделать то же, предполагая это в порядке вещей. Сказать им, как ей совестно было за себя и за них, это значило выдать свое волнение; кроме того, отказаться от этого наряжания повело бы к продолжительным шуткам и настаиваниям. Она вспыхнула, прекрасные глаза ее потухли, некрасивое лицо ее покрылось пятнами, и с тем некрасивым выражением жертвы, чаще всего останавливающимся на ее лице, она отдалась во власть *m-lle Bourienne* и Лизы. Обе женщины заботились совершенно искренно о том, чтобы сделать ее красивой. Она была так дурна, что ни одной из них не могла прийти мысль о соперничестве с нею; поэтому они совершенно искренно, с тем наивным и твердым убеждением женщин, что наряд может сделать лицо красивым, принялись за ее одеванье.

— Нет, право, *ma bonne amie*¹²,— это платье нехорошо,— говорила *Lise*,— вели подать, у тебя там есть масака. Право. А это нехорошо, слишком светло, нехорошо, нет нехорошо.

Нехорошо было не платье, но лицо и вся фигура княжны. Этого не чувствовали *m-lle Bourienne* и маленькая княгиня; им всё казалось, что, ежели приложить голубую ленту к волосам, зачесанным кверху, и спустить голубой шарф с коричневого платья и т. п., то всё будет хорошо. Но они забывали, что испуганное лицо и фигуру нельзя было изменить, и потому, как они ни видоизменяли раму и украшение этого лица, само лицо портило всё. После двух или трех перемен, которым покорно подчинялась княжна Марья, в ту минуту, как она была зачесана кверху (прическа совершенно изменившая и портившая ее лицо), в голубом шарфе и масака нарядном платье, маленькая княгиня раза два обошла кругом ее, маленькою ручкой оправила тут складку платья, там подернула шарф и посмотрела, склонив голову, то с той, то с другой стороны.

— Нет, это нельзя,— сказала она решительно, всплеснув руками.— *Non, Marie, décidément ça ne vous va pas. Je vous aime mieux dans votre petite robe grise de tous les jours. Non, de grâce, faites cela pour moi*¹³. Катя,— сказала она горничной,— принеси княжне серенькое платье, и посмотрите, *m-lle Bourienne*, как я это устрою,— сказала она с улыбкой предвкушения артистической радости.

Но, когда Катя принесла требуемое платье, княжна Марья неподвижно все сидела перед зеркалом, глядя на свое лицо, и в зеркале увидала, что в глазах ее стоят слезы и что рот ее дрожит, приготавливаясь к рыданиям.

— *Voyons, chère princesse*,— сказала *m-lle Bourienne*,— *encore un petit effort*¹⁴.

Маленькая княгиня, взяв платье из рук горничной, подходила к княжне Марье.

— Нет, теперь мы это сделаем просто, мило,— говорила она.

¹¹ Сейчас придут сказать, что они вышли. Надо будет идти вниз, а вы хоть бы чуть-чуть принарядились.

¹² мой дружок

¹³ Нет, Мари, решительно это нейдет к вам. Я вас лучше люблю в вашем сереньком ежедневном платьице, пожалуйста, сделайте это для меня.

¹⁴ Ну, княжна, еще маленькое усилие.

Голоса ее, m-lle Bourienne и Кати, которая о чем-то засмеялась, сливались в веселое лепетанье, похожее на пенье птиц.

— Non, laissez moi¹⁵, — сказала княжна.

И голос ее звучал такой серьезностью и страданием, что лепетанье птиц тотчас же замолкло. Они посмотрели на большие прекрасные глаза, полные слез и мысли, ясно и умоляюще смотревшие на них, и они поняли, что настаивать бесполезно и даже жестоко.

— Au moins changez de coiffure¹⁶, — сказала маленькая княгиня. Je vous disais, — с упреком сказала она, обращаясь к m-lle Bourienne, — Marie a une de ces figures, auxquelles ce genre de coiffure ne vas pas du tout. Mais du tout, du tout. Changez de grâce¹⁷.

— Laissez moi, laissez moi, tout ça m'est parfaitement égal¹⁸, — отрезал голос едва удерживающей слезы княжны Марьи.

Они пожали плечами, сделали жест удивления, признаваясь теперь, что княжна Марья в этом виде была очень дурна, хуже, чем всегда; но было уже поздно. Она смотрела на них с тем выражением, которое они знали, выражением мысли и грусти. Выражение это не внушало им страха к княжне Марье. (Этого чувства она никому не внушала.) Но они знали, что, когда на ее лице появлялось это выражение, она была молчалива, и скучна, и упорна в своих решениях.

— Vous changerez, n'est ce pas?¹⁹ — сказала Lise и, когда княжна Марья обещала это сделать, вышла из комнаты.

Когда княжна Марья осталась одна в комнате, она не исполнила обещания Лизе и не взглянула даже на себя в зеркало, а бессильно опустив глаза и руки, молча сидела и думала²⁰. Ей представлялся муж — сильное, ясное и непонятно-привлекательное существо, принадлежавшее ей одной. Ребенок, свой маленький ребенок, такой, какого она видела вчера у дочери кормилицы, представлялся ей у груди, и опять тот же муж представлялся ей обнимающим ее. А она стыдливо и радостно взглядывала на него.

— Пожалуйте к чаю. Князь сейчас выйдут, — сказал из-за двери голос горничной. И этот голос разбудил ее.

Она очнулась и ужаснулась тому, о чем она думала. «Это слишком невозможно, — подумала она. — Это счастье, которое ей не дается на земле». И прежде чем идти вниз, она [подошла к образам] встала, вошла в образную и, устремив на освещенный лампадкой черный лик большого образа Спасителя, простояла перед ним [сложив] с сложенными руками несколько минут и, вздохнув и перекрестившись, вышла. В душе княжны Марьи было мучительное сомнение. Возможна ли для нее радость любви, земной любви к мужчине? В мысли о браке княжна Марья мечтала и о семейном счастье, о детях, но главною, сильнейшею и затаенною ее мечтой была любовь земная. Чувство было тем сильнее, чем более она старалась скрывать его и вызывать другим и даже самой себе как совершенно победившей это чувство. «Боже мой, — говорила она, — как мне подавить в сердце своем эти мысли дьявола? Как мне отказаться так, навсегда, от злых помыслов, чтобы спокойно исполнять твою волю?» И едва она сделала этот вопрос, как бог уже отвечал ей в ее собственном сердце: «Не желай ничего для себя, не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовой ко всему. Ежели богу угодно будет испытать тебя в обязанностях брака, будь готова исполнить его волю». С этою успо-

¹⁵ Нет, оставьте меня.

¹⁶ По крайней мере перемените прическу.

¹⁷ Я вам говорила, что у Мари одно из тех лиц, которым этот род прически совсем нейдет. Перемените, пожалуйста.

¹⁸ Нет, оставьте меня, оставьте меня, всё это мне совершенно безразлично.

¹⁹ Вы перемените, не правда ли?

²⁰ На полях: *Молитва после, а теперь мечты о земной любви.*

коительной и радостной мыслью (и с надеждой на исполнение своей запрещенной земной мечты) княжна Марья, вздохнув, перекрестилась и сошла вниз, не думая ни о своем платье, ни о прическе, ни о том, как она войдет и что скажет. Что могло всё это значить в сравнении с намерениями бога, без воли которого не падет ни один волос с головы человека.

Когда она вошла в комнату, князь Василий с сыном уже были в гостиной с маленькой княгиней и m-lle Bourienne. Когда она вошла своей тяжелою походкой, ступая на пятки, мужчины и m-lle Bourienne приподнялись; и маленькая княгиня, указывая на нее мужчинам, сказала: — *Voilà Marie* ²¹! Княжна Марья видела всех, и подробно видела. Она видела лицо князя Василья, на мгновение серьезно остановившееся при виде княжны и тотчас же улыбнувшееся, и лицо маленькой княгини, читавшей с любопытством и страхом на лице старого князя впечатление, которое произведет на него Мари. Она видела и m-lle Bourienne с ее легкой и красивым лицом и оживленный как никогда взгляд m-lle Bourienne, устремленный на *него*; но она не могла видеть *его*, — не могла решиться взглянуть, и ежели и взглянула, то ничего не разобрала, кроме чего-то очень большого, яркого и прекрасного. Сначала она поцеловала плечивую голову князя Василья, наклонившуюся над ее рукой, и отвечала на его слова, что она, напротив, очень хорошо помнит его. «Это я знаю, — подумала она, чувствуя запах [духов у] табаку и старости, это вроде отца». Потом к ней подошел и Анатолий. Она почувствовала нежную руку, твердо взявшую ее, почувствовала запах духов [еще чего-то мужского, молодого] и чуть дотронулась до белого лба, над которым были припосажены прекрасные русые волосы [ее вдруг окружила [такая] и наполнила ее воображение доселе непонятная, совершенно новая и казавшаяся для нее прелестная атмосфера молодого, здорового, красивого лица и]. Она взглянула на него и была поражена его красотой. Анатолий, заложив большой палец правой руки за застегнутую пуговицу мундира, с выгнутой вперед грудью, а назад — спиной, отставив и покачивая одной ногой и слегка склонив голову, молча весело поглядел на княжну, видимо совершенно о ней не думая. Анатолий был один из самых несветских людей в мире. Он не умел никогда ни начать, ни поддержать разговора, ни сказать даже тех нескольких слов, которые необходимо сказать при каждом начале знакомства; но, несмотря на то, он в свете был приличен, благодаря своей ничем не изменяемой уверенности и спокойствию, которая дороже всего ценится в свете. Замолчи при первом знакомстве несамостоятельный человек и выкажи сознание неприличности этого молчания и желание найти что-нибудь, и он упадет во мнении светских людей. Но Анатолий молчал, покачивая ногой, весело наблюдая прическу княжны, и видно, что он так спокойно мог молчать, сколько хотите. «Ежели кому неловко от молчания, так разговаривайте, а мне не хочется», — как будто говорил его вид. Кроме того, в обращении с женщинами у Анатолия была та манера, которая более всего внушает в женщинах любопытство, страх и любовь, манера презрительного сознания своего превосходства. Как будто он говорил им своим видом: «Знаю вас, знаю, да что с вами возиться, только обабиться. А уж вы бы рады!» Может быть, и даже вероятно, что он этого не думал, встречаясь с женщинами (и даже вероятно, что нет, потому что он вообще мало думал), но такой у него был вид и такая манера. Княжна почувствовала это и, как будто желая ему показать, что она и не смеет думать о том, чтобы занять его, обратилась к старому князю. Разговор шел общий и оживленный благодаря голосу и губке маленькой княгини. Она оживилась совершенно. Она встретила князя Василья с тем приемом шуточки, который часто употребляется болтливо-веселыми людьми и который состоит в том, что между человеком, с которым так обращаются, и собой предполагают какие-то давно

²¹ Вот Мари!

установившиеся шуточки и веселые и отчасти не всем известные забавные воспоминания, тогда как никаких таких воспоминаний нет, как их и не было между маленькой княгиней и князем Васильем. Князь Василий охотно поддался этому тону. Маленькая княгиня вовлекла в это воспоминание никогда не бывших смешных происшествий и Анатоля, которого она почти не знала. M-lle Bourienne тоже разделила эти общие воспоминания, и даже княжна Марья с удовольствием почувствовала и себя втянутою в это веселое воспоминание.

— Вот по крайней мере мы вами теперь вполне воспользуемся, милый князь,— говорила маленькая княгиня, разумеется, по-французски, князю Василью,— это не так, как на наших вечерах у Annette, где вы всегда убежите. Помните *cette chère Annette!*²²

— А, да вы мне не *подите говорить* про политику, как Annette!

— А наш чайный столик?

— О да!

— Отчего вы никогда не бывали у Annette? — спросила маленькая княгиня у Анатоля. — О! я знаю, знаю,— сказала она, подмигнув,— ваш брат Ипполит мне рассказывал про ваши дела. — О! — Она погрозила ему пальцем. — Еще в Champs Elisées²³ ваши проказы знаю!

— А он, Ипполит, тебе не говорил? — сказал князь Василий, обращаясь к сыну и хватая за руку княгиню, как будто она хотела убежать, а он едва успел удержать ее,— а он тебе не говорил, как он иссыхал по милой княгине и как она *le mettait à la porte*²⁴?

— Oh! C'est la perle des femmes, princesses!²⁵ — обратился он к княжне.

И они стали вспоминать князя Андрея, и когда еще он был ребенком у Курагиных.

С своей стороны m-lle Bourienne не упустила случая при слове: Champs Ellysées вступить в общий разговор воспоминаний.

— Oh! les champs Elisées,— сказала она. — Et la grille des Tuileries, mon prince...²⁶ — обратилась она с грустью воспоминаний к Анатолю.

Увидав хорошенькую Bourienne, он успокоился насчет того, что будет весело. «А, и тебе хочется?», — подумал он, оглядывая ее. — Что же, недурна. Пускай она ее с собой возьмет, когда выйдет замуж,— подумал он про княжну. — La petite est gentille²⁷.

Старый князь неторопливо одевался в кабинете, хмурясь обдумывал то, что ему делать. Приезд этих гостей сердил его. «Что мне князь Василий и его сынишка? Князь Василий болтунишка пустой, ну, а сыночек теперешний франтик должен быть». Это всё ничего; но сердило его то, что приезд поднимал в его душе нерешенный, постоянно заглушаемый вопрос, и вопрос, насчет которого старый князь всегда сам себя обманывал. Вопрос в том, решится ли он когда-либо для того, чтобы княжна Марья могла испытать о счастья семейной жизни, расстаться с нею и отдать ее мужу. Этот вопрос лежал в самой глубине сознания старого князя, и он никогда его себе прямо не решался ставить, зная вперед, что он ответил бы как всегда по справедливости, а справедливость противоречила не чувству, а всей возможности жизни. Жизнь без княжны Марьи князю Николаю Андреичу, несмотря на то, что, живя с ней, он ее мучал всеми зависящими от него средствами, жизнь без нее была бессмыслица для старого князя. Он не ставил себе главного вопроса, но бездна рассуждений, относившихся к нему, не выходили у него из головы. «И к чему ей выходить замуж? Наверно, быть несчастной. Вон Лиза за Андреем, лучше теперь, кажется, трудно найти, а разве она довольна»

²² эту милую Аннет!

²³ Елисейских полях

²⁴ выгоняла его из дома?

²⁵ Ах! это перл женщин, княжна!

²⁶ Ах, Елисейские поля... А ограда в Тюильри, князь...

²⁷ Девочка недурна.

своей судьбой? И кто ее возьмет за нее? Дурна, неловка. Возьмут за связи, за богатство, так не на радость, и разве не живут так... Но князь Василий привез прямо сына, прямо высказал свое желание. Имя, положение в свете было приличное, и вопрос должен был быть поставлен. «Что ж, я непрочь,— говорил сам себе князь (но сердце падало у него в груди при одной мысли о разлуке с дочерью), но пусть он будет стоять ее. Вот это-то мы и посмотрим».

— Это-то мы и посмотрим,— проговорил он вслух, и с этими словами, повертывая крышку табакерки, вышел в гостиную.— Это-то мы и посмотрим.

И он как всегда бодрыми шагами вошел в гостиную²⁸, быстро окинул глазами всех, заметил и перемену платья маленькой княгини, и ленточку Bougienne, и уродливую прическу княжны Марьи, и улыбки Bougienne и Анатоля, и одиночество своей княжны с своей прической. «Убралась, как дура! — подумал он, злобно взглянув на дочь.— Стыда нет! А он ее и знать не хочет!»

Он подошел к князю Василью.

— Ну, здравствуй, мой друг, очень рад тебя видеть.

— Для мила дружка семь верст не околица,— говорил князь Василий, как всегда, фамилиарный и с князем Николаем Андреевичем.

— Вот мой второй, прошу любить и жаловать.

Князь Николай Андрееч оглядел Анатоля.— Толст, толст! — сказал он,— а то молодец бы был, ну, поди поцелуй меня, и он подставил ему щеку.

Анатолий поцеловал старика и любопытно и совершенно спокойно смотрел на него, ожидая, скоро ли произойдет от него обещанное отцом смешное. Когда он сказал: «толст, толст»,— Анатолий засмеялся.

Князь Николай Андрееч сел на свое обычное место в угол дивана, подвинул к себе кресло для князя Василья и стал расспрашивать о политических делах, новостях. Он слушал с вниманием, с удовольствием рассказ князя Василья, но беспрестанно взглядывал на княжну Марью.

— Так уж из Потсдама пишут? — повторил он последние слова князя Василья и вдруг, встав, подошел к дочери.

— Это ты для гостей так причесалась? А? — сказал он.— Хороша, очень хороша. Ты при гостях причесана по-новому, а я при гостях тебе говорю, что вперед не смей ты переодеваться без моего спроса²⁹.

— Это я, mon père виновата,— сказала маленькая княгиня.

— Вам полная воля-с,— сказал князь Николай Андреевич, расшаркиваясь перед невесткой,— а ей уродовать себя нечего,— и так дурна. И опять сел на место, как будто не обращая более внимания на до слез доведенную дочь.

— Напротив, эта прическа очень идет княжне,— [сказал Анатолий, у которого были правило и привычка пользоваться всяким случаем, чтоб говорить приятное женщинам. Княжна радостно покраснела. Она была благодарна отцу за вызванное им слово от Анатоля.] сказал князь Василий.

— Ну, батюшка, молодой князь, как его зовут? — Он обратился к Анатолю: — Поди сюда, поговорим, познакомимся.— В голосе Николая Андрееча была ласковость, но княжна Марья и m-lle Bougienne знали, что ласковость эта заключала что-нибудь нехорошее. Действительно, князю нужно было проэкзаменовать Анатоля и постараться выказать его перед дочерью в самом невыгодном свете.

«Вот когда начинается потеха»,— подумал Анатолий и с насмешливо веселой улыбкой подсел к старому князю.

— Ну, вот что, вы много путешествовали, мой милый, за границей воспитывались (не так, как нас с твоим отцом дьячок грамоте учил), скажите мне, вы теперь служите?

²⁸ На полях: *Князь Багратион — герой. Союзники изменили.*

²⁹ По тексту запись: *Архитектор.*

— В конной гвардии.— Анатолий едва удерживался от смеху.
 — Что ж вы во фронте?
 — Да, я до сих пор во фронте.
 — Что же вы за границу с полком не пошли?
 — Так, не пришлось, князь.
 — А моему сыну пришлось. Всё небось о Париже сожалеешь? Ведь ты их там воспитывал? Князь Василий? А?
 — Как не сожалеть, князь.— Анатолий фыркнул от смеха.
 — Ну, в мое время я из Парижа в Лысые Горы просился. Да нынче всё другое. Ну, пойдем ко мне.— Он взял князя Василия под руку и повел в кабинет³⁰.

В кабинете князь Василий с своей небрежностью сумел завести разговор о деле.

— Что ж ты думаешь,— сердито сказал старый князь,— что я ее держу, не могу расстаться? Вообразят себе! — проговорил он сердито, хотя никто не воображал ничего [но у него самого уже много сомненийросло на эту тему].— Мне хоть завтра! Только скажу тебе, что я своего зятя знать хочу лучше. Я завтра при тебе спрошу у нее, хочет она, тогда пусть он поживет. Пускай поживет, я посмотрю.— Князь фыркнул.— Пускай выходит, мне всё равно,— закричал он тем пронзительным голосом, которым он кричал при прощанье с сыном.

— Я вам прямо скажу,— сказал князь Василий тоном хитрого человека, убедившегося в ненужности хитрости перед пронзительностью собеседника.— Вы ведь насквозь людей видите. Анатолий не гений, но честный, добрый малый, прекрасный сын и родной. Это так.

— Ну, ну, хорошо, увидим.

Как это всегда бывает для одиноких женщин, долго проживших без мужчин, появление Анатолия, красивого молодого, самоуверенного, спокойного и не стесняющегося доброго малого, все три женщины дома князя Николая Андреича одинаково почувствовали, что жизнь их была не жизнь, до появления этого молодого человека. Они почувствовали, как сила мыслить, чувствовать, наблюдать мгновенно удесятерилась во всех их, как будто до сих пор происходившая во мраке их жизнь вдруг осветилась солнечным, полным торжественного значения светом.

Княжна Марья не думала и не помнила о своем лице и причёске. Вид этого красивого открытого лица человека, который, может быть, должен будет быть ее мужем, поглощал всё ее внимание. Он ей казался добрым, храбрым, решителем, мужественным и великодушным. Она была убеждена в этом. Тысячи мечтаний о будущей семейной жизни беспрестанно возникали в ее воображении. Она отгоняла их, старалась, чтобы никто ничего не заметил, и думала о том, как бы ей не быть слишком холодной с ним. «Ежели я думаю о том, как я обниму его и буду просить любить и понять моего отца так, как я его понимаю, ежели думаю о том и воображаю себя с ним уже столь близкой, я невольно опускаю глаза и стараюсь иметь в отношении его равнодушный вид, ведь он не знает, почему это, и может думать, что я совершенно холодна к нему, что он мне совсем не симпатичен, тогда как это неправда и даже совсем напротив». Так думала княжна Марья и старалась быть приятно и просто ласкова и доверчива.

³⁰ На полях: Осрамил Анатолия. Княжна Марья влюблена. Вечером застаёт Анатолия с *Bourienne*. Утром разговор с отцом. Анатолий взволнован желанием к *m-lle Bourienne*. Вечером музыка, которая волнует княжну Марью, а Анатолию только даёт свободу трогать ножку *m-lle Bourienne*. Княжна Марья видит из-за игры их влажные глаза. Утро княжна Марья у отца и, выходя от него, оскорбленная, застаёт *Bourienne* с *Anatole*.

M-lle Bourienne тоже женщина и, кроме того, что любит, ещё и беззащитная женщина. Маленькая княгиня кокетничает сама по себе. Как это бывает у одиноких женщин после уединения. Анатолий *soci du village* и все три сами по себе.

«Добрая девка», — думал про нее Анатоль.

M-lle Bourienne, взведенная тоже на высокую степень возбуждения, думала в другом роде. Конечно, красивая, молодая девушка без определенного положения в свете, без родных и друзей и даже родины не думала посвятить свою жизнь услугам князю Николаю Андреичу, чтению ему книг и дружбе к княжне Марье. M-lle Bourienne давно ждала того русского князя, который сразу сумеет оценить ее превосходство над русскими дурными, дурно одетыми, неловкими княжнами, влюбится в нее и увезет ее; сначала увезет, и потом всё можно сделать с человеком, который влюблен. У m-lle Bourienne была история, слышанная ею от тетки, дополненная ею самою, которую она любила повторять в своем воображении. Это была история о том, как ей представлялась ее бедная мать, «*ma pauvre mère*», и упрекала ее за то, что она без брака отдалась мужчине. M-lle Bourienne часто трогалась до слез, в воображении своем рассказывая ему эту историю. Теперь этот он, настоящий русский князь, явился. И не расчеты руководили m-lle Bourienne, она даже ни минуты не обдумывала того, что ей делать. Она чувствовала себя взволнованной и тревожной. Она ловила каждый взгляд, каждое движение Анатоля и чувствовала себя счастливою.

Маленькая княгиня, как старая полковая лошадь, услышав звук трубы, бессознательно и забывая несвоевременность, готовилась к привычному галопу кокетства, без всякой задней мысли или борьбы, а с наивным легкомысленным весельем³¹.

Несмотря на то, что Анатоль в отношении женщин ставил себя обыкновенно в положение человека, которому надоела беготня за ним женщин, он был чувствителен к тщеславному удовольствию чувствовать, что женщины влюблены в него. Кроме того, он начинал испытывать к хорошенькой и вызывающей m-lle Bourienne то страстное, зверское чувство, которое на него находило с чрезвычайною быстротой и побуждало его к самым грубым и смелым поступкам.

Общество после чая перешло в диванную, и княжну попросили поиграть на клавикордах. Анатоль облокотился перед ней на клавикорды подле m-lle Bourienne, и глаза его, смеясь и радуясь, смотрели на княжну Марью. Княжна Марья не могла выдерживать этого взгляда, который волновал и мучал ее. Она опустила глаза и всё чувствовала этот взгляд. Любимая соната переносила ее в самый задушевно-поэтический мир, а чувствуемый на себе взгляд придавал этому миру еще большую поэтичность. Взгляд же Анатоля, хотя и был устремлен на нее, относился не к ней, а ко всем изменениям очертаний ножки m-lle Bourienne, которую он топтал и трогал своею ногой под фортепьяно. M-lle Bourienne смотрела тоже на княжну, и в ее прекрасных глазах было тоже новое для княжны Марьи выражение испуганной радости и надежды.

«Как она меня любит! — думала княжна Марья. — Как я счастлива теперь и как могу быть счастлива с таким другом и мужем! Неужели?» И она оглядывала его грудь, руки, стан, но не смела взглянуть на лицо, чувствуя всё тот же взгляд, устремленный на нее.

Вечеру, когда после ужина стали расходиться, Анатоль поцеловал руку княжны. Она сама не знала, как у ней достало смелости, но она прямо взглянула на приблизившееся к ее близоруким глазам большое прекрасное лицо. После княжны он подошел к руке m-lle Bourienne (это было неприлично, но он делал всё так уверенно и просто), и m-lle Bourienne всхлынула и взглянула испуганно на княжну. [Анатоль прижал ее руку к губам и ничего не сказал, но она поняла]

«О милая! — подумала княжна. — Она боится, чтобы я не подумала, что она хочет нравиться ему». — Она подошла к m-lle Bourienne и крепко ее поцеловала.

³¹ На полях *Холош язык!*

Когда Анатолий подошел к руке маленькой княгини, [она тоже свое думала] она встала и отбежала от него.

— Non, non, non! Quand votre père m'écrira, que vous vous conduisez bien, je vous donnerai ma main à baiser. Pas avant³². И подняв пальчики и улыбаясь, она вышла из комнаты.

Все разошлись, и, кроме Анатолия³³ <виновника все происшедшего>, который заснул тотчас же, как лег на постель, никто долго не спал эту ночь.

«Неужели он мой муж, именно этот чужой, красивый мужчина?» — думала княжна Марья, и страх, который никогда почти не приходил к ней, нашел на нее: она боялась оглянуться, ей чудилось, что кто-то стоит тут за ширмами и в темном углу. И этот кто-то был он — дьявол, и он — этот мужчина с белым лбом и черными бровями и румяным ртом. Она позвонила горничную и попросила ее лечь в ее комнате.

M-me Bourienne в этот вечер долго, улыбаясь своим мыслям, ходила по зимнему саду, тщетно ожидая кого-то.

Маленькая княгиня ворчала на горничную за то, что постель была нехороша. Нельзя было ей лечь ни на бок, ни на грудь. Всё было тяжело, неловко. И живот ее ей мешал, ей заметно было, что он мешал больше, чем когда-нибудь, именно нынче, потому что присутствии Анатолия перенесло ее живее в другое время, когда этого не было и ей было весело. Теперь она досадовала и потому сердилась на горничную. Она сидела в кофточке и чепце на кресле. Катя, сонная, стояла перед ней молча, переступая с ноги на ногу.

— Как вам не совестно, ведь вы бы хоть пожалели? — говорила маленькая княгиня.

Старый князь тоже не спал. Тихон, клюя носом, слышал, как он сердито шagal и фыркал носом. Старый князь был оскорблен за свою долю. Оскорбление самое большое, самое несправимое, потому что оно относится не к себе, а к другому, и к другому, которого он любит больше себя. Он ходил с тем, чтобы успокоиться. Он сказал себе с своей привычной страстью обладать собой, что он не передумает всё это дело и найдет то, что справедливо и должно сделать, но вместо того он только больше раздражал себя.

«Первый встречный показался — и всё, и отец, и всё забыто, и бежит, кверху чешется и хвостом винтит, и сама на себя не похожа. Для нее радость бросить отца. И она ведь знала, что я это замечу... Фр... фр... Фр...», — смеется он злобно. — И разве я не вижу, что этот душень смотрит только на Бурьенку (надо ее прогнать). И как гордости настолько нет, чтоб понять это. Хотя не для себя, коли нет гордости, так для меня по крайней мере. Надо ей показать, что этот болван об ней и не подумает, а только смотрит на Bourienne. Коли нет у ней гордости, мое дело показать ей это... — сказал он сам себе.

Сказав дочери, что она заблуждается, что Анатолий намерен ухаживать за Bourienne, старый князь знал, что он раздражит самолюбие княжны Марьи, и его дело (желание не разлучаться с дочерью) будет выиграно, и потому успокоился на этом. Он кликнул Тихона и стал раздеваться.

«И чёрт их принес!» — думал он, в то время как Тихон накрывал его сухое старческое тело ночной рубашкой. — Я их не звал. Приехали расстраивать мою жизнь. И не много ее осталось. Погнать их в шею. К чёрту, — проговорил он из-под рубашки.

Тихон знал привычку князя иногда вслух выражать свои мысли и поэтому с неизменным лицом стоял перед ним.

³² Нет, нет, нет! Когда отец ваш напишет мне, что вы себя ведете хорошо, тогда я дам вам поцеловать руку. Не прежде.

³³ На полях: Княжна не могла молиться. Bourienne ходила по зимнему саду. На другое утро.

— Легли там? — спросил князь.

Тихон, как и все лакеи, чутьем знал направление мыслей барина. Он угадал, что спрашивали о князе Василье с сыном.

— Давно потушили огонь.

— Не за чем, не за чем... — быстро проговорил князь и, всунув ноги в туфли и руки в халат, пошел в спальную.

Несмотря на то, что между Анатодем и m-lle Bourienne ничего не было сказано, они совершенно поняли друг друга, поняли, что им [необходимо] [мешали] нужно много сказать друг другу тайно, и потому с утра оба искали случая увидаться наедине. В то время как княжна прошла в обычный час к отцу, m-lle Bourienne сошла с Анатодем в зимнем саду. Княжна Марья подходила в этот день с необычным трепетом к двери кабинета. Ей казалось, что все знают, что нынче совершается решение ее судьбы, но что и знают то, что она об этом думает. Она читала это выражение и в лице Тихона и в лице камердинера князя Василья, который с горячей водой встретился и низко поклонился ей. «Все знают, как я счастлива», — думала она.

Старый князь был чрезвычайно ласков и старателен. Это выражение старательности хорошо знала у отца княжна Марья. Это было то выражение, которое бывало на его лице в те минуты, когда руки его сжимались в кулак от досады, что княжна Марья не понимала задачи, когда он, вставая, отходил от нее и тихим голосом повторял слова. Он начал с дочерью разговор по-французски, что он редко делывал.

— On n'a fait une ouverture à votre sujet³⁴, — сказал он, неестественно улыбаясь. — Я перевожу. Вы, я думаю, догадались. — продолжал он, — что князь Василий приехал сюда и привез с собой своего воспитанника (почему-то князь Николай Андреич называл Анатоля воспитанником) не для моих прекрасных глаз. Мне вчера сделали предложение насчет вас. А как вы знаете мои правила, я отнесся к вам.

— Как мне вас понимать, mon père? — проговорила княжна, бледнея и краснея и чувствуя, что наступила та торжественная минута, в которую с нею совершается то, что должно решить участь ее жизни.

— Чего понимать! — сердито крикнул отец по-русски. — Князь Василий находит тебя по своему вкусу для невестки и делает тебе предложение за своего воспитанника. Ну? Ну?

— Я не знаю, как вы, mon père, — проговорила шепотом княжна.

— Я? я? Что ж я-то? Меня-то оставьте в стороне. Кажется, не я выхожу замуж. Что вы? вот это желательно знать.

Княжна видела, что отец недоброжелательно смотрел на это дело, но ей в ту же минуту пришла мысль, что теперь или никогда решается вся судьба ее жизни. Она опустила глаза, чтобы не видеть взгляда, под влиянием которого она чувствовала, что не могла думать, а могла по привычке только повиноваться, и сказала:

— Я желаю только одного — исполнить вашу волю, — сказала она, — но ежели бы мое желание нужно было выразить...

Она не успела договорить. Князь перебил ее.

— И прекрасно! — закричал он. — Он тебя возьмет с приданым, да кста-ти захватит m-lle Bourienne. M-lle Bourienne будет женой, а ты будешь компаньонкой.

Но князь опомнился и остановил свое раздражение, невольно выразившееся, заметив впечатление, произведенное этими грубыми словами на дочь.

Она пошатнулась, взялась за ручку кресла и заплакала.

— Ну, ну. Я шучу, шучу, — сказал он. — Помни одно, княжна: я держу тех правил, что дочь имеет полное право выбирать. И даю тебе

³⁴ Это к вам не относится.

полную свободу. Помни одно. От твоего решения зависит счастье жизни твоей. Обо мне нечего говорить.

— Да я не знаю...

— Нечего говорить! Ему велят, он не только на тебе, на ком хочешь женится; а ты свободна выбирать... Поди к себе, обдумай и через час приди ко мне и при нем, князе Василье, скажи: да или нет. Я знаю, ты станешь молиться. Ну, пожалуй, молись. Только лучше подумай. Ступай.

— Да или нет, да или нет, да или нет! — кричал он.

Княжна, как в тумане, шатаясь, вышла из комнаты.

Судьба ее решалась, и решилась счастливо. Но что он сказал о m-lle Bourienne, — этот намек был ужасен. Неправда, положим, но все-таки это было ужасно, она не могла не думать об этом. Она шла прямо перед собой через зимний сад [и вдруг услышала впереди], ничего не видя и не слыша, как вдруг знакомый шёпот m-lle Bourienne разбудил ее. Она подняла глаза и в двух шагах от себя увидала Анатоля, который обнимал француженку и что-то шептал ей. Анатоль с зверским выражением волнения на красивом лице оглянулся на княжну Марью и не выпустил в первую минуту m-lle Bourienne, испуганно сжавшуюся и закрывшую лицо руками.

«Кто тут? Зачем? Подождите!» — как будто говорило лицо Анатоля. Княжна Марья молча глядела на них. Она не могла понять этого. M-lle Bourienne вскрикнула, вырвалась и убежала. Анатоль спокойно, как всегда, поглядел на княжну Марью, и наконец узнав ее, поклонился и улыбнулся, как будто приглашая ее посмеяться над этим странным случаем. Княжна Марья не понимала. Она всё стояла на месте, и ни одна черта лица ее не двинулась. Анатоль ушел прежде ее.

Через час Тихон пришел звать княжну Марью. Он звал ее к князю и прибавил, что и князь Василий Сергеевич там. — Так папилька приказали доложить.

Княжна, в то время как пришел Тихон, сидела в своей комнате с m-lle Bourienne. M-lle Bourienne рыдала у нее в объятиях. Княжна Марья тихо гладила ее по голове. Прекрасные глаза, со всем своим прежним спокойствием и лучистостью, смотрели с чувством беспредельной любви, сожаления на хорошенькое личико m-lle Bourienne.

— Non, princesse, je suis perdue pour toujours dans votre coeur³⁵, — говорила m-lle Bourienne.

— Le vous aime plus, que jamais, — говорила княжна Марья, — et je tâcherai de faire tout ce qui est en mon pouvoir, pour votre bonheur.

— Mais vous me méprisez, vous si pure, vous ne comprendrez jamais cet égarement de la passion.

— Ah, je comprend tout³⁶, — сказала княжна Марья, грустно улыбаясь. — Я пойду к отцу, — сказала она и вышла.

Князь Василий сидел, загнув высоко ногу, с табакеркой в руках и как бы расчувствованный донельзя, как бы сам сожалея и смеясь на свою чувствительность, сидел с выражением умильной улыбки на лице. Когда вошла княжна Марья, он поспешно поднес щепоть табаку к носу.

— Ah, ma bonne, ma bonne, — сказал он, встав и взяв ее за обе руки. Он вздохнул и прибавил: — Le sort de mon fils est en vos mains. Décidez, ma bonne, ma chère, ma douce Marie, qui j'ai toujours aimé, comme ma fille³⁷.

³⁵ — Нет, княжна, я навсегда утратила ваше расположение.

³⁶ Я вас люблю больше, чем когда-либо, и постараюсь сделать для вашего счастья всё, что в моей власти.

— Но вы презираете меня, вы, столь чистая, должны презирать меня, вы никогда не поймете этого увлечения страсти.

— Я всё понимаю.

³⁷ Ах, милая, милая... Судьба моего сына в ваших руках. Решите, моя милая, моя дорогая, моя нежная Мари, которую я всегда любил, как дочь.

Он отошел³⁸. Действительная слеза показалась на его глазу.

— Фр..., фр... — фыркал князь. — Говори, да или нет, хочешь ты или нет быть женою князя Анатолия Курагина. Ты говори: да или нет, — закричал он, — а потом я удерживаю за собой право сказать и свое мнение. Да, мое мнение и мою волю, — прибавил князь Николай Андреич, обращаясь к князю Василию и отвечая на его умоляющее выражение. Старый князь хотел оставить за собой возможность спасенья. — Да или нет? Ну?

— Mon père, ваша воля прежде всего.

— Да или нет.

— Моя воля, mon père, никогда не покидать вас, никогда не разделять своей жизни с вашей. Я не хочу выходить замуж, — сказала она, решительно взглянув своими прекрасными глазами на князя Василия и на отца³⁹.

— Вздор! Глупости! Вздор, вздор, вздор, — нахмурившись, закричал князь Николай Андреич, взял дочь за руку, притянул к себе и не поцеловал, но сделал ей больно руке. Она заплакала.

Князь Василий встал.

— Ma chère, je vous dirai, que c'est un moment que je n'oublierai jamais, jamais, mais ma bonne, est ce que vous ne vous donnerez pas un peu d'espérance de toucher ce coeur si bon, si généreux. Dites que peut être. L'avenir est si grand. Dites: peut être⁴⁰.

— Mon Prince, что я сказала — есть всё, что есть в моем сердце. Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына. [Княжна Марья вышла, пришла к себе и стала молиться. Она решилась, что m-lle Bourienne не любит страстно Анатолия, что она одинока, несчастна и что надо устроить ее брак, дать ей состояние и отдать замуж. Она молилась.]

— Ну, и конечно, мой милый. Очень рад тебя видеть, очень рад тебя видеть. Поди к себе, княжна, поди, — говорил старый князь.

«Мое призвание другое, — думала про себя княжна Марья, — мое призвание быть одинокою несчастной, мое призвание быть счастливой другим счастьем, счастьем жертвовать собой для других. И что бы мне это не стоило, я сделаю счастье бедной Caroline. Она так страстно его любит. Она так страстно раскаивается. Я всё сделаю, чтобы устроить ее брак с ним. Ежели он не богат, я дам ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я так буду счастлива, когда она будет его женою. Она так несчастлива, чужая, одна, без помощи, и так страстно любит». Через день князь Василий с сыном уехали, и жизнь в Лысых Горах пошла по-старому.

«III»

Долго Ростовы не имели известий о Nicolas. Только в середине зимы [граф получил] графу было передано письмо, на котором он узнал руку сына. Получив письмо, граф испуганно и поспешно, стараясь не быть замеченным, на цыпочках пробежал в свой кабинет, заперся и стал читать. Когда Анна Михайловна, узнав (как она всё знала, что делалось в доме) о получении письма, тихими шагами вошла к графу, она застала его с письмом в руках рыдающим и вместе смеющимся.

— Mon bon ami¹, — вопросительно-грустно и с готовностью всякого участия произнесла Анна Михайловна.

Граф зарыдал еще больше.

³⁸ На полях: *Ее письмо Жюли. Монах, за которого она думает.*

³⁹ На полях: *Спрашивает на другой день совета архитектора о браке.*

⁴⁰ Моя милая, я вам скажу, что этой минуты я никогда, никогда не забуду, но, моя добрейшая, дайте нам хоть малую надежду тронуть это сердце, столь доброе и великодушное. Скажите: может быть. Будущее так велико. Скажите: может быть.

¹ Мой добрый друг

— Nico-co-co-las... mon cher письмо... та chère ранен... был... был... та chère ранен... голубчик мой, графинюшка... слава богу... Графинюшке как сказать?..

Анна Михайловна подсела к нему, отерла своим платком слезы с его глаз, с письма, закапанного ими, и свои слезы, и прочла письмо, успокоила графа и решила, что за обедом, до чая, она приготовит графиню, а после чая объявит всё, коли бог ей поможет. Всё время обеда Анна Михайловна говорила о слухах войны, о Nicolas, спросила два раза, когда получено было последнее письмо Nicolas, хотя она знала это и прежде, и заметила, что очень легко, может быть, и нынче получится письмо. Всякий раз как графиня начинала беспокоиться и тревожно взглядывать то на графа, то на Анну Михайловну, Анна Михайловна самым незаметным образом сводила разговор на незначительные предметы. Наташа, из всего семейства более всех одаренная способностью чувствовать оттенки интонаций, взглядов и выражений лица, с начала обеда насторожила уши и знала, что что-нибудь есть между ее отцом и Анной Михайловной и что-нибудь касающееся Nicolas. Но, несмотря на всю свою смелость (она знала, как чувствительна была ее мать ко всему, что касалось известий о Nicolas), она все-таки не решалась за обедом сделать вопрос, но от беспокойства за обедом ничего не ела и вертелась на стуле, не слушая замечаний своей гувернантки. После обеда она стремглав бросилась догонять Анну Михайловну в диванной и с разбега бросилась ей на шею.

— Тетенька, голубушка, ангел, скажите, что вы знаете?

— Ничего, мой друг.

— Нет, душенька, голубчик, милая, персик, я Борю не буду любить, коли не скажете, я не остану, я знаю, что вы знаете.

Анна Михайловна покачала головой.

— Vous êtes fine mouche, mon enfant², — сказала она. — Но, ради бога, будь осторожна: ты знаешь, как это может поразить твою мамашу, — и она в коротких словах рассказала Наташе содержание письма, с обещанием не говорить никому.

— Честное, благородное слово, — крестясь, говорила Наташа, — никому не скажу, — и тотчас побежала в детскую, призвала Соню и Петю и всё рассказала им. Наташа не последовала примеру Анны Михайловны, а с испуганным лицом вбежала к Соне, схватила ее за руку и, прошептав «важный секрет», потащила ее в детскую.

— Nicolas! ранен, письмо, — проговорила она, торжествуя и радуясь силе впечатления, которое она произведет. Соня вдруг побледнела, как платок, задрожала и упала бы, коли бы ее не схватила Наташа. [После сухих рыданий пришли слезы] Впечатление, произведенное известием, было сильнее, чем того ожидала Наташа. Она сама расплакалась, унимая и успокаивая своего друга [и когда они обе заплакали].

— Вот видно, что все вы женщины плаксы, — сказал пузан Петя, однако сам испугавшийся больше всех при виде падающей Сони, — я так очень рад и право очень рад, что Nicolas так отличился. Все вы юнии.

Девочки засмеялись.

— А ведь у тебя была истерика настоящая, — сказала Наташа, видимо, весьма этим гордая, — я думала, что только у старых могут быть истерики.

— Ты не читала письма? — спрашивала Соня.

— Не читала, но она сказала, что всё прошло и что он уже офицер...

Петя, тоже молча, стал ходить по комнате.

— Кабы я был на месте Nicolas, я бы еще больше этих французов убил, — сказал он вдруг, — такие они мерзкие! — Соне, видимо, не хотелось говорить, она даже не улыбнулась на слова Пети и молча продолжала задумчиво смотреть в темное окно.

— Я бы их побил столько, что кучу из них? — продолжал Петя.

² Ах, плутовка, дитя мое.

— Молчи, Петя, какой ты дурак.

Петя обиделся, и все помолчали.

— Ты его помнишь? — вдруг спросила Наташа. Соня улыбнулась.

— Nicolas?

— Нет, Соня, ты помнишь ли его так, чтоб хорошо помнить, чтобы всё помнить? — с старательными жестами сказала Наташа, видимо, желая придать своим словам самое серьезное значение.

— И я помню, Nicolas я помню, сказала она. — А Бориса не помню. Совсем не помню.

— Как? Не помнишь Бориса? — спросила Соня с удивлением.

— Не то, что не помню, — я знаю какой он, но не так помню, как Nicolas, Nicolas я закрою глаза и помню, а Бориса — нет (она закрыла глаза) — так нет ничего.

— Нет, я очень помню, — сказала Соня.

— А ты напишешь ему? — спросила Наташа.

Соня задумалась. Вопрос о том, как писать Nicolas, и нужно ли писать, и как писать был вопрос, мучивший ее. Теперь, когда он был уже офицер и раненный герой, хорошо ли было с ее стороны напоминать ему о себе и как будто о том обязательстве, которое он взял на себя в отношении ее? «Пусть он делает, как хочет, — думала она. — Мне довольно только любить его. А он может подумать, получив мое письмо, что я напоминаю ему что-нибудь».

— Не знаю, я думаю, коли он пишет, и я напишу, — радостно улыбаясь, сказала Соня.

— И тебе не стыдно будет писать ему?

— Нет, отчего? — сказала Соня, смеясь, сама не зная чему.

— А мне стыдно будет писать Борису. Я не буду писать.

— Да отчего же стыдно?

— Да так, я не знаю. Неловко, стыдно.

— А я знаю, отчего ей стыдно будет, — сказал Петя, обиженный первым замечанием Наташи, — оттого, что она была влюблена в этого толстого с очками (так называл Петя Riegg'a), а теперь влюблена в певца этого (Петя говорил об итальянце, Наташином учителе пения), — вот ей и стыдно.

— Ах, Петя, полно, как тебе не стыдно, мы все так рады, а ты ссорись. Поговорим лучше про Nicolas.

— Петя, ты глуп, — сказала Наташа. — А нынче, как он был мил, прелесть, — обратилась она к Соне (говоря про учителя пения). — Он мне сказал, что лучше моего голоса он не слышал, и когда он поёт, так у него на горле шишка делается — такая прелесть.

— Ах, Наташа, как ты можешь про кого-нибудь думать теперь? — сказала Соня.

— А я не знаю. Я сейчас думала, я, верно, не люблю Бориса. Так он милый, я его люблю, но не так, как ты. Я бы не сделала истерика³, как ты. Как же я его не помню? — Наташа закрыла глаза, — Не могу, не помню.

— Так неужели ты в Fezzoni влюблена? Ах, Наташа, какая ты смешная, — с упреком сказала Соня.

— Теперь в Фецони, а прежде в Riegg'a, а еще прежде в Бориса, — сердито сказала Наташа. — А теперь Фецони, и люблю его, и люблю, и выйду за него замуж, и сама буду певицей.

Графиня действительно была приготовлена намеками Анны Михайловны во время обеда. Уйдя к себе, она, сидя на кресле, не спускала глаз с миниатюрного портрета сына, вделанного в табакерку, и поплакала. Анна Михайловна с письмом на цыпочках подошла к комнате графини и остановилась.

³ Так в автографе.

— Не входите, — сказала она старому графу, шедшему за ней, — после, — и затворила за собой дверь.

Граф приложил ухо к замку и стал слушать.

Сначала он слышал звуки равнодушных речей, потом один звук голоса Анны Михайловны, говорившей длинную речь, потом вскрик, потом молчание, потом опять оба голоса вместе говорили с радостными интонациями, и потом шаги, и Анна Михайловна отворила ему дверь. На лице Анны Михайловны было гордое, счастливое и успокоенное выражение оператора, окончившего трудную ампутацию и вводящего публику для того, чтоб она могла оценить его искусство.

— *C'est fait*⁴, — сказала она графу, торжественным жестом указывая на графиню, которая держала в одной руке табакерку с портретом, в другой — письмо и прижимала губы то к тому, то к другому.

Увидав графа, она протянула к нему руки, обняла его лысую голову и через лысую голову опять посмотрела на письмо и портрет и опять для того, чтобы прижать их к губам, слегка оттолкнула лысую голову. В письме был кратко описан поход и два сражения, и сказано, что целует руки папа и рара, прося их благословения и целует Веру, Наташу, Петю и еще просит поцеловать дорогую Соню, о которой он часто вспоминает, как он вспоминает и о всех. Кроме того, он кланяется m-г Шелингу и m-me Hubert, и няне, и всем людям. В постскриптуме было сказано о деньгах.

Письмо это было прочитано сотни раз, но те, кто считались достойными его слышать, должны были приходиться к графине. Так приходили гувернеры, няни, шут, Митенька, некоторые знакомые, и графиня перечитывала его с новым наслаждением 100-й раз и всякий раз открывала по этому письму новые добродетели в своем Nicolas. Как странно, необычайно радостно ей было, что сын ее — тот сын, что трепетал в ней в самой 20 лет тому назад, тот сын, за которого она ссорилась с баловником-графом, тот сын, который выучился говорить *chère maman* так недавно, что этот сын теперь там, в чужой земле, в чужой среде, мужественный мужчина, *bravant la mort*⁵ и пишущий письма. Весь всемирный вековой опыт, указывающий на то, что дети незаметным путем от колыбели делаются мужами, не существовал, возмужание ее сына было для нее так же необычайно радостно, как бы и не было никогда миллионов-миллионов людей, точно так же возмужавших. Как она не ждала никогда, чтобы возможно было, чтобы то существо, которое трепетало в ее чреве, закричало бы, и стало сосать грудь, и стало бы говорить, понимать, учиться и теперь быть мужем, слугою отечества и образцом сыновей и граждан, так и теперь не верилось ей, что это же существо могло быть тем сильным, храбрым мужчиной, образцом сыновей и людей, которым он был теперь, судя по этому письму.

— Что за стиль! как он описывает мило! — говорила она, читая описательную часть письма. — И что за душа! Об себе ничего, ничего! О каком-то Денисове, а сам, верно, храбрее их всех. Ничего не пишет о своих страданиях. Что за сердце! Как его узнаю! И как вспомнил всех! Никого не забыл!

Более недели готовились, писались брульоны, представлялись на рассмотрение графини, переписывались набело письма к Nicolas от всего дома. Анна Михайловна, практическая женщина, сумела устроить себе и своему сыну протекцию в армии даже и для переписки. Она имела случай послышать свои письма с курьером к великому князю Константину Павловичу, который командовал гвардией. По слухам гвардия должна была уже присоединиться к армии Кутузова в то время, как дойдет письмо, и потому решено было отослать письма и деньги через курьера великого князя к Борису, и Борис уже должен был доставить их к Ni-

⁴ Готово.

⁵ не боящийся смерти

прерывистыми русскими во-
сговорами сглаживались его
привычки в обращении с
незнакомыми людьми, так
Князь не будет сказать ему,
что слышу в авангарде
неприятель отступил? и
паче того удостоверюсь
оттуда сзади слышу
еще прощало в кабриолете
мужика. В кабриолете были
собранные? ^{Здесь, бывшего лавра и Миле реи, куда приехал}
~~всего наряд, русские ко-~~ ^{спасения, Таракан}
~~наны и французы.~~ ^{Француз, Француз}

[illegible]

СТРАНИЦА РУКОПИСИ 103

Текст под диктовку рукой Е. А. Берс с поправкой Толстого

colas. Письма были от старого графа, от графини, от Пети, от Веры, от Наташи, от Сони и, наконец, деньги, которые граф, заняв *<1 нрзб>* доходов, послал 6000, что было огромно по тогдашнему времени.

Дела графа уже доходили до той степени запутанности, что он сильно морщился, когда Митенька предлагал ему поверить счеты, и Митенька уже дошел до той степени уверенности в трусости к счетам своего доверителя, что он предлагал уже ему смотреть счета, которых не было, и выдавал графу его же деньги, называя их занятыми, и высчитывал за них в свою пользу по 15%. Граф знал вперед, что когда он потребует для обмундирования Николенки 6000, то Митенька прямо скажет ему, что их нет, и потому граф, употребив хитрость, сказал, что ему необходи-

мо 10 000. Митенька сказал, что по дурному состоянию этих доходов нельзя и думать получить этих денег, ежели не заложить имения, и предложил счеты. Граф вдруг отвернулся от Митеньки и, избегая его взгляда, начал кричать, что это, наконец, ни на что не похоже, что от 8000 душ не иметь 10 000, чтобы обмундировать сына, что он всем приказчикам лбы забрест, что он должен иметь эти деньги, что рассуждать нечего, и чтоб были, ну, хоть не 10, а 6 тысяч, а чтоб были. И деньги действительно были, хотя граф и подписал для того вексель с огромными процентами⁶.

IV

12-го ноября кутузовская боевая армия, стоявшая лагерем около Ольмюца, готовилась к следующему дню на смотр двух императоров — русского и австрийского. Гвардия, только что подошедшая из России, ночевала в 15 верстах от Ольмюца и на другой <день> прямо на смотр к 10 часам утром вступала на Ольмюцкое поле.

Nicolas Ростов, получив от Бориса записку, извещающую его, что Измайловский полк только пришел, ночует в 15 верстах от Ольмюца, и просившую приехать повидаться и получить пакет писем и деньги — те самые письма, которые писались, с такою тревожностью и любовью, и те самые деньги, которые приобретены были с такой неприятностью и гневом.

Сказавшись Денисову, Ростов после обеда сел на подведенную ему, вновь купленную после смерти Грачика лошадь и в сопровождении гусара поехал к гвардии. На Ростове была солдатская куртка, но на куртке были надеты эполеты и офицерская с темляком сабля. Рука его, уже начинавшая заживать, была на черной повязке, загорелое возмужалое лицо было беззаботно весело. То он версты две рысил, приподнимаясь на стременах, и поглядывал на галопом скакавшего за собой гусара, то, спустившись на бок седла, небрежно ехал шагом¹, напевая своим звучным голосом недавно выученную и особенно полюбившуюся ему немецкую песенку:

Ich weiss nicht was mir fehlet,
Ich sterb aus Ungeduld²

и в звуках его голоса была новая возмужалость. Два дня тому назад с ним случилось одно из важнейших событий в жизни юноши.

Два дня тому назад, когда они пришли под Ольмюц, Денисов, ездивший накануне в город, сказал ему:

— Ну, бат, я сделал 'екогносци'овку — нынче едем вместе — какие женщины в Ольмюце: одна венге'ка, две польки и одна г'ечанка — вот что такое...

Ростов не отказался и не согласился прямо ехать, а сделал вид, что это ему очень обыкновенно и что на это смотрит совершенно так же, как и Денисов; а между <тем> он почувствовал, что наступает та решительная минута, о которой он думал, колебаясь тысячу тысяч раз, он едва мог выговорить что-нибудь в ответ Денисову. Он не знал еще женщин, что-то возмутительное и оскорбительное представлялось ему в сближении с чужой, продажной, общей с Денисовым и со всеми женщиной, но и непреодолимое любопытство тянуло его к познанию этого чувства. Ведь не было человека, не знавшего этого и не смотревшего на это, как на необходимое и приятное условие чувствования. У всех, говоривших про это, было выражение невинного удовольствия, усиливаемого только тем, что удовольствие это было кем-то запрещено.

⁶ На полях: Граф поссорился с Митенькой за деньги. Как же не послать на обмундировку. Ну, 15%.

На полях: Ростов только что имел первую женщину

Не знаю, чего мне недостает.

Я умираю от нетерпенья (нем.).

Они поехали с Денисовым на парочке в его <настычанке?>. Денисов, дорогой и подъезжая к Ольмюцу, разговаривал о посторонних предметах, делал свои наблюдения над войсками, мимо которых проезжал, и вспоминал о прошедшем так же непринужденно, спокойно и весело, как будто они просто ехали кататься, как будто они не ехали на совершение одного из самых страшных, преступных и безвозвратных поступков. Они приехали в Ольмюц, солдат кучер по указанию Денисова завернул в одну улицу, в один, в другой переулочек и остановился у маленького домика. Они вошли, пожилая женщина встретила Денисова, как знакомого, и ввела их в гостиную. Две женщины, весело улыбаясь, приветствовали Денисова.

Сначала Ростов думал, что они так приветствовали его, потому что они его знали, но они точно так же, как будто к старому знакомому, ласково обратились и к Ростову. Они пересмеивались, глядя на него. Ему показалось, что они над ним смеются, он покраснел и, заметив, что делал Денисов, старался сделать то же. Но он не мог сделать этого, не в силах был. Денисов взял одну из них — это была полная с открытой шеей блондинка, красивая, но что-то старое, усталое, грустное, преступное, несмотря на ее молодость и веселость, казалось в ней. Денисов обнял ее и поцеловал. Ростов не мог этого сделать. Он стоял против толстой черной гречанки, которая радостно, прекрасными глазами смотрела на него и, открывая улыбкой прекрасные зубы, казалось, ждала и радовалась на его нерешимость. Ростов смотрел на нее во все глаза, дрожал от страха, сердился на себя, чувствовал, что он делает безвозвратный шаг в жизни, что преступное, ужасное совершается в эту минуту и — странно — именно прелесть преступности тянула его к ней. То она ему казалась прелестною, особенно прелестною своею чуждостью, то что-то подлое, гадкое отталкивало его. Но глаза, окруженные черной тенью, впивались больше и больше в его взгляд, сливались с ним, он чувствовал себя, как в глубину, непреодолимо втянутым, и голова у него шла кругом. Сознание преступности потонуло в этом опьянении.

— Ты выб'ал славно, — закричал Денисов, — твоя г'ечанка, мы с ней вче³а познакомились, *Kusse doch den jungen He'n³*, — закричал Денисов.

Ростов вздрогнул, оторвался от нее и выбежал на двор с тем, чтобы уйти, но через пять минут страсть любопытства и желания преодолеть страх преступности и отвращения опять притянула его. Он вошел опять. Вино стояло на столе. Гречанка уже получила урок от Денисова, как поступать с новичком. Она взяла его за руку, притянула к столу, посадила и села на его колени, наливая вино себе и ему. Ростов выпил, обнял ее слегка, крепче, крепче, отвращение, и страсть, и желание скорее, скорее доказать себя, dokonать в себе это всё борющееся чувство чистоты, слились в одно, и он с радостью чувствовал, что забывал себя.

На другой день утром, провожаемый гречанкой, он вышел на крыльцо (Денисов, не дождавшись, уехал с вечера), и пешком дошел до извозчика, и приехал в лагерь, и провел день как и всегда, с товарищами, не показывая ничего и [отвечая на шутки] давая всем чувствовать, что то, что с ним было вчера, было очень обыкновенно. Вечером, когда он лег, ему только представлялась гречанка и хотелось поскорее увидаться с нею. Он крепко заснул. Во сне он видел сражение, толпу народа, которая бежала за ним, потому что он был победителем. Он остановился на возвышении и стал говорить этой толпе. Он стоял на белом, колеблющемся, воздымающемся всё выше и выше, возвышении. Его окружали жадные к нему⁴.

³ Поцелуй же молодого человека (нем.).

⁴ Так в автографе.

СОН

Он во сне стоял на колеблющемся возвышении и говорил людям всё то, что было в его душе и чего он не знал прежде. Мысли его были новы, ясны и невольно облекались вдохновенным, размеренным словом. Он удивился тому, что говорил, и радовался, слушая звуки своего голоса. Он ничего не видал, но чувствовал, что вокруг него толпились знакомые ему братья. Вблизи он различал их тяжелые вздохи, вдали, как море, бурлила бесконечная толпа. Когда он говорил, по толпе, как ветер по листьям, пробежал трепет восторга; когда он замолкал, толпа, как один человек, переводила дыханье. Глаза его не видели, но он чувствовал на себе взгляды всех людей, и взгляды эти давили его и радовали. Они двигали им, так же как и он двигал ими. Болезненный восторг, горевший в нем, давал ему власть, и власть его не имела пределов. Чуть слышный внутренний голос говорил ему: «страшно», но быстрого движения опьяняла его и влекла дальше. Подавленный страх усиливал очарование, и возвышение, на котором он стоял, колеблясь, поднимало его выше и выше.

Вдруг сзади его он почувствовал чей-то один свободный взгляд, мгновенно разрушавший всё прежнее очарование. Взгляд неотступно притягивал к себе и он должен был оглянуться. Он увидел женщину и почувствовал чужую жизнь. Ему стало стыдно, он остановился. Толпа не исчезала и не расступалась, но каким-то чудом простая женщина спокойно двигалась посередине толпы, не соединяясь с нею. Не знаю, кто была эта женщина, но это была <Соня?>, но в ней было всё, что любят, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила. Встретив его глаза, она равнодушно отвернулась, и он только смутно видел очертания ее полуоборотившегося лица. Только спокойный взгляд ее остался в его воображении. В нем были кроткая насмешка и любовное сожаленье. Она не понимала того, что он говорил, и не жалела о том, а жалела об нем. Она не презирала ни его, ни толпу, ни восторги наши, она только была полна счастья. Ей никого не нужно было, и поэтому-то он чувствовал, что не может жить без нее. Дрожащий мрак безжалостно закрыл от него ее образ, и он заплакал во сне о невозможности быть ею. Он плакал о прошедшем невозвратимом счастье и о невозможности будущего счастья, но в слезах этих уже было счастье настоящего.

Он проснулся и всё плакал и плакал слезами стыда и раскаяния о своем падении, навеки отделившим его от Сони. Но суeta дня рассеяла это впечатление, и он даже, ежели вспоминал об этом сне, старался отгонять его, но оно возникало само. И теперь возникало еще чаще и сильнее, когда он, узнав о письмах из дому, ехал к Борису.

Совсем уже смерклось, было морозно, месячно и дымно в деревне, где стоял Измайловский полк, когда Nicolas подъехал к нему. Ему сказали, где стоит 3-й батальон, но в темноте его не хотели пропускать часовые, так что он должен был назваться адъютантом, присланным к великому князю. Но когда и пропустили его, он ошибся и вместо 3-го батальона попал в деревню, где стоял сам великий князь, и со страхом выбрался назад. Уже поздно, усталый и нетерпеливый, он добился у кашеваров солдат, где стоял Борис.

— Где стоит князь Друбецкой, прапорщик? — спросил он.

Солдат с любопытством осмотрел гусара и подошел к нему.

— Такого нет в нашем батальоне. В 4-м батальоне спросите, там князей много, а у нас нет.

— Князь Друбецкой! Верно, есть.

— Да нет, ваше благородие, уж как мне не знать...

— А в 4-й роте с капитаном стоят, не князь ли? — отозвался другой солдат.

— Где князь, с капитаном Бергом-то?

— Берг, Берг, так и есть, vedi! — закричал Ростов, — целковый на чай.

Гвардия весь поход прошла, как на гулянье, щеголяя своей красотой и дисциплиной. Переходы были малые, ранцы, людей везли на подводах, офицерам австрийское начальство готовило на всех переходах прекрасные обеды. Полки вступали и выступали из городов с музыкой, и весь поход (чем гордились гвардейцы) люди шли в ногу и офицеры пешком на своих местах. Борис всё время похода шел и стоял с Бергом, своим ротным командиром. Весь поход был для него веселое торжество⁵. Берг и Борис, уже отдохнув после похода, сидели в чистой квартире, отведенной им, перед круглым столом, пили чай и играли в шахматы. Борис своим тонким и внимательным лицом несколько загорел, но был так же хорош и изящен в одежде, как и в России. Берг, дома на походе еще более, чем в Москве, был щепетильно аккуратен, видимо, сам беспрестанно любясь на чистоту и аккуратность своего халата, своей шкатулки и приглашая и других оценить его аккуратность и похвалить его за нее. Он, так же как и в Москве, пускал аккуратные колечки дыма, представлявшие как бы эмблему и девиз его жизни, и, переставляя аккуратно, за головку, взявши чистыми руками, шахматы, значительно приговаривал, как приговаривают в подобных случаях ограниченные люди, одни и те же слова.

— Ну, так-то, Борис Сергеевич, ну, так-то, Борис Сергеевич.

Но, не договорив последних слов, он услышал гром и звон на крыльце и увидел вбегающего в дверь гусарского офицера, которого он было не узнал сначала.

— Ах ты, чёрт вас возьми, — закричал гусарский офицер, непостижимо производя в комнате такой шум и гам, как будто целый эскадрон ворвался в комнату. — И Берг тут! Черти, гвардия. Ах ты, петизанфан!

— Але куше дормир⁶, — подхватил Борис, гремя, вскакивая со стула и выбегая навстречу Ростову. С тем особенным, гордым чувством молодости, которое боится битых дорог, хочет, не подражая другим, по-своему, по-новому выражать свои чувства, только бы не так, как выражают это, часто притворно, старшие, оба друга, нежно любившие друг друга, сбегались, потряслись за плечи, толкнулись, ципнулились, сказали — «ах, чёрт тебя возьми, ах ты вендер петизанфан», — они обнялись, не поцеловались, не сказали друг другу нежного слова. Но, несмотря на это отсутствие внешней нежности, в их лицах, особенно в лице Ростова, выражалось такое счастье, оживленность и любовь, что даже Берг, казалось, на минуту забыл любоваться своим благоустройством. Он умиленно улыбался, хотя и чувствовал себя чужим между этими двумя друзьями.

— Ах вы, полотеры проклятые, чистенькие, свеженькие, точно с гулянья, не то что мы грешные, армейщина, — кричал Ростов, с гордостью указывая на свою, забрызганную грязью, шинель, так громко, что хозяйка немка высунулась из двери посмотреть на этого страшного крикуна. Вопросы без ответов сыпались с обеих сторон. — Ну, рассказывай же, когда видел моих, здоровы ли все? — спрашивал Ростов.

— Что ты офицер? что ты ранен? — говорил Борис, указывая на его шинель и подвязанную руку.

— Ах, и вы тут, — не отвечая и обращаясь к Бергу, говорил Ростов. — Здравствуйте, мой милый. Ростов, который прежде, бывало, совсем изменялся при новом, тем более несимпатическом лице, каким, очень хорошо знал Борис, был для него Берг, Ростов теперь при этом несимпатическом лице не только не сжимался, но, напротив, как бы нарочно,

⁵ Отсюда начинается текст, написанный Т. А. Берс под диктовку (прим. составителя).

⁶ Очевидно, продиктованный Толстым французский текст: *Petits enfants, allez coucher dormir* (Дети, идите ложиться спать), Т. А. Берс записала в русской транскрипции (прим. составителя).

казался еще беспечнее и развязнее. Ростов подвинул себе стул, сел верхом на него и рукавом спхвирнул все шахматы на диван.

— Ну, садись, рассказывай,— сказал он, притягивая за руку Бориса,— знают они про наши дела? Знают про то, что я произведен? Да ведь мы два месяца из России.

— Ну, а ты был в деле? — спросил Борис. Ростов, не отвечая, небрежным движением тряхнул по солдатскому георгиевскому кресту, висевшему на шнурках мундира и, указав на свою подвязанную руку, улыбаясь, взглянул на Берга.

— Нет, не был,— сказал он.— [Это так.]

— Ого,— сказал Борис, всё удивляясь и тихо улыбаясь, глядя на происшедшую перемену его друга. В сущности же теперь только в первый раз сам Ростов, примеряя себя к старым отношениям в жизни, чувствовал всю ту перемену, которая произошла в нем. Всё, что прежде показалось бы ему трудным, было легко ему. Он, заставляя Бориса удивляться своей развязности, сам еще больше его удивлялся ей. Попав, желая пощеголять перед гвардейцами, в тон ухарского гусарства, он почувствовал неожиданную свободу и прелесть в этом тоне. Он с удовольствием чувствовал, что в противность тому, что прежде бывало между им и Борисом, не Борис уже, а он давал характер и направление разговору. Он видимо забавлялся тем, что по произволу переменил разговор; только что Борис стал его расспрашивать о войне и его производстве, как Ростов, вспомнив о старом слуге Бориса, опять переменил разговор.

— Ну, а твой старый пес, Гаврило, с тобой? — спросил он.

— Как же,— отвечал Борис,— он тут у хозяев по-немецки учится.

— Эй, ты, старый чёрт,— крикнул Ростов,— иди сюда.— И на его зов явился почтенный и представительный старый слуга Анны Михайловны.

Иди сюда, целуй меня, старый кобель,— радостно улыбаясь, сказал Ростов и обнял его.

— Имею честь поздравить, ваше сиятельство,— сказал добродушно и почтительно старый Гаврило, любуясь на крест и на эполеты Ростова.

— Ну, давай полтинник на извозчика,— смеясь, закричал Ростов, напоминая тем старому слуге, как он во времена студенчества занимывал у него по гривенничку. Приятный и добродушный старик слуга тотчас же нашелся:

— Офицеру и кавалеру как не поверить, ваше сиятельство,— сказал он шутя, как будто доставая деньги из кармана.

— Подите-ка, гвардейская штука,— проговорил Ростов, трепля по спине старика,— как я ему рад, как я ему рад, а вот что,— вдруг сказал он,— пошли-ка его за вином.

Борис, хотя не пил, но охотно достал из-под чистых подушек тощий кошелек и велел принести вина.

— Кстати и тебе отдать твои деньги и письмо.

— Давай, свинья этакая,— закричал Н. Ростов, хлопая его по заднице, в то время как Борис, нагнувшись над шкатулкой, щелкал в ней звенящим, английским замком, доставая письма и деньги.

— Ты потолстел, право,— сказал Ростов и, вырвав у него письма и бросив на диван деньги, облокотился обеими руками на стол и стал читать. Он прочел несколько строк, глаза его потускнели и всё лицо, изменившись, приняло более благородные, не детские, очертания. Он прочел еще, и еще страннее стал его взгляд, и выражение нежности и раскаяния показалось на его содрогнувшихся губах. Он злобно взглянул на Бориса и, встретив его взгляд, закрыл лицо письмами.

— Однако денег вам порядочно прислали,— сказал Берг, глядя на тяжелый, вдавившийся в диван кошелек.

— Вот что, Берг, милый мой,— сказал Ростов.— Когда вы получите из дома письмо и встретитесь с своим человеком, у которого вам захочется расспросить про всё, и я буду тут,— я сейчас уйду, чтобы не мешать вам.

Послушайте, уйдите, пожалуйста, куда-нибудь, куда-нибудь... к чёрту! — крикнул он и тотчас же, схватив его за плечо и ласково глядя в его лицо, видимо, стараясь смягчить грубость своих слов, прибавил: — Вы знаете, я от души говорю, как нашему старому хорошему знакомому.

— Ах, помилуйте, граф, я очень понимаю, — сказал Берг, вставая и говоря в себя, горловым голосом.

— Вы к хозяевам пойдите: они вас звали, — прибавил Борис.

Берг надел чистейший, без пятнышка и соринки, сюртучок, взбил перед зеркалом височки кверху, как носил Александр Павлович, и, удивившись по взгляду Ростова, что его сюртучок был замечен, с приятною улыбкой вышел из комнаты.

— Я свинья, — сказал Ростов, глядя в письмо (он читал в это время французскую приписочку Сони. Он видел как бы перед глазами ее черную косу, худые плечики, а главное, он видел и знал, что происходило в ее душе, когда она писала это письмо, как бы всё это происходило в его собственной. Он чувствовал, как она колебалась написать слишком мало или слишком много, и чувствовал, как сильно и прочно она его любила).

— Ах, какая я свинья! Посмотри, что они пишут, — повторил он, покраснев при воспоминании о вчерашнем свидании и не показав нагнувшемуся Борису тех строк, которые так сильно волновали его.

Он прочел ему следующее место из письма матери: «Думать, что ты, мой бесценный, обожаемый, несравненный Коко, находишься среди всех ужасов войны, и быть спокойной и думать о чем-нибудь другом, свыше моих сил. Да простит меня бог за мой грех, но ты один, неоцененный мой Коко, дороже мне всех моих детей». Расположенный к чувствительности вообще всем происшедшим с ним в последние дни и теперь приписочкой Сони, он и не мог без слез дочесть это письмо матери. Он заплакал, рассердился на себя и притворно засмеялся.

В письмах родных было вложено еще рекомендательное письмо к князю Багратиону, которое, по совету Анны Михайловны, через знакомых достала старая графиня и посылала сыну, прося его снести по назначению и им воспользоваться.

— Нет, бог с ним, — сказал Ростов, бросая письмо, — мне и в полку хорошо.

— Что ж ты, неужели бросишь письмо, — спросил с удивлением Борис.

— Разумеется.

— Напрасно, — сказал Борис, — это тебя ни к чему не обязывает, а может улучшить твоё положение.

— Да я не желаю лучшего.

— Нет, ты всё такой же, — покачивая головой и улыбаясь, сказал Борис. — Как же ты можешь судить, лучше или хуже то положение, когда ты еще не испытал его. Вот я, например, тоже вполне доволен своим положением в полку и в роте, но мне матушка дала письмо к одному адъютанту Кутузова, Болконскому. Он, говорят, очень влиятельный человек. Что ж, я был у него, и он обещал устроить мне положение при главной квартире. Я не вижу, что же тут дурного: уж раз пойдя по карьере военной службы, стараться сделать, коль возможно, блестящую карьеру. Что, ты не знаешь, не встречал этого Болконского, — спросил Борис.

— Нет, я этой дряни штабных не знаю, — мрачно отвечал Ростов.

— А он нынче вечером хотел зайти ко мне, — сказал Борис. — Он тут теперь у цесаревича, прислан от вашего главнокомандующего.

— А, — сказал Ростов [впадая в раздумье]. Помолчав несколько секунд, он весело и нежно взглянул в глаза Борису.

— Ну, что про глупости говорить, — сказал он, — расскажи же мне коротенько про наших. Что папенька, что Жанлис? Что Наташа моя милая? Петька? Он расспрашивал про всех, но не мог взять на себя спросить

про Соню. Он не говорил тоже с Борисом о его отношениях с Наташей, как будто теперь он признавал, что это были детские глупости, которые теперь забыть надо.

Старик Гаврило принес вино, и так как всё задушевное было переговорено или скорее ничего задушевного не было сказано, и очевидно было, что и не будет сказано, Борис предложил послать за изгнанным Бергом для того, чтоб и он мог принять участие в принесенной бутылке.

— Ну, что эта немчура, — сказал Ростов с презрительной миной, пока Берг еще не возвращался, — всё такая же дрянь, весь на расчётах.

— Нет, — заступнически сказал Борис, — он славный человек, честный и смиренный.

Опять Ростова поразило не случайное, а существенное различие во взглядах с своим другом. Он пристально посмотрел в глаза Борису и вздохнул, как бы навсегда прощаясь с своей прежней дружбой и простотой отношений с своим товарищем детства⁷.

— Нет, для меня лучше пускай будет не такой уж честный и аккуратный, но чтоб был живой человек, а не такая тряпка, как этот немчик.

— Это очень, очень хороший, честный и приятный человек, — сказал Борис.

Ростов, пристально посмотрел в глаза Борису и вздохнул, как бы навсегда прощаясь с своей прежней дружбой и простотой отношений с своим товарищем детства⁷. «Мы совсем, совсем чужие», — подумал Ростов.

Берг вернулся, и за бутылкой вина разговор между тремя офицерами оживился. Гвардейцы рассказывали Ростову о своем походе, о том, как их чествовали в России, Польше и за границей, рассказывали о словах и поступках великого князя, анекдоты о его доброте и вспыльчивости. Берг, как и обыкновенно, молчал, когда дело касалось не лично его, но по случаю анекдотов о вспыльчивости великого князя он с наслаждением рассказал, как в Галиции ему удалось говорить с великим князем, объезжавшим полки и прогневавшимся за неправильность движения. Захлебываясь от удовольствия и едва удерживая круглую улыбку, он рассказал, как великий князь в бешенстве подъехал к нему, закричал: «Арнауты!» — («арнауты» — была любимая поговорка цесаревича, когда он был в гневе), и Берг, повторяя эту поговорку, видимо, захлебывался от счастья.

— Арнауты, арнауты, — крикнул великий князь и потребовал к себе ротного командира. — «Где эта бестия, ротный командир», — с удовольствием повторял Берг эти слова великого князя. — Я и вышел ни жив ни мертв, — говорил Берг, — только он меня уж пушил, пушил, пушил, пушил и «арнауты» и «чёрт» и «в Сибирь», — говорил Берг, тонко, проникательно улыбаясь. — Я все молчу. «Да, что ты, немой что ли?» — Как крикнет вдруг: «Арнауты». Я всё молчу, что мне, <ничего?>. На другой день и в приказе не было; вот что значит не потеряться! Так-то, граф, — говорил Берг, пуская свои добродетельные колечки.

Борис заметил, что Ростову не вполне нравились эти рассказы. Он обратил разговор об военных действиях и о том, как он и где получил рану. Ростов, понемногу, в присутствии несимпатичного ему Берга, входя опять в прежний тон гусарского ухарства и одушевляясь, рассказал им свое Шенграбенское дело совершенно так, как рассказывают про сражения обыкновенно участвовавшие в них, то есть так, как им хотелось бы, чтоб оно было, так, как они слышали от других рассказчиков, так, как красивее было рассказывать, но совершенно не так, как оно было. Ростов был правдивый молодой человек, он ни за что умышленно не сказал неправды, он с намерением рассказать всё, как оно точно было, начал рассказывать, но незаметно, невольно и неизбежно для себя перешел в фантазию, в ложь и даже в хвастовство. Как же в самом деле ему было

⁷ Почти буквальное повторение в автографе (прим. составителя).

рассказывать? Неужели ему надобно было сказать этим слушателям, которые, как и он сам (он очень хорошо знал), слышали уже множество раз рассказы об атаках и составившие себе определенное понятие о том, что была атака, и ждавшие точно такого же рассказа, как же ему было, разрушая их готовое понятие, рассказывать им совсем другое вправду. Или бы они не поверили ему, или, что еще хуже, они подумали бы, что Ростов был сам виноват в том, что с ним не случилось того, что случается обыкновенно с рассказчиками кавалерийских атак. Не мог он им рассказать так просто, что поехали все рысью, он упал с лошадью, свихнул руку и изо всех сил побежал в лес от француза.

Они ждали его рассказа о том, как горел он весь в огне, сам себя не помня, как буря, налетал на каре; врубался в него, рубил направо и налево; и падал в изнеможении, и тому подобное. В таком роде он и рассказал им, и они остались довольны, и он не заметил, что всё, что он говорил, было далеко от правды.

В середине его рассказа в комнату вошел ожидаемый Борисом князь Андрей. Накануне, когда Борис передавал ему письмо от Пьера, которое уговорила Анна Михайловна Пьера написать своему другу и в котором молодой граф Безухов говорил Болконскому, что податель этого письма есть замечательно милый молодой человек, Болконский, польщенный уже тем, что к нему обращались за протекцией, обратил внимание на молодого Бориса, и этот юноша чрезвычайно понравился ему. Кроме того, для князя Андрея самый приятный род отношений с людьми были отношения покровительственные к молодому и симпатическому человеку, который бы преклонялся перед ним. Таковы были его отношения к самому Пьеру и такие же устанавливались теперь с Борисом. Борис же с своим врожденным тактом в первое свидание с князем Андреем успел дать почувствовать ему, что он вполне был готов преклоняться перед ним. Он зашел теперь к Борису отдохнуть перед отъездом в штаб и переговорить, как он обещал, о том, что предпринять для исполнения желания Бориса, перевода в главную квартиру. Войдя в комнату и увидав армейского гусара, который, сидя верхом на стуле, с жаром рассказывал свои военные похождения новичкам гвардейцам («наверное вранье», — подумал князь Андрей, слышавший уже сотни таких рассказов), князь Андрей поморщился, прищурился и, слегка поклонившись, устало и лениво сел на диван. Ему неприятно было, что он попал в дурное общество. Несмотря на то, что Борис назвал ему графа Ростова, он не изменил ни своего «мнения?», ни презрительной мины.

— Что ж, продолжайте, — сказал он таким тоном, после которого невозможно было продолжать. Несмотря на неприятный, насмешливый тон князя Андрея, несмотря на общее презрение, которое с своей армейской боевой точки зрения имел Ростов ко всем этим штабным адъютантикам, к которым, очевидно, причислялся и вошедший, Ростов почувствовал себя сконфуженным и не мог продолжать. Он покраснел, отвернулся и замолчал, но не мог не следить со вниманием за всеми движениями и выражениями лица этого маленького человека, усталого, слабого и ленивого, который сквозь зубы пропускал слова, как будто бы делал милость тому, с кем он говорил. Этот человек интересовал, волновал его и внушал ему невольное уважение. Ростов краснел и молча думал, глядя на вошедшего. Берг униженно до неприличности прислуживал ему. Борис, как умная хозяйка дома, старался втянуть обоих в общий разговор. Он спрашивал какие новости и что, без нескромности, слышно о наших предположениях?

— Вероятно, пойдут вперед, — видимо, не желая при посторонних говорить более, отвечал Болконский.

Берг воспользовался случаем спросить с особенною учтивостью, будут ли выдавать теперь, как слышно было, удвоенное фуражное армейским ротным командирам? На это князь Андрей с улыбкой отвечал, что он

не может судить о столь важных государственных распоряжениях, и Берг радостно рассмеялся.

— Об вашем деле, — обратился князь Андрей к Борису, — мы поговорим как-нибудь после, — и он оглянулся на Ростова, как бы этим показывая ему, что он был лишний. Ростов вспыхнул, ничего не сказав. Болконский продолжал: — Вы приходите ко мне после смотра, мы всё сделаем, что можно будет.

И чтобы сказать, наконец, что-нибудь прежде, чем уйти, он обратился к Ростову, которого положение детского непреодолимого конфуза, переходящего в озлобление, он и не удостоивал заметить, он сказал:

— Вы, кажется, про Шенграбенское дело рассказывали? Вы были там?

— Я был там, — с озлоблением сказал Ростов, как будто бы этим желая оскорбить адъютанта.

Болконский заметил состояние гусара, и оно ему показалось забавно. Он слегка презрительно улыбнулся.

— Да! много теперь рассказов про это дело.

— Да, рассказов! — громко заговорил Ростов, в упор вдруг сделавшими бешеными глазами глядя на Болконского. — Да, рассказов много, но наши рассказы — рассказы тех, которые были в самом огне неприятеля, наши рассказы имеют вес, а не рассказы тех штабных молодчиков, которые получают награды, ничего не делая.

— К которым, вы предполагаете, что я принадлежу? — спокойно и весело улыбаясь, проговорил князь Андрей.

Странное чувство озлобления и вместе с тем уважения к спокойствию этой фигуры соединилось в это время в душе Ростова.

— Я говорю не про вас, — сказал он, — я вас не знаю и, признаюсь, не желаю знать. Я говорю вообще про штабных.

— А я вам вот что скажу, — с спокойною властью в голосе перебил его князь Андрей. — Вы, может быть, хотите оскорбить меня, то я готов согласиться с вами, что это очень легко сделать, ежели вы не будете иметь достаточного уважения к самому себе; но согласитесь, что и время и место весьма дурно для этого выбраны. На днях всем нам придется быть на большой, более серьезной дуэли, а кроме того, Друбецкой, который говорит, что он ваш старый приятель, нисколько не виноват в том, что моя физиогномия имела несчастье вам не понравиться. Впрочем, — сказал он вставая, — вы знаете мою фамилию и знаете, где найти меня; но не забудьте, — прибавил он, — что я не считаю нисколько ни себя, ни вас оскорбленным, и мой совет, как человека старше вас, оставить это дело без последствий. Так в пятницу после смотра, я жду вас, Борис, до свидания; — и он вышел.

Ростов вспомнил, что ему надо было ответить, только тогда, когда он уже вышел. Борис знал, что, чем больше бы он просил Ростова оставить это дело, тем бы он был упорнее, и потому он ни слова не сказал про прошедшее. [Поговорим о постороннем] Ростов тоже молчал и через полчаса велел подать лошадь и уехал. Он уехал с сомнением о том, оставался ли Борис его другом или он должен был признаться, что уже навсегда они стали далеки друг от друга. Другое его сомнение состояло в том, ехать ли ему завтра в главную квартиру и вызвать этого ломающегося адъютанта или в самом деле оставить это дело так. То он с злобой думал о том, с каким бы удовольствием вызвал бы на барьер этого маленького, слабого и гордого человечка, то он с удивлением чувствовал, что из всех людей, которых он знал, никого бы с такой радостью он не сделал бы своим другом⁸.

⁸ Утрачен один лист автографа, поэтому текст: *состояло с своим другом*. — печатается по копии. Далее вновь начинается автограф — правленная Толстым Рукопись 103 (прим. составителя):

〈V〉

На другой день свидания Бориса с Ростовым был смотр австрийских и русских войск, как свежих, пришедших из России, так и тех, которые вернулись из похода с Кутузовым. Оба императора, русский с наследником цесаревичем и австрийский с эрцгерцогом, делали этот смотр союзной 80-ти тысячной армии.

С раннего утра начали двигаться щегольски вычищенные и убранные войска, выстраиваясь на укрепленном месте. То двигались тысячи ног и штыков [и по команде офицеров] с развевавшимися знаменами и по команде офицеров останавливались, заворачивались и строились в интервалах, обходя другие такие же [громады] массы пехоты в других мундирах. То мерным топотом и бряцаньем сабель звучала нарядная кавалерия в синих, красных, зеленых шитых мундирах с расшитыми музыкантами впереди, на вороных, рыжих, серых лошадях. То, растягиваясь с своим медным звуком подрагивающих на лафетах, вычищенных, блестящих пушек и с своим запахом палынков, ползла между пехотой и кавалерией артиллерия, расставляясь на назначенных местах. Не только генералы в полной парадной форме, с перетянутыми донельзя [талиями] толстыми и тонкими талиями и покрасневшими, подпертыми воротниками, шеями в шарфах и всех орденах, не только припомаженные, расфранченные офицеры, но каждый солдат — с свежее выбритым и вымытым лицом и до последней возможности блеска вычищенной амуницией, каждая лошадь, выхоленная так, что, как атлас, светилась на ней шерсть и волосок к волоску лежала примоченная гривка, — все чувствовали, что совершается что-то нешутливое, торжественное и значительное. Каждый [человек] [солдат] генерал и солдат чувствовал себя песчинкой в этом море людей, чувствовал свое ничтожество, как личность, и вместе испытывал гордое сознание своей силы и величия, относящихся ко всей массе, с которой он [чувствует] сознавал себя нераздельно связанным.

С раннего утра и до 10 часов продолжались напряженные хлопоты и усилия, и наконец всё пришло в требуемый порядок.

На огромном поле ряды стали, и видны только стройно выровненные, вычищенные, блестящие белыми перевязями линии пехоты, артиллерии, конницы, гвардейской, армейской кутузовской, отличающейся своей воинственной неформенностью, и австрийская с своими белыми генералами.

Как ветер по листьям, пронесся взволнованный шёпот, и с разных сторон раздались звуки генерал-марша. Как будто сама армия, веселясь и встречая государя, издавала эти торжественные звуки, как будто не ветер слегка колебал распущенные знамена, 〈виднеющиеся〉 в середине батальонов, а сама армия этим легким движением выражала свою радость при приближении государей. Послышался один голос, потом, как петухи на заре, повторились голоса в разных концах. Армия сделала на караул, и всё затихло. В мертвой тишине послышался топот сотни лошадей [свиты императоров, и вся армия, как один человек, глядит только на государей, ничего не видя, кроме них. В мертвой тишине слышится слабый ласковый] [Топот затих] свиты императоров. Потом один ласковый [совершенный] [желаемый] молодой голос государя Александра. И армия [как бы желая показать свою силу] издала такой страшный, оглушающий и продолжительный радостный крик, что сами люди армии ужаснулись той силе и громаде, которой они составляли части.

Ростов в кутузовской армии стоял на своем месте и испытывал то же чувство, какое испытывал каждый человек этой армии, чувство самозабвения, сильного, нечеловеческого, гордого сознания могущества и страстного влечения к тому, кто был причиной этого торжества.

Он чувствовал, что от одного слова этого человека зависело то, чтобы вся громада эта (и он, связанный с ней, — [один человек] ничтожная песчинка) пошла бы в огонь или в воду, на преступление или на смерть, и потому он трепетал и замирал при виде этого приближающегося слова.

— Урра! Урра! Урра! — гремело со всех сторон, и при стройном оглушительном звуке этих голосов посреди неподвижных [масс войска], как бы окаменевших в своих четвероугольных массах войска, небрежно, несимметрично [двигались] и, главное, свободно двигались сотни всадников свиты и впереди их два человека — императоры. На них-то безраздельно было сосредоточено внимание всей этой массы людей.

Красивый, молодой император Александр, в конногвардейском мундире, в треугольной шляпе, надетой с поля, <с> своим приятным лицом и звучным негромким голосом привлекал всё внимание.

Ростов в первый раз видел государя [но он никого] [Государь Александр сосредоточил все его внимание.]. Он был обворожен простою прелестью его наружности в соединении с величием обстановки.

Остановившись против Павлоградского полка, государь сказал что-то по-французски австрийскому императору и улыбнулся.

Увидав эту улыбку, Ростов почувствовал, что он любит государя в эту минуту больше всего на свете. За что, не знал, но это так было. Государь вызвал полкового командира немца Усача и сказал ему несколько слов. Ростов завидовал ему всей душой.

Государь обратился и к офицерам:

— Всех, господа (каждое слово слышалось Ростову, как звук с неба), благодарю от всей души. (Как бы счастлив был Ростов, ежели бы мог теперь умереть за своего царя!) — Вы заслужили георгиевские знамена и будете их достойны.

Государь еще сказал что-то, чего не расслышал Ростов, и солдаты, надсаживая свои гусарские груди, закричали «урра!»

Ростов закричал тоже, [в эту минуту] пригнувшись к седлу, что было его сил, желая повредить себе этим криком, но только чтобы выразить вполне свой восторг государю.

Государь постоял несколько секунд как будто в нерешимости.

«Как мог быть в нерешимости государь?» — подумал Ростов, и эта нерешимость показалась Ростову еще более величественною. Но нерешительность продолжалась мгновение. Нога государя с узким острым носком дотронулась до паха англизированной гнедой красавицы лошади, на которой он ехал; рука государя в белой перчатке перебрала поводья, и всё тронулось прочь и скрылось за беспорядочно, но грациозно заколыхавшимся морем адъютантов.

Когда смотр кончился, заиграли песенники, офицеры съехались группами и начались разговоры о наградах, о австрийцах, их мундирах, посыпались насмешки, встречи приятелей гвардейцев с Кутузовскими войсками, разговоры о Бонапарте и о том, как ему плохо придется теперь, особенно подойдет еще корпус Эссена, и Пруссия примет нашу сторону.

Но, главное, говорили о государе Александре, передавали каждое его слово, движение и восторгались им. Все только желали под предводительством государя поскорее идти против французов. Все после смотра были уверены в победе больше, чем бы могли быть после двух выигранных сражений.

«VI»

На другой день после смотра Борис, одевшись в лучший мундир и напутствуемый пожеланиями успеха от своего товарища Берга, поехал в Ольмюц к Болконскому, желая воспользоваться его лаской и устроить себе наилучшее положение при важном лице, казавшееся ему особенно заманчивым в армии. Внутренний голос говорил ему против его намерений, и ему иногда казалось стыдно идти кланяться кому бы то ни было.

«А впрочем, нет, — говорил он сам себе, — это всё детские и рыцарские фантазии Ростова, которые отзываются во мне. Это пора оставить. Это хорошо ему, которому отец присылает по 10 тысяч. (Я не завидую

ему и люблю его.) Но мне, ничего не имеющему, кроме своей головы, надо делать свою карьеру».

Он подавил в себе это чувство ложного стыда, как ему казалось и с решимостью отправился в Ольмюц. Он не застал в этот день князя Андрея в штабе, но тот блеск, те признаки власти и праздничного, торжественного обихода жизни, которые он видел теперь в Ольмюце, где стояла главная квартира, дипломатический корпус и оба императора с своими свитами придворных, приближенных, только больше усилили его желание принадлежать к этому верховному миру.

Он никого не знал, несмотря на его щегольской гвардейский мундир, все эти сновавшие по улицам в щегольских экипажах, плюмажах, лентах и орденах придворные и военные, казалось, стояли так высоко от него, что не хотели и не могли даже признавать его существование. В главной квартире Кутузова, где он спросил Болконского, все эти адъютанты и даже денщики смотрели на него так, как будто желали внушить, что таких, как он, офицеров много и много сюда шляются и что они все уже очень надоели. Несмотря на это, или скорее вследствие этого, на другой день, 15 числа, он после обеда опять входил в большой Ольмюцкий дом, занимаемый Кутузовым, и спросил Болконского. Они были дома, и Борис провел в большую залу, в которой, вероятно, прежде танцевали, а теперь стояли 5 кроватей, разнородная мебель: столы, стулья и клавикорды. Один адъютант, ближе к двери, в персидском халате, сидел за столом и писал. Другой, красный, толстый, лежал на постели, подложив руки под голову, и смеялся с присевшим к нему офицером. Третий играл на клавикордах веселый вальс, четвертый лежал на этих клавикордах и подпевал ему. Болконского не было. Никто из этих господ, заметив Бориса, не изменил своего положения. Тот, который писал и к которому обратился Борис, досадливо обернулся, сказав ему, что Болконский дежурный и чтобы он шел налево в дверь, в приемную, коли ему нужно видеть его. В приемной, кроме дежурного адъютанта, из входящих, проходящих и выходящих постоянно было человек 5 <1 нрзб>, то генерал-квартирмейстер, то начальник артиллерии, то старший адъютант, то начальник отряда, то оберпровиантмейстер, то начальник собственной канцелярии, то адъютант ординарец, флигель-адъютант и т. п., и т. п. Все эти почти без исключения говорили по-французски.

В то время как взошел Борис, князь Андрей, презрительно прищурившись, с тем особенным видом крайне устатой, которая ясно говорит, что, коли бы не моя обязанность, я бы минуты с вами не стал разговаривать, князь Андрей выслушивал старого русского генерала в орденах, который почти на цыпочках, навывтяжке, с солдатским подобострастным выражением зятанутого воротником багрового лица что-то докладывал князю Андрею.

— Очень хорошо, извольте подождать, — сказал он генералу и, заметив Бориса, не обращаясь более к генералу, который с мольбою бегал за ним, прося еще что-то выслушать, князь Андрей с веселой улыбкой, кивая, обратился к Борису. Лицо его приняло то детски нежное выражение, которое бывало так обворожительно для тех, к кому оно обращалось.

Борис в эту минуту окончательно, больше чем когда-нибудь, понял, что, кроме той субординации и дисциплины, которая была написана в уставе и которую знали в полку и он знал, была другая, более существенная субординация, та, которая заставляла этого зятанутого, с багровым лицом генерала почтительно дожидаться, в то время как капитан князь Андрей для своего удовольствия находил более удобным разговаривать теперь с прапорщиком Друбецким, и, больше чем когда-нибудь, Борис решил служить впредь не по той писаной в уставе, а по этой неписаной субординации. Он теперь чувствовал, что только вследствие того, что он был рекомендован князю Андрею, он уже стал сразу выше генерала, который в других случаях, во фронте, мог уничтожить его, гвар-

дейского прапорщика. Князь Андрей подошел к нему и взял за руку.
— Очень жаль, что вчера вы не застали меня. Я целый день провозился с немцами. Ездили с Вейротером поверять диспозицию. Как немцы возьмутся за аккуратность — конца нет!

Борис улыбнулся, как будто он понимал то, о чем, как обо всем известном, намекал князь Андрей. Но он в первый раз слышал и фамилию Вейротера и даже слово «диспозиция».

— Ну, что, мой милый, всё в адъютанты хотите? Я об вас подумал за это время.

— Да, я думал, — невольно отчего-то краснея, сказал Борис, — просить главнокомандующего. Ему было письмо обо мне от князя Курагина; я хотел просить только потому, — прибавил он, как бы извиняясь и всё чувствуя невольный стыд, — оттого что, боюсь, гвардия не будет в деле.

— Хорошо! Хорошо! Мы обо всем переговорим, — сказал князь Андрей, — только дайте доложить про этого господина, — и я принадлежу вам.

В то время как князь Андрей ходил докладывать про багрового генерала, генерал этот, видимо, не разделявший понятий Бориса о выгодах неписаной субординации, до такой степени страшно и кровожадно уперся глазами в дерзкого прапорщика, помешавшего ему договорить с адъютантом, что Борису стало неловко. Он отвернулся и с нетерпением ожидал, когда возвратится князь Андрей из кабинета главнокомандующего.

— Вот что, мой милый, я думал о вас, — сказал князь Андрей, когда они прошли в большую залу с клавирами (Адъютант, прежде так холодно принявший Бориса, теперь был с ним предупредительным и ласковым). — К Кутузову вам ходить нечего, — говорил князь Андрей, — он наговорит вам кучу любезностей, скажет, чтобы приходили к нему обедать («это было бы еще не так плохо для службы по той субординации», — подумал Борис), но из этого дальше ничего не выйдет; нас, адъютантов и ординарцев, скоро будет батальон. Но вот что мы сделаем: у меня есть хороший приятель, генерал-адъютант императора Александра и прекрасный человек, князь Долгоруков; и хотя вы этого можете не знать, но дело в том, что теперь Кутузов с его штабом и мы всё равно ничего не значим: всё теперь сосредоточивается у государя; так вот мы пойдемте-ка к Долгорукову, мне и надо сходить к нему, я уж ему говорил про вас; так мы и посмотрим, не найдет ли он возможным пристроить вас при себе или где-нибудь там, поближе к солдату.

Это было уже поздно вечером, когда они вошли в Ольмюцкий дворец, занимаемый императорами и их приближенными.

<VII>

В этот самый день был военный совет, на котором участвовали все члены гофкригсрата и оба императора и на котором, в противность мнению стариков, Кутузова и князя Шварценберга, было решено немедленно наступать и дать генеральное сражение Бонапарту. Военный совет только что кончился, когда князь Андрей, соучастуемый Борисом, пришел во дворец отыскивать князя Долгорукова. Еще все лица главной квартиры находились под обаянием Ольмюцкого смотра и в нынешний вечер еще усиленное впечатлением военного совета. Голоса медлителей, советовавших ожидать еще чего-то не наступая, так единодушно были заглушены и доводы их опровергнуты несомненными доказательствами выгод наступления, что то, о чем толковалось в совете, будущее сражение и, без сомнения, победа казалось уже не будущим, а прошедшим. Все выгоды были на нашей стороне. Огромные силы, без сомнения, превосходившие силы Наполеона, были стянуты в одно место. Буонапарте, видимо, ослабленный, ничего не предпринимал. Войска были одушевлены присутствием императоров и рвались в дело; стратегический пункт, на котором приходилось действовать, был до мельчайших подробностей известен

австрийскому генералу Вейротеру, руководившему войска (как бы счастливая случайность сделала то, что австрийские войска в прошлом году были на маневрах именно на тех полях, на которых теперь предстояло сразиться с французом); до малейших подробностей была известна и передана на картах подлежащая местность.

Долгорукий, один из самых горячих сторонников наступления, только что вернулся с смотра усталый, измученный, но оживленный и гордый одержанною в совете победой. Когда князь Андрей с Борисом взопли к нему, князь Андрей представил покровительствуемого им офицера, но князь Долгорукий, учтиво и крепко пожав ему руку, ничего не сказал ему и, очевидно, не в силах удержаться от высказывания тех мыслей, которые сильнее всего занимали его в эту минуту, по-французски обратился к князю Андрею.

— Ну, мой милый, какое мы выдержали сражение! Дай бог только, чтобы то, которое будет следствием его, было бы столь же победоносно. Ну, мой милый, — говорил он отрывочно и оживленно, — я должен признать свою вину перед австрийцами и в особенности Вейротером. Что за точность, что за подробность, что за знание местности и предвидение всех предстоявших условий. Нет, мой милый, выгоднее тех условий, в которых мы находимся, нельзя ничего нарочно выдумать. Соединение австрийской отчетности с русской храбростию — чего же вы хотите еще?

— Так наступление окончательно решено? — сказал Болконский.

— И знаете ли, мой милый, мне кажется, что решительно Буонапарте потерял свою латынь. Вы знаете, что нынче получено от него письмо к императору.

— Вот как! Что ж он пишет? — спросил Болконский.

— Что он может писать? Традиридира и тому подобное, всё только с целью выиграть время. Я вам говорю, что он у нас в руках: это верно! Но что забавнее всего, — сказал, вдруг добродушно смеясь, — это то, что никак не могли придумать, как адресовать ответ ему? Ежели не консулу, само собой разумеется, не императору, то генералу Буонапарту, как мне казалось¹.

— Ну, как же решили, наконец, — улыбаясь сказал Болконский.

— Вы знаете Билибина, он очень умный малый, он предлагал адресовать: «узурпатору и врагу человеческого рода».

Долгорукий весело захохотал.

— Но все-таки этот Билибин умная голова, он нашел титул адреса.

— Как же? — спросил Болконский.

— Главе французского правительства, — серьезно и с удовольствием сказал князь Долгорукий. Это ему не понравится [я его], — сказал Долгорукой. — Брат его знает, он обедал у него — в Париже, и говорит, что ловчее этого человека на дипломатической тонкости нельзя придумать.

— Да, граф Марков только умел с ним делать. Вы знаете историю платка. — Это прелесть.

И словоохотливый Долгорукой, обращаясь то к Борису, то к князю Андрею, рассказал одобрительно, как Буонапарт, желая испытать Маркова, нашего посланника, нарочно уронил перед ним платок и остановился, глядя на него, ожидая, вероятно, услуги от Маркова, и как Марков тотчас же уронил рядом свой платок и поднял его, не поднимая платка Буонапарта.

— Да, это прекрасно, — всё так же улыбаясь, сказал Болконский. — Но вот что, князь, я пришел к вам просителем вот с этим молодым человеком. Видите ли что...

Но князь Андрей не успел докончить, как в комнату вошел адъютант, который звал князя Долгорукова к императору.

— Ах, какая досада! — сказал Долгорукий, поспешно вставая и пожи-

¹ На полях: Марков, платок. Брат М. П. у него обедал.

мая руку князю Андрею и Борису. Вы знаете, я очень рад сделать всё, что от меня зависит, и для вас и для этого милого молодого человека. — И он еще раз пожал руку Бориса с выражением добродушного, искреннего и оживленного легкомыслия.

Бориса невольно волновала мысль о той близости к высшей власти, в которой он чувствовал себя. Он сознавал себя здесь в соприкосновении с теми пружинами, которые руководили всеми теми громадными движениями масс, которых он в своем полку чувствовал себя маленькою, покорною и ничтожною частью. Они вышли в коридор за князем Долгоруким и встретили выходящего из той двери комнаты государя, в которую вошел Долгоруков, молодого человека в штатском платье с замечательно красивым и гордым лицом и резкою чертой выставленной вперед челюсти, которая, не портя его, придавала ему особенную живость и изворотливость выражения. Этот невысокий человек кивнул, как своему, Долгорукову и пристально-холодным взглядом стал вглядываться в князя Андрея, идя прямо на него и, видимо, ожидая, чтобы князь Андрей поклонился ему или [видимо] дал дорогу. Князь Андрей не сделал ни того, ни другого; в лице его выразилась отчаянная злоба, и молодой человек, отвернувшись, прошел стороной в коридор.

— Кто это? — спросил Борис.

— Это один из самых замечательных, но неприятнейших мне людей. — Это поляк, князь Чарторижский.

— Вот эти люди, — сказал Болконский со вздохом, который он не мог подавить, в то время как они выходили из дворца, — вот эти-то люди решают судьбы народа.

Борис с недоумением посмотрел на него, недоумевая, презрительно, уважительно или завистливо было сказано это. Но на черноватом желтом лице маленького человечка, шедшего после него, он не прочел ничего. Это просто сказано, потому что это так было.

На другой день войска выступили и Борис не успел до Аустерлицкого сражения побывать ни у Болконского, ни у Долгорукого и остался во фронте.

«VIII»

15 ноября союзная армия в пяти колоннах выступила из Ольмюца под командой генералов, из которых ни один не носил русского имени. Имена эти были: 1-е Вимпфен, 2-е граф Ланжерон, 3-е Пржебышевский, 4-е князь Лихтенштейн и 5-е князь Гогенлоу. Погода стояла морозная и ясная, и люди шли весело. Хотя никто, кроме высших начальников, не знал, куда и зачем направлялась армия, все были рады выступлению после бездействия Ольмюцкого лагеря. Колонны двинулись по команде с музыкой и с развевавшимися знаменами. Весь переход они должны были идти стройно, как на смотр, и непременно в ногу¹. В девятом часу утра государь верхом, со свитою, обогнал гвардию и присоединился к колонне Пржебышевского. Солдаты весело прокричали «ура», и на протяжении 10 верст, которые занимали 80 тысяч движущегося войска, раздались, фальшиво сливаясь в ближайших частях, звуки воинственных маршей и солдатских песен. [Потом опять распустились солдаты и шли лениво и не совсем порядочно, с думами скорее о ночлеге, о еде, о сапогах, которые жали ногу.] Адъютанты и колонновожатые, сновавшие между полками, имели веселое самодовольное выражение лиц². Генерал Вейротер, исключительно заведывавший движением войск, к вечеру, пропуская мимо себя войска, стоял в стороне от дороги с некоторыми свитскими офицерами и с подъехавшим к нему князем Долгоруковым, имел довольный вид человека, благополучно исполнившего свое управление. Он спрашивал у проходивших начальников частей, где назначен был их

¹ На полях: *Толки солдат из старого.*

² На полях: *Строгая нога из старого.*

ночлег, и показания начальников частей совпадали с предсказаниями, которые он делал стоявшему подле него Долгорукову.

— Вот видите, князь,— говорил он,— новгородцы становятся в Раузнице, так я и говорил, за ними идут мушкеры,— эти в Клаузевице,— он справился по записной книжке,— потом павлоградцы, потом гвардия идет по большой дороге. Отлично. Прекрасно. Я не вижу,— сказал он, вспоминая делаемое ему старыми русскими генералами возражение,— я не вижу, почему предполагают, что русские войска не могут так же хорошо маневрировать, как и австрийские. Вы видите, князь, как всё строго и отчетливо исполняется по диспозиции, ежели диспозиция основательна...

Князь Долгоруков невнимательно слушал австрийского генерала; он занят был вопросом, возможно ли или невозможно, и как, атаковать французский отряд, на который наткнулись русские войска нынешний вечер перед небольшим городком Вишау.

Он предложил этот вопрос генералу Вейротеру. Вейротер сказал:

— Это дело только может быть решено волею их величества. Впрочем, дело очень возможное.

— Не можем же мы оставить пред своим носом этот французский отряд,— сказал Долгоруков и с этими словами поехал в квартиру императоров. В штабе императоров уже находился лазутчик из авангарда, присланный князем Багратионом, доносивший, что французский отряд в Вишау не силен и не имеет подкрепления.

Через полчаса после приезда князя Долгорукого было решено на рассвете другого дня атаковать французов и тем игнорировать прибытие императора Александра к армии и его первый поход.

Князь Долгоруков должен был командовать кавалерией, участвуя в этом деле.

Император Александр со вздохом покорился представлению своих приближенных и решил оставаться при 3-й колонне.

(IX)

На другой день до зари эскадрон Денисова, в котором служил Николай Ростов и который был в отряде князя Багратиона [против Вишау] двинулся с ночлега и [подошли к Вишау], пройдя около версты позади колонн, был остановлен на большой дороге.

Ростов видел, как мимо него прошли вперед казаки, 1-й и 2-й эскадрон гусар, пехотные батальоны с артиллерией, и проехали генералы со свитой. Весь страх, который он как и прежде испытывал перед делом, вся внутренняя борьба, посредством которой он преодолевал этот страх, все его мечтания о том, как он по-гусарски отличится в этом деле,— пропали даром. Эскадрон их был остановлен в резерве и Nicolas Ростов скучно и тоскиво провел этот день. В 9-м часу утра он услышал пальбу впереди себя, крики: «ура», видел проводимых назад раненых (их было немного) и, наконец, видел, как в середине сотни казаков провели целый отряд французских кавалеристов. Очевидно, дело было кончено, и дело было, очевидно, счастливое. Проходившие назад рассказывали о блестящей победе, о занятии города и взятии в плен целого эскадрона.

День был ясный, солнечный после сильного ночного заморозка, и веселый блеск осеннего дня совпадал с [радостным] известием о победе, которое передавали не только рассказы, но и радостное выражение лиц солдат, офицеров, генералов и адъютантов, ехавших туда и оттуда мимо эскадрона Ростова. Тем больнее щемило сердце Николаю Ростову, напрасно перестрадавшему весь страх, предшествующий сражению, пробывшему этот веселый день в одиноком бездействии.

Денисов по тем же причинам был мрачен и молчалив. Он видел в оставлении своего эскадрона в резерве умышленность и интригу мерзавца адъютанта, и собирался его «п'оучить».

— Г'остов, иди сюда, выпьем с го'я— [сказал] крикнул <Денисов>, усевшись [у погребца] на краю дороги перед фляжкой и закуской. Ростов выпил молча¹, стараясь не глядеть на Денисова и опасаясь повторения ругательств на адъютанта, которые уже надоели ему.

— Вот еще одного ведут,— сказал один из офицеров, указывая на французского пленного драгуна, которого вели пешком два казака.

Один из них вел в поводу взятую у пленного рослую и красивую французскую лошадь.

— П'одай лошады! — крикнул Денисов казаку.

— Извольте, ваше благородие.

Офицеры встали и окружили казаков и пленного француза. Французский драгун был молодой малый, эльзасец, говоривший по-французски с немецким акцентом. Он задыхался [был красен] [взволнован] от волнения, лицо его было красно, и, услышав французский язык, он быстро заговорил с офицерами, обращаясь то к тому, то к другому. Он говорил, что его бы не взяли; что он не виноват в том, что его взяли, а виноват le sergent, который послал его захватить попоны, что он ему говорил, что уже русские там. И ко всякому слову он прибавлял: — Mais qu'on ne fasse pas mal à mon petit cheval²,— и ласкал свою лошадь. Видно было, что он не понимал хорошенько, где он находится. Он то извинялся, что его взяли, то [просил, чтобы] [выказывал], предполагая перед собой свое начальство, выказывал свою солдатскую исправность и заботливость о службе. Он с собой донес в наш арьергард во всей свежести атмосферу французского войска, которое так чуждо было для нас.

Казаки отдали лошадь за два червонца; и Ростов, самый богатый из офицеров, купил ее.

— Mais qu'on ne fasse pas de mal à mon petit cheval,— добродушно сказал эльзасец Ростову, когда лошадь передана была гусару.

Ростов, улыбаясь, [дал денег] успокоил драгуна и дал ему денег.

— Алё, алё! — сказал казак, трогаясь. И в то же время кто-то прокричал: «Государы!»

Всё побежало, заторопилось, послышалось с трепетом повторяемое одно и то же слово: «Государь! Государь!», и Ростов увидал зади по дороге подъезжающих несколько всадников с белыми панашеями на шляпах. В одну минуту все были на местах и ждали.

Николай Ростов не помнил и не чувствовал, как он добежал и сел на лошадь. Мгновенно прошло его сожаление о неучастии в деле, его привычно скучливое состояние в кругу приглядевшихся лиц, мгновенно исчезла всякая мысль о себе, он весь поглощен был чувством счастья и близости императора. Он чувствовал себя одною этою близостию вознагражденным за потерю нынешнего дня. Он был счастлив, как любовник, дождавшийся ожидаемого свидания. Не смея оглядываться во фронте и не оглядываясь, он чувствовал восторженным чутьем его приближение. И он чувствовал это не по одному звуку копыт лошадей приближавшейся кавалькады, но он чувствовал это, потому что по мере приближения всё светлее, радостнее и значительнее делалось вокруг него.

Всё ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокруг себя лучи кроткого и величественного света, и вот он уже чувствует себя захваченным этими лучами, он слышит его голос — этот ласковый, спокойный, величественный и вместе с тем столь простой голос.

Как и должно было быть по чувству Ростова, наступила мертвая тишина, и в этой тишине раздался звуки его голоса:

— Les husards de Pavlograd?³ — сказал вопросительно голос.

¹ На полях: *Разговоры с пленным из старого. (Испуганный. Красный.) Qu'on ne fasse pas de mal à mon petit cheval.* (Не делай дурного моей маленькой лошадке)

² Но не делай дурного моей маленькой лошадке.

³ Павлоградские гусары?

— *La réserve, sire*⁴, — отвечал чей-то другой, грубый, плотский, столь человеческий, после того нечеловеческого голоса, который сказал: «*Les husards de Pavlograd*».

Государь поровнялся с Ростовым и остановился. Лицо его было еще прекраснее, чем на смотре три дня тому назад. Оно сияло такою веселостью и молодостью, такою невинною молодостью, что напоминало ребяческую четырнадцатилетнюю резвость, и вместе с тем это было все-таки лицо величественного императора. Случайно, оглядывая эскадрон, глаза государя встретились с глазами Ростова и не более как на две секунды остановились на них. Понял ли государь всё, что делалось в душе Ростова (Ростову казалось, что он всё понял), но он посмотрел секунды две своими голубыми глазами в лицо Ростова (мягко, и кротко, и светло лился из них свет), потом вдруг он приподнял брови, резким движением ударил левою ногою лошадь и галоном поехал вперед. Ростов едва переводил дыхание от радости.

Услыхав пальбу в авангарде, молодой император не мог воздержаться от желания присутствовать при сражении и, несмотря на все представления придворных, в 12 часов, отделившись от третьей колонны, поскакал к авангарду. Еще не доезжая до гусар, несколько адъютантов встретили его с известиями о счастливом исходе дела. Сражение было представлено как блестящая победа над французами, и потому государь и вся армия, особенно после того, как не разошелся еще пороховой дым на поле сражения, верили, что французы побеждены и отступили против своей воли. Несколько минут после того, как проехал государь, дивизион павлоградцев потребовали вперед. В самом Вишау Ростов еще раз увидел государя. На площади города, на которой была довольно сильная перестрелка, лежало несколько человек убитых и раненых, которых не успели подобрать. Государь, окруженный своею свитою военных и не военных, из которых особенно бросалась в глаза изящная фигура Адама Чарторижского, государь стоял на англазированной кобыле и, склонившись на бок, грациозным жестом держа золотой лорнет у глаз, смотрел в него на лежащего ничком без кивера с окровавленной головою солдата. Солдат раненый был так груб, гадок, нечист, что Ростова оскорбляла близость его к государю. Ростов видел, как содрогнулись, как бы от пробежавшего мороза, сутулые плечи государя, как левая нога его судорожно стала бить шпорой бок лошади, которая равнодушно оглядывалась и не трогалась с места. Слезшие с лошадей адъютанты взяли под руки солдата и стали класть на явившиеся носилки. Солдат застонал.

— *Тише, тише, разве нельзя тише*, — видимо, более страдая, чем умирающий солдат, проговорил государь и отъехал прочь. Ростов видел слезы, наполнившие глаза государя и слышал, как он, отъезжая, по-французски сказал Чарторижскому: — *Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь*.

Ростов, забывшись, тронул лошадь и поехал за государем и опомнился только тогда, когда Денисов окликнул его.

Войска авангарда расположились впереди Вишау в виду цепи неприятельской, почтительно уступавшей им место при малейшей перестрелке в продолжение всего дня. Авангарду объявлена благодарность государем, обещаны награды, и людям роздана двойная порция водки. Еще веселее, чем в прошлую ночь, трещали бивачные костры и раздавались солдатские песни. Денисов в эту ночь праздновал производство свое в майоры, и Н. Ростов предлагал тост за здоровье государя, но не государя императора, как говорят на официальных обедах, а за здоровье государя, доброго, и обворожительного, и великого человека.

— *Пьем за его здоровье и за верную победу над французом. Я не знаю*, — говорил он, — *коли мы прежде дрались*, — говорил он, — *и не давали*

⁴ Резерв, государь.

спуску французам, как под Шенграбенom, что ж теперь будет, когда сам он впереди, мы все умрем, с наслаждением умрем за него. Так, господа? Может быть, я не так говорю, я много выпил, да, я так чувствую и вы тоже. За здоровье Александра Первого. Ура!

— Ура! — загудели воодушевленные голоса офицеров. Старик Кирстен кричал воодушевленно и не менее искренно, чем влюбленный мальчик Ростов. Когда Ростов провозгласил тост, Кирстен в одной рубашке и рейтузах с стаканом в руке подошел к солдатским кострам и в величественной позе, взмахнув кверху рукой, с своими длинными седыми усами и седеющей бородой на груди, видневшейся из-за распахнувшейся рубашки, остановился в свете костра.

— Ребята, за здоровье государя императора! За победу над врагами! Ура! — крикнул он своим молодецким старо-гусарским баритоном.

Гусары столпились и дружно ответили громким криком.

[Вечером, когда все стали расходиться] Поздно ночью, когда уже все разошлись, Денисов потрепал своей короткой рукой по плечу своего любимца Ростова:

— Вот на походе не в кого влюбиться, так он в царя влюбился, — сказал он.

— Денисов, ты этим не шути, — сердито крикнул Ростов. — Это такое высокое, такое прекрасное чувство.

— Ве'ю, ве'ю, дружок, и 'азделяю и понимаю.

— Нет, не понимаешь, — и Ростов встал и пошел бродить между костров, мечтая о том, какое было бы счастье уже не умереть, спасая жизнь (об этом он и не смел мечтать), а просто умереть в глазах государя. Он действительно был влюблен в царя, и в славу русского оружия, и в надежду будущего торжества, и не он один испытывал это чувство в те памятные дни, предшествовавшие Аустерлицкому сражению. Девять десятых русской армии людей в то время были влюблены, хотя и менее восторженно, в своего царя и в славу русского оружия.

<X>

[На другой день, 17 числа, князь Андрей] [В тот же день вечером князь Андрей был прислан Кутузовым в Вишау для передачи государю и получения бумаг. Князь Андрей остался ночевать.]

На следующий день государь остановился в Вишау. Лейб-медик Вилие несколько раз был призываем к нему. В главной квартире и в ближайших войсках распространилось известие, что государь был нездоров. Он ничего не ел и дурно спал эту ночь. Как говорили приближенные, причина этого нездоровья заключалась в сильном впечатлении, произведенном на чувствительную душу государя видом раненых и убитых.

На заре 17 числа в Вишау был препровожден с аванпостов французский офицер, приехавший под парламентерским флагом, требуя свидания с русским императором. Офицер этот был Савари. Государь только что заснул, и потому Савари должен был дожидаться.

В полдень он был допущен к государю и через час поехал вместе с князем Долгоруковым на аванпосты французской армии.

Как слышно было, цель присылки Савари состояла в предложении мира и в предложении свидания императора Александра с Наполеоном. В последнем было отказано и вместо государя князь Долгоруков, победитель при Вишау, был отправлен вместе с Савари для переговоров с Наполеоном, ежели переговоры эти, против чаяния, имели действительное желание мира¹.

Вечеру вернулся Долгоруков и лицам, знавшим его, заметна была происшедшая с ним значительная перемена. После своей беседы с Буо-

¹ См. Варианты, № 1.

напарте он держал себя, как принц крови, и ни с кем не говорил из приближенных к государю лиц о том, что происходило на этом свидании. Вернувшись, он прошел прямо к государю и долго пробыл у него [один] наедине.

Несмотря на то, однако, в штабе распространились слухи о том, как Долгоруков достойно держал себя с Буонапарте, как он [не называл], чтобы не называть его Величеством, умышленно не называл его ничем, и как он вообще, отклонив предложение мира со стороны Буонапарте, отделал его. Австрийскому же генералу Вейротеру в присутствии посторонних Долгоруков сказал следующее:

— Или я ничего не понимаю,— говорил [про Буонапарте] князь Долгоруков [вернувшись с свидания],— или он боится более всего в настоящую минуту генерального сражения. В противном случае для чего бы ему было требовать этого свидания, вести переговоры и, главное, отступать без малейшего замедления, тогда как отступление так противно всей его методе ведения войны. Верьте мне, его час настанет и очень скоро. А хороши бы мы были, слушая так называемых опытных стариков, князя Шварценберга и т. д. Несмотря на мое полное уважение к их заслугам, хороши бы мы были, всё ожидая чего-то и тем давая ему случай уйти от нас или тем или другим способом обмануть нас, тогда как теперь он верно в наших руках. Нет, ненадобно забывать Суворова и его правила: не ставить себя в положение атакованного, а атаковать самому. Поверьте, на войне энергия молодых людей часто вернее указывает путь, чем вся опытность старых пунктаторов.

17, 18 и 19 числа войска подвигались, и неприятельские авангарды после коротких перестрелок быстро отступали.

В высших сферах армии с полдня 19 числа началось сильное, хлопотливое, возбужденное движение, продолжавшееся до утра следующего дня, 20 числа ноября, в который дано было столь памятное Аустерлицкое сражение. Сначала движение (оживленные разговоры, беготня, посылка адъютантов) сосредоточивалось в главной квартире императоров, потом к вечеру движение это передалось в главную квартиру Кутузова и оттуда разнеслось по всем концам и частям армии, и во мраке ноябрьской ночи поднялись с ночлегов, загудели говором, заслышались командные слова и в темноте заколыхалась, сообщая и передавая движение, громадным десятиверстным холстом 80-тысячная масса войска. И двигались и действовали эти массы войска в продолжение всего памятного 20 числа под влиянием толчка, данного в 4 часу ввечеру накануне сосредоточенным движением главной квартиры императоров. Сосредоточенное движение это, давшее толчок всему дальнейшему, было похоже на первое движение серединного колеса больших башенных часов. Медленно двинулось одно колесо, повернулось другое, третье и всё быстрее и быстрее задвигались большие и большие колеса, блоки, шестерни, барабаны, колокола и колокольчики, начали играть куранты, выскакивать фигуры, часы идут, бьют, и медленно, мерно подвигаются стрелки, показывая результат движения. Так же как и в часах, так же и неудержимо роковое движение, и так же независимо от первой причины движения середнего колеса, когда дан первый толчок. Так же безучастно молчаливы и неподвижны ближайшие колеса к движущимся за момент до передачи движения и так же в тот самый момент покорно следуют движению, как скоро оно доходит до них, свистят на осях колеса, цепляя зубьями, шипят от быстроты вертящиеся блоки, а соседнее колесо так же спокойно и неподвижно, как будто оно сотни лет готово простоять этою неподвижностью; но пришел момент, зацепило рычаг, и, покоряясь движению, трещит, поворачиваясь, колесо и сливается в одно действие.

Так же как и в часах результатом сложного бесчисленного движения орудий есть медленное, но уравномеренное движение стрелки, указывающей время, так и результатом всех сложных человеческих движений этих

160 000 русских и французов, всех страстей, желаний, раскаяний, унижений, гордости, страданий, страхов и восторгов этих людей есть проигрыш Аустерлицкого сражения, так называемого трех императоров, т. е. есть медленное передвижение всемирно-исторической стрелки на циферблате истории человечества².

Императоры и [некоторые] приближенные волновались надеждою и опасениями за исход завтрашнего дня и боялись преимущественно того, чтобы Буонапарте не обманул их, не отступил быстрым маршем в Богемию и лишил их верного успеха, который, казалось, всё обещало. Люди, думавшие собственно о завтрашнем сражении (их было немного) были: сам государь, князь Долгоруков, Адам А. Чарторижский [Исполнители, как начальники частей, как]. Главной пружиной всего движения был Вейротер, его помощник был отягчен подробностями дела.

Он ездил на аванпост осмотреть неприятеля, диктовал по-немецки диспозицию, ездил к Кутузову и к государю и указывал ему на плане предполагаемое расположение и движение войск. Вейротер, как человек слишком занятой, даже забывал быть почтительным с коронованными особами. Он говорил быстро, неясно, не глядя на лицо собеседника, не отвечал вдруг на делаемые ему вопросы, был испачкан грязью и имел вид самонадеянно гордый и вместе с тем растерянный. Он чувствовал себя во главе начатого движения, которое стало уже неудержимо. Он был, как запряженная лошадь, разбежавшаяся под крутую гору. Он ли вез, или его гнало, он не знал, но он несся во всю возможную быстроту, не имея времени думать о том, к чему поведет это движение. Большинство же людей в квартире императоров были заняты совсем другими интересами. В одном месте говорилось о том, что хотя и желательно было назначить генерала NN командиром кавалерии, это неудобно было потому, что австрийский генерал NN мог оскорбиться этим, а его надо было менажировать, так как он был в милости у императора Франца, и потому предполагалось дать NN звание начальника кавалерии крайнего левого фланга. В другом месте конфиденциально рассказывалось и шутилось о том, как граф Аракчеев отказался от назначения командующего одной из колонн армии.

— Что ж, по крайней мере, это откровенно,— говорили про него,— он прямо сказал, что его нервы не могут этого выдержать.

— Откровенно и наивно,— говорил другой.

Еще в другом месте старый, обожженный генерал доказывал свои права на командование отдельною частью.

— Я ничего не желаю, но, прослужив двадцать лет, мне обидно остаться без назначения и поступить под команду генерала моложе меня.— Старый генерал со слезами в голосе уверял, что он желает одного — иметь возможность показать свое усердие государю императору, и действительно, старика нельзя было обидеть, и, попросив через того и того, для старика устраивали совершенно новое, совсем ненужное назначение.

Между австрийскими генералами шли соображения и переговоры о том, каким бы образом устроить так, чтобы австрийские начальники не были под командою русских и чтобы слава завтрашней победы не могла быть отнята самонадеянными русскими варварами. Старались устроить так, чтобы в тяжелые, невидные места, в которых не предполагалось блестящих действий, посылать русских, а австрийцев приберегать для тех мест, где должна была решаться участь сражения. Еще в другом месте говорилось о том, как необходимо удержать императора Александра³ от высказанного им намерения и, сообразного его рыцарскому харак-

² На полях: У государя голова кругом идет от личных просьб и интриг всех просящихся, как на праздник, в сражение,— мешают подумать о деле.

³ На полях: Кутузов приезжал к графу Толстому.— Vous avez l'oreille de l'Empereur, dites-lui que la bataille sera perdue.— Eh mon cher général. Je me mêle du riz

теру, желания лично участвовать в деле и подвергать себя опасности. Сотни штабных хлопотали о том, как бы им завтрашний день находиться в свите императоров; некоторые только потому, что там, где будет император, менее всего опасности, некоторые из того соображения, что при императоре более всего будет награды. Делались предположения уже о том, куда отправятся войска после победы⁴.

В 8-м часу ввечеру приезжал сам старик Кутузов в главную квартиру императоров, и в известном кружку одобрительно повторяли его разговор с графом Толстым обер-гофмаршалом. — *Vous avez l'oreille de l'Empereur, dites-lui que la bataille sera perdue*⁵, — сказал будто бы Кутузов с целью вперед обеспечить себя от упреков и взвалить в случае неудачи всю вину на чужие плечи. Но неудачи нельзя было и не нужно было предвидеть, и потому весьма одобрили ответ графа Толстого: «*Eh, mon cher Général, je me mêle du riz et des poulards, mêlez-vous des affaires de la guerre*»⁶.

〈XI〉

В 10-м часу вечера Вейротер с своими планами переехал на квартиру Кутузова, где был назначен не столько военный совет, сколько окончательная отдача приказаний для завтрашнего дня¹. 〈Все〉 начальники колонн были 〈вытре〉бованы к главнокомандующему, и все явились за исключением князя Багратиона, который б〈ыл〉 не в духе и отказался приехать под предлогом отдаленности расположения своего отряда. Он ворчал, что колбасники всё перепутали, и говорил, что сражение будет проиграно.

Кутузов занимал небольшой дворянский замок около Остралиц. В большой гостиной, сделавшейся кабинетом главнокомандующего, собрались члены военного совета и пили чай, когда приехал ординарец Багратиона Ростов с известием, что князь быть не может.

— Так как князь Багратион не будет, то мы можем начинать, — сказал Вейротер, поспешно вставая с своего места и приближаясь к столу, на котором была разложена огромная карта окрестности Брюнна и Аустерлица.

Кутузов, в расстегнутом мундире, из которого, как бы освободившись, выплыла из воротника его жирная шея, сидел в вольтеровском кресле, положив симметрично пухлые старческие руки на ручки, и почти спал, когда взмошел князь Андрей. Он с усилием открыл единственный глаз и сквозь слюни проговорил:

— Да, да, пожалуйста, а то поздно. — Он кивнул головою, опустил ее и опять закрыл глаза.

Ежели первое время члены совета думали, что Кутузов притворялся спящим, то звуки, которые он издавал носом во время последующего чтения, доказывали, что в эту минуту для главнокомандующего дело шло о гораздо важнейшем [вопросе], чем о желании выказать свое презрение к диспозиции или к чему бы то ни было: дело шло для него о неудержимом удовлетворении человеческой потребности — сна. Он действительно спал. Вейротер с движением человека, слишком занятого для того, чтобы терять хоть одну минуту времени, начал резко, громким и однообразным

et de poulards. Mêlez-vous des affaires de la guerre. (— Император вас выслушает, скажите ему, что сражение будет проиграно.

— Ах, любезный генерал. Я занят рисом и пулярами. Вы занимайтесь военными делами.)

⁴ На полях: *Толки солдат.*

⁵ Император вас выслушает, скажите ему, что сражение будет проиграно.

⁶ Ах, любезный генерал, я занят рисом и пулярами, а вы занимайтесь военными делами.

¹ В конце листа вырван небольшой кусок, и слова, а также части слов, приводимые в угловых скобках, восстановлены по копии (прим. составителя).

тоном читать диспозицию будущего сражения под заглавием, которое он тоже прочел: «Диспозиция к атаке неприятельской позиции позади Кобельница и Сокольника, 20 ноября 1805 года».

Диспозиция была очень сложная и трудная [переполненная собственных имен и неясных длинных периодов]. В оригинальной диспозиции значилось: «Da der Feind mit seinem linken Flügel an die mit Wald bedeckten Berge lehnt und sich mit seinem rechten Flügel längs Kobelnitz und Sokolnitz hinter die dort befindlichen Teiche zieht, wir im Gegenteile mit unserem linken Flügel seinen rechten sehr debordieren, so ist es vorteilhaft letzteren Flügel des Feindes zu attackieren, besonders wenn wir die Dörfer Sokolnitz und Kobelnitz im Beitz haben, wodurch wir dem Feind zugleich in die Flanke fallen und ihn auf der Fläche zwischen Schlapanitz und dem Thürassa-Walde verfolgen können, indem wir dem Defileen von Schlapanitz und Bellowitz ausweichen, welche die feindliche Front decken. Zu diesem Endzwecke ist es nötig»² [говорил дальше, читая] и т. д. «Die erste Kolonne marschirt... die zweite Kolonne marschirt... die dritte Kolonne marschirt...»³ и т. д., пересыпаемое бесчисленным количеством собственных имен, которые, иногда останавливаясь, генерал Вейротер [только тогда, когда он считал нужным указывать] только тогда, когда он считал нужным указывать места на карте, находившейся тут. Генералы, казалось, весьма неохотно и любознательно слушали трудную диспозицию. Белокурый высокий генерал Буксгевден стоял, прислонившись спиной к стене, и, бессмысленно остановивши свои глаза на горевшей свече, казалось, не слушал и даже не хотел, чтобы думали, что он слушает. Прямо против Вейротера, устремив на него свои блестящие открытые глаза, в воинственной позе, оперев руки с выгнутыми локтями на колени, сидел румяный Милорадович, с приподнятыми усами [зачесанными височками] и плечами. Он упорно молчал, глядя в лицо Вейротера, и спускал с него глаза только в то время, когда австрийский начальник штаба замолкал. В это время Милорадович значительно оглядывался на других генералов. Но значения этого значительного взгляда нельзя было понять. Был ли он согласен или не согласен, доволен или недоволен диспозицией, нельзя было понять. Ближе всех рядом с Вейротером сидел граф Ланжерон и с тонкою улыбкой южного французского лица, не покидавшей его во всё время чтения, глядел на свои нежные пальцы, быстро переворачивавшие за углы золотую табакерку с портретом. В середине одного из длиннейших периодов он остановил вращательное движение табакерки, поднял голову и с неприятной учтивостью на самых концах тонких губ перебил Вейротера и хотел возражать, но австрийский генерал, не прерывая чтения, сердито замахал руками, как бы говоря: потом, потом вы мне скажете свои мысли, теперь извольте смотреть на карту и слушать. Ланжерон [пожал плечами] поднял глаза кверху с выражением недоумения, оглянулся на Милорадовича, как бы ища объяснения, но встретив [взгляд Милорадовича] значительный, ничего не значащий взгляд Милорадовича, грустно опустил глаза и опять принялся вертеть табакерку.

— Une leçon de géographie⁴, — проговорил он как бы про себя, но довольно громко, чтобы его слышали.

Пржебышевский с почтительной, но достойной учтивостью пригнув к⁵

² Так как неприятель опирается левым крылом своим на покрытые лесом горы, а правым крылом тянется вдоль Кобельница и Сокольника, позади находящихся там прудов, а мы, напротив, превосходим нашим левым крылом его правое, то выгодно нам атаковать сие последнее неприятельское крыло, особливо, если мы займем деревни Сокольник и Кобельниц, будучи поставлены в возможность нападения на фланг неприятеля и преследовать его в равнине между Шлапаницем и лесом Тюрасским, и избегая дефилен между Шлапаницем и Беловицем, которою прикрыт неприятельский фронт. Для этой цели необходимо... (нем.).

³ Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует... (нем.).

⁴ Урок из географии.

⁵ Так в автографе.

Вейротеру, имел вид человека, поглощенного вниманием. Маленький ростом Дохтуров сидел прямо против Вейротера с своим старательным и добросовестным скромным видом, очевидно пренебрегая неловкостью положения, добросовестно изучал диспозицию и неизвестную ему местность по разложенной карте. Он несколько раз просил Вейротера повторять нехорошо расслышанные им слова, и Вейротер исполнял его желание.

Когда чтение, продолжавшееся более часу, было кончено, Ланжерон, опять остановив табакерку и не глядя на Вейротера, сделал ему несколько возражений, но видно было, что цель этих возражений состояла единственно в желании дать почувствовать генералу Вейротеру столь самоуверенно, как школьникам-ученикам, читавшему свою диспозицию, что он имел дело не с одними дураками, а с людьми, которые могли и его поучить в военном деле. Когда замолк однообразный звук голоса Вейротера, Кутузов открыл глаза, как мельник, который просыпается при перерыве усыпительного звука мельничных колес, прислушался к тому, что говорил Ланжерон, и снова поспешно еще ниже опустил голову, как будто говоря: «А, вы всё еще про эти глупости...»

Стараясь как можно язвительнее оскорбить Вейротера в его авторском военном самолюбии, Ланжерон доказывал, что Бонапарте легко может атаковать, вместо того чтобы быть атакованным, и вследствие того делает всю эту диспозицию совершенно бесполезною.

— Ежели он мог атаковать нас, то он сделал бы это нынче.

— Вы, стало быть, думаете, что он бессилен? — сказал Ланжерон.

— Много, если у него сорок тысяч войска, — отвечал Вейротер с улыбкой [человека] доктора, которому лекарка хочет указать средства лечения.

— В таком случае он идет на свою погибель, ожидая нашей атаки, — с тонкою ироническою улыбкой сказал Ланжерон, за подтверждением оглядываясь опять на ближайшего Милорадовича.

Но Милорадович, очевидно, в эту минуту думал менее всего о том, о чем спорили генералы.

— Ma foi⁶, — сказал он, — завтра всё увидим на поле сражения⁷.

Вейротер усмехнулся опять тою улыбкой, которая говорила, что ему смешно и странно встречать возражения и доказывать то, в чем не только он сам слишком хорошо был уверен, но в чем уверены были им государи императоры.

— Неприятель потушил огни, и слышен непрерывный шум в его лагере, — сказал он. — Что это значит? Или он удаляется, чего одного мы должны бояться, или он перемещает позицию. Он усмехнулся. — Но даже ежели бы он и занял позицию в Тюрасе, он только избавляет нас от больших хлопот, и распоряжения все, до малейших подробностей, остаются те же.

Кутузов проснулся, хрипло прокашлялся и оглянул генералов.

— Господа! Диспозиция на завтра, даже на нынче, потому что уже 1-й час, не может быть изменена, — сказал он. — Вы ее слышали, и все мы исполним наш долг. А перед сражением нет ничего важнее, — он помолчал, — как выспаться хорошенько.

Он сделал вид, что привстает. Генералы откланялись и удалились.

⟨XII⟩

Был 2-й час ночи, когда Ростов, присланный к главнокомандующему от Багратиона, получил, наконец, переведенную и ⟨переписанную?⟩ диспозицию для доставления князю Багратиону и на рысях, сопровождаемый гусарами, отправился к Позоржицу, нашему правому флангу¹.

⁶ Ей-богу

⁷ На полях: *Государи!*

¹ На полях: *Страсть к государю, страх и ерунда.*

Накануне Ростов не спал, находясь в фланкерской цепи авангарда, нынче он с вечера был назначен ординарцем Багратиона, и опять ему не удалось заснуть. Он дремал всё время, пока писалась диспозиция, и огорчился, когда его разбудили, сказав, что готова и он может ехать. В первое время, сидя на лошади, он очнулся².

Ночь была темная и облачная, почти полный месяц то скрывался, то опять показывался, открывая ему со всех сторон кавалерию и пехоту [заколебавшиеся и уже двигавшиеся массы кавалерии и пехоты], в которых, очевидно, происходили [волнения] приготовления. Несколько раз встречались ему скачущие адъютанты и верховые начальники, принимавшие его за другого и спрашивавшие его о том, какие он везет известия или приказания. Он отвечал, что знал, и спрашивал о том, что другие знали, и в особенности о государе, которого он всякую минуту думал встретить.

Проехав несколько верст и желая выгадать крюк, он сбился с дороги и заехал в середину костров пехоты. Он подъехал к одному, чтобы спросить дорогу.

Солдаты не спали, и большая толпа сидела и стояла около ярко пылавшего костра.

— Вали, брат, всё равно, что ж, австрияку моей имуществу доставаться,— говорил один солдат, с размаху кидая крашеный стул на пламя костра.

— Нет, брат, постой, дай я на нем покуражусь,— сказал другой солдат, выхватывая стул из огня и в значительной позе, подпираясь под бока, садясь на него.— Нут-ка, брат, как ты теперь обо мне судишь?

— Ребята, как на третью дивизию проехать?— спросил Ростов. (Он руководствовался не названием мест, а названием войск, так как войска покрывали всю его дорогу.)

Солдаты рассказали ему, что знали. Один молодой солдат, видимо, после борьбы нерешительности обратился к нему:

— Правда, ваше благородие, на завтра стражению быть?

— Правда, правда. А что, хочется? [Чего хотеться.— Затем солдат] [Никто ничего не ответил] Сам государь командовать будет;— радостно сказал Ростов, но известие его не произвело большой радости. Солдаты помолчали. Ростов, отъехав несколько шагов, остановился послушать, что они будут говорить [без него].

— Что ж, али у него генералов не хватило?— сказал солдат.

— В охотку, известно.

[— И сколько, братец ты мой, этого начальства ихнего,— сказал один солдат.

— Поглядим, какой такой француз есть,— сказал один солдат.

— Вишь ты! говорит: хочется? Чудны!]

— Так-то, братец ты мой, как мы при Суворове по горам ходили,— начал говорить старый хриплый голос,— так мы, веришь ли, братец ты мой, подошли к пропасти, а внизу кишмя кишит этот самый француз, так мы ружья похватили, на жопу сядешь, так и съедешь по снегу прямо до него, и ну лущить. То-то побили его тогда. Всё тот же Бонапарт был.

— Тот еще злей был, говорят,— сказал другой голос.— Куды его денут, как поймают.

— Али в России места мало,— заметил другой.

— Ишь ты, и повозки запрягают, должно скоро выступать.

Солдат, сидевший на стуле, встал и швырнул его в пылавший костер. — И то, пускай никому не достается. Дай поручик выйдет, и его балаган весь разберу.

Ростов тронул лошадь и поехал дальше. Проехав версты две между

² На полях: *Диспозиция трудная. Nicolas едет, месяц, страсти, поднимаются солдаты. Князь Долгоруков, ружейная стрельба.*

сплошной массой где собирающихся, где ужедвигающихся войск, в середине пехотного полка, в которую он заехал, немецкий офицер, колонновожатый, подъехав к нему, учтиво спросил, не знает ли он по-немецки и, получив утвердительный ответ, попросил его быть переводчиком перед батальонным командиром, к которому он имел дело. Батальонный командир засмеялся, когда Ростов с австрийцем подъехали к нему, и тотчас же, не слушая Ростова, обращаясь к австрийцу, стал, что есть силы кричать ему слова, которые, очевидно, ему очень нравились и которые он повторял уже много раз. «Нихт ферштейн³, немец, нихт ферштейн колбасного языка, немец». Ростов перевел ему слова австрийского офицера, но батальонный командир, смеясь, повторил еще несколько раз немцу свою любимую фразу и под конец сказал Ростову, что приказание, передаваемое австрийским колонновожатым, ему давно известно и уже исполнено. Батальонный командир тоже спросил о новостях, и Ростов рассказал слышанное им известие о личном командовании государя.

— Вот как,— сказал батальонный командир.— А неправда ли, свиньи,— сказал он Ростову.— Право, свиньи. Так что ли, господин гусарский офицер, настоящие свиньи.

«И как они все не перепутаны, столько их» — думал Ростов. Ростов поехал далее. Вместо того, чтобы ехать по рядам войск, уже подъезжая к авангарду, он выехал вперед и поехал по цепи. Это было ближе. Проскакав с версту, он дал отдохнуть лошади и думал [задрожал] опять о своем любимом предмете мысли — о государе и о возможности ближе узнать его. «Вдруг еду в темноте, и он тут и скажет: — Поезжай узнай, что там! — Повсюду поеду, поеду узнаю, привезу сведения. Он скажет...»

— Кто идет, говори, не то убью,— услышался ему вдруг крик часового. Ростов вздрогнул и испугался.

— Георгий, Ольмюц, дышла,— отвечал он машинально лозунг нынешнего дня. «Экие скучны⁴», подумать, как они не перепутаются». [К удивлению своему, он застал себя пробудившимся от дремоты, которая непреодолимо клонила его. Мороз пробежал по его спине, и ему стало страшно.] Он [осмотрелся] оглянулся вокруг себя и особенно вперил глаза в ту левую сторону, где был неприятель и куда он хотел идти, но ничего нельзя было видеть (<и тем страшнее было>).

Месяц зашел за тучи. [Всё было темно. Но выходивший больше и больше]

«Где я? Уж не заехал ли я за цепь? — [подумал Ростов. Ему стало страшно, хотелось спросить у гусара и совестно было.] Убьют ни за грош. А не нынче убьют, завтра убьют. Ох, скверно. Однако [спать-то не надо], спать хочется, ужасно хочется». — Он с усилием открыл глаза⁴.

Месяц вышел из-за туч. В левой стороне виднелся пологой освещенный скат и противоположный черный бугор, казавшийся крутым, как стена. На бугре этом было белое пятно, которого никак не мог понять Ростов: поляна ли это в лесу, освещенная месяцем, или оставшийся снег, или [засеянные] белые дома? Ему показалось даже, что по этому белому пятну зашевелилось что-то. Но [это было] месяц опять зашел. [«Тоже живут там такие же люди, как мы», — думал Ростов.] «Выстрелит оттуда кто-нибудь и убьет. Напрасно я поехал, — думал Ростов. — Убьют, чёрт возьми, [или ранят] не нынче, так завтра, всё равно. Только бы заснуть, да государя увидеть. [Нет] Должно быть, снег — это пятно — une tache, tache, — думал Ростов. — Вот тебе и не таш. Наташа, сестра, черные глаза. На... ташка... Вот удивится, когда ей скажу, как увидал я государя! На-

³ Nicht verstehen (нем.) — не понимаю.

⁴ На полях: *Едет, покачивается над лукой; во мраке пятна снега. Думает: «Наташа, на — Ташку [та] наступить, чтоб (наступит) гусаров. Гусары крикнут. Нет ли вчера, и если усы такие у меня будут, и я пойду по Тверской, на Тверской дом Гурьева, раздатный старик. Есть в старческой завлекающее... И засыпает, вдруг: «Vive l'Empereur» («Да здравствует император».)*

ташка... ташку возьми. Нихт ферштейн, немец, да». И он, опустившись головой до гривы лошади, поднялся. «Да, бишь, что я думал? — не забыть. Убьют завтра, нет, не то, это после. Да. На — ташку наступить, наступить. Тупить нас — кого? Гусаров. А убьют всё равно. А гусары и усы. [Он запел?] По Тверской ехал этот гусар с усами, еще я подумал об нем, против самого Гурьева дома... Старик Гурьев. Неужели я буду старик, — гадко, гадко, старик, старик, старичок... [думал он и опять было клонулся на луку, как вдруг голос его гусара разбудил его]. А тут и молодого убьют всё равно. Только бы государь за это не разлюбил. Да всё это пустяки. Главное теперь — государь тут. Как он на меня смотрел, и хотелось ему что-то сказать, да он не смел... Нет, это я не смел. [Ах да, опять забыл] Жалко, что убьют [же]. Я бы ему всё рассказал. [Ах, да] Солдаты-то ничего не сказали, только стул сожгли. И правда, все равно убьют. [Ах, да] Да это пустяки, и главное — не забывать, что я нужное-то думал. Да, Наташку наступить. Да, да, да. Это хорошо». И он совсем было упал головой на шею лошади. [— Это он, ваше благородие, он и есть, — проговорил вдруг сзади голос гусара.] Вдруг ему показалось, что [его ловят] стреляют в него и режут. — «Что? Что? Что, напали? Руби! Что?» — заговорил, очнувшись, Ростов, в то же мгновение, как он открыл глаза, увидав перед собой яркий красный свет, и услышал протяжные крики тысячи голосов, как ему показалось в первую минуту [около] в 10 шагах от него со стороны неприятеля.

[— Ваше благородие. Ваше сиятельство, — услышал он вдруг сзади себя испуганный голос и сам испугался.]

— Что это, гляньте-ка налево! Но Ростову не нужно было этого замечания, он в ту же минуту был поражен странными звуками дальних громких криков тысяч голосов, которые неслись с самого того места, которое ему казалось белым пятном и одновременно с криком дальним светом, появившимся на том же месте.]

— Должно, он куражится, — проговорили солдаты, указывая влево. Далеко, гораздо дальше, чем показалось Ростову в первую минуту, он увидал на том самом месте, где ему казалось прежде что-то белое, он увидал распространяющиеся огни всё по одной линии и услышал протяжные далекие крики, вероятно, несколько тысяч голосов французов.

— Ты думаешь, что это такое? — проговорил Ростов, стараясь успокоиться и оборачиваясь к гусару.

— Да так, радуются, ваше благородие.

Огни и крики продолжались $\frac{1}{4}$ часа.

— Что такое это может быть, — подумал Ростов, — нападают они, пугают, или уверены, что победили уже кого-нибудь. Странно! Ну, да бог с ними. Да что, бишь, государь мне говорил? Да, да, На-ташку нас тупить.

— Ваше благородие, вот генерал, — сказал гусар.

Ростов очнулся и увидал перед собой Багратиона. Багратион с князем Долгоруким, адъютантами, которые тоже выехали посмотреть на странное явление огней и криков неприятельской армии, и Ростов [тут же] встретил их на аванпостах и [передал бумагу и остановился позади начальника] передал бумагу начальнику.

— Поверьте, князь, — говорил Долгоруков, что это больше ничего, как хитрость, он отступил и в арьергарде велел зажечь огни и шуметь, чтобы обмануть нас.

«И что им за дело, — думал Ростов, падая от сна, — всё равно».

— Что ж, это может быть, — сказал князь Багратион, — да вот мы сейчас узнаем. — И князь Багратион распорядился послать казачью сотню в объезд гораздо правее горевших огней. — Ежели шум и огни только в оставленном арьергарде, то это место направо, куда я посылаю казаков, должно быть уже не занято.

Через десять минут ожидания, во время которых всё продолжались

крики и огни на неприятельской стороне, в тишине ночи из того места направо, куда спустились казаки, послышалось несколько ружейных выстрелов, и казачья сотня, которой велено сейчас же отступить, если она встретит неприятеля, на рысях вышла из-под горы.

— Ого, вот как,— сказал князь Багратион, услыша выстрел,— нет, видно, еще не все ушли, князь. До завтрашнего утра. Завтра всё узнаем,— сказал князь Багратион и поехал назад к дому, который он занимал.

«До завтра, завтра,— думал Ростов, следуя за генералами.— Завтра увидим, убьют нас или нет, а нынче спать,— и едва [дойдя] слезши с лошади, он тут же на крыльце князя Багратиона заснул, не сняв даже фуражки, облокотившись головой на перила.

Ежели бы взгляду Николая Ростова возможно было сквозь мрак осенней ночи проникнуть на ту сторону, где светились огни неприятеля, в то время, как он ехал по передовой линии, то в одном месте французских аванпостов, не более как на 1000 шагов отделенного от него, он бы увидел следующее: без бивуачных огней в темноте стояли козлы ружей пехоты, около них ходили часовые и позади козел на голой земле и на соломе закутанные в плащи лежали французские солдаты, за кучкою солдат стояла палатка. У палатки стояла верховая лошадь и кавалерист. Молодой французский офицер вышел из палатки и кликнул сержанта. За ним вышел другой француз в адъютантской форме. Капралы крикнули сбор, и спавшие солдаты, потягиваясь, встали и через пять минут столпились около двух офицеров.

— Солдаты! Приказ императора! — провозгласил офицер, входя в круг толпящейся роты.

Пехотный солдат держал [сальную], прикрывая рукою, сальную свечку, чтобы осветить бумагу. Огонь заметался, задрожал и потух. Офицер прокашлялся, ожидая свечи. Солдат связал пук [и зажег его] соломы, укрепив его на палке, зажег у костра, поднял над головою офицера, освещая его. Едва только догорал один пук, как зажигался другой, и офицер мог читать, не прерываясь, весь знаменитый приказ императора. В то время, как солдат увязывал пук соломы [— Похоже, что дело будет горячее,— сказал он], адъютант сказал офицеру, державшему приказ:

— Les voilà pourtant, et pas moyen de savoir ce qu'il s'y fait⁵,— сказал он, указывая на русских.

— L'Empereur le trouvera tout de même⁶,— ответил пехотный офицер.— Attention!⁷ И он стал читать приказ с некоторой напыщенностью, как на театре.

Во время чтения три верховые подъехали и остановились позади рядов солдат, слушавших приказ. По окончании чтения офицер взмахнул бумагой над головою и крикнул: «Да здравствует император!», и солдаты дружно подхватили торжественный крик. В это время всадник в треугольной шляпе и серой шинели выдвинулся вперед в круг освещения горевшего пуга соломы. Это был император. Большинство солдат [знало его] видали его лицо. И, несмотря на черную тень, падавшую на верхнюю часть его лица от треугольной шляпы, [солдаты узнали] тотчас узнали и, расстраивая ряды, окружили его.

Крики усилились, так что непонятно было, как так мало солдат могли кричать так громко. Один из солдат вздумал зажечь еще два пуга соломы, чтобы более осветить лицо императора, другие последовали примеру первого солдата, по всей линии загорелись пуги соломы. Солдаты соседних рот и полков бежали к тому месту, где стоял император, и всё более, более распространялся по линии свет зажженных пучков соломы, дружнее сливались и распространялись крики. [Кто-то подсказал солдатам, что

⁵ Ведь вот они, а нет возможности узнать, что там происходит.

⁶ Император всё узнает.

⁷ Внимание!

нынче был день его коронования, и они, поздравляя его, кричали, что отпразднуют этот день победой] ⁸.

И это-то были те крики, огни, которые поразили в эту ночь не одного Ростова, Багратиона и Долгорукова, но все передовые полки русской армии, стоявшие уже на Аустерлицком поле.

Мы искали Наполеона и полагали застать его в полном отступлении, мы боялись даже, что не успеем догнать его. Армия наша двигалась поспешно и беспорядочно (то, что было так подробно обдуманно по планам и карте, далеко не могло быть так исполнено в действительности); и потому, в начале дня встретив французов и не успев занять ту позицию, которую предполагалось, мы не имели никакой позиции, исключая той, в которой застал нас рассвет. Наполеон же, получив ли изменническое сведение о нашем намерении или угадав его, выбрал перед Брюнном лучшую позицию и вместо того, чтобы отступить, как мы предполагали, выдвинулся вперед всеми массами своих войск к самой линии своих аванпостов.

[Те огни, которые виднелись] Те огни и крики, которые поразили наших накануне, были крики приветствия императору и пуки зажженной соломы, с которыми бежали за ним солдаты, когда он объезжал аванпосты, приготавливая свои полки к сражению.

Накануне сражения, которым мы думали враспloh застать его, по французским войскам был прочтен следующий приказ Наполеона ⁹:

«Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтобы отомстить за австрийскую, ульмскую, армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунне и которые вы с тех пор преследовали постоянно до этого места. Позиции, которые мы занимаем, — могущественны, и, пока они будут идти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг! Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко от огня, если вы, с вашей обычно храбростью, внесете в ряды неприятельские беспорядки и смятение; но ежели победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля, потому что не может быть колебания в победе, особенно в тот день, в который идет речь о чести французской пехоты, которая так необходима для чести своей нации.

Под предлогом увода раненых не расстраивать ряды. Каждый да будет вполне проникнут мыслию, что надо победить этих наемников Англии, которые воодушевлены такою ненавистью против нашей нации. Эта победа окончит наш поход, и мы можем возвратиться на зимние квартиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции; и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня.

Наполеон»

Итак, выгода в неожиданности вдвойне была на его стороне. Мы ждали выгоды своей позиции и своего неожиданного нападения и встретили его неожиданное нападение без всякой позиции. Всё это не мешало тому, чтобы план атаки, составленный австрийцами, не был очень хорош, и чтобы мы не могли, в точности исполнив его, разбить правое крыло Наполеона, удержав центр, отбросить его в Богемские горы, отрезав от Венской дороги. Всё это могло быть, ежели бы на нашей стороне было не количество войска, не новейшее смертельнейшее боевое орудие, не больший порядок в продовольствии войска, даже не искусство военачальников, но ежели бы на нашей стороне <было> то, что [всегда, везде и при всех возможных условиях] нельзя свесить, счесть и определить, но то,

⁸ На полях: *Здесь он смотрел туда, на линию?*

⁹ Первоначально приказ был дан на л. 38. Правя текст, Толстой пометил: *Приказ на 102 и 103*, то есть указал перенести текст приказа именно сюда (прям. составителя.)

что всегда и везде при всех возможных условиях неравенства решало, решает и будет решать участь сражения, — ежели бы на нашей стороне <была> высшая степень настроенности духа войска.

Сущность диспозиции была следующая¹⁰:

Первой колонне Дохтурова идти от Гостиерадека через Аугест на Тельниц, овладеть сим селением и обратиться вправо, равняясь с головою второй колонны графа Ланжерона, имевшей назначение пробиться между Тельницем и Сокольніцом; третьей колонне Пржебышевского спуститься с Праценских высот, идти к Сокольніцу и овладеть им, выравниваясь с первыми двумя колоннами. Все войска сии поручены графу Буксгевдену. Четвертой колонне Колловрата пробираться у Кобельница, потом примкнуть левым флангом к третьей колонне и с нею вместе опрокидывать правое крыло неприятеля к Латейну. Князю Багратиону в начале сражения оставаться впереди Позоржица и во что бы то ни стало удерживать свою позицию, а когда увидит он успех четырех колонн, действовать наступательно, во всяком случае, не допуская обойти себя слева. — Для усиления левого крыла его, посланы ему ввечеру из колонны князя Лихтенштейна порученные генерал-адъютанту Уварову полки Елисаветградский гусарский, Черниговский и Харьковский драгунские. Пятой колонне, князя Лихтенштейна, состоявшей из уланского цесаревича полка и 32-х австрийских эскадронов, содержать сообщение между князем Багратионом и четырьмя первыми колоннами, пользуясь каждым удобным случаем для атаки.

Гвардия должна была служить подкреплением ему и левому крылу князя Багратиона. В неудачном случае назначено отступать к селению Годыжицу, находившемуся на дороге в Венгрию.

Ночь была темная, облачная, изредка проглядывал месяц, костры пылали всю ночь в обоих лагерях на расстоянии пяти верст друг от друга. [4 дня все ждали сражения, и не было. «Может быть, и нынче тоже не будет» — думал каждый.] В 5 часов утра еще было совсем темно, войска центра, резервов и левого фланга стояли еще неподвижно, как на правом фланге зашевелились колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, которые должны были первые опуститься с высот, атаковать французский левый фланг и отбросить его в Богемские горы. Дым от костров, в который бросали всё лишнее, ел глаза. Было холодно и темно. Офицеры торопливо пили чай и завтракали. Солдаты пережевывали сухари, отбивали ногами дробь, согреваясь, и стекались против огней, в которые бросалось всё деревянное, греться и закуривать.

Австрийцы колонновожатые, вызывая почему-то насмешки, сновали между русскими войсками и служили предшественниками выступления; как только показывался австриец около полкового командира, всё начинало шевелиться. Солдаты сбегались от костров в ряды, прятали в голенища трубочки и строились, офицеры обходили ряды, обозные и деньщики запрягались, укладывали и увязывали повозки, по команде трогались и крестились, звучал топот тысяч ног, и колонны двигались, не зная куда и не видя от окружающих людей и от усиливающегося тумана новой местности, в которую они вступали. Солдат двигается в полку, как моряк на корабле. Как бы далеко он не прошел, в какие бы странные и опасные широты не вступил он, вокруг него, как для моряка всё те же свои знакомые палубы, мачты, канаты, и так для солдата те же товарищи, ряды, штыки, начальство. Солдат редко интересуется знать те широты, в которых находится весь корабль его. Но в день сражения, бог знает как и откуда, в нравственном мире войска слышится одна [строгая] для всех строгая нота, которая звучит приближением чего-то решительного и значительного. Солдаты возбужденно стараются выйти из интересов своего

¹⁰ Помета Толстого: Стр. 100 и 101, то есть указание перенести сюда изложение диспозиции, которое первоначально было дано раньше — на л. 100 и 101 продиктованного текста Рукописи 103 (прим. составителя).

полка, прислушиваются, приглядываются и жадно расспрашивают о том, что делается вокруг их. Туман стал так силен, что, несмотря на то, что рассветало, не видно было в 10 шагах перед собою. Кусты казались громадными деревьями, ровные места обрывами и скатами. Везде со всех сторон можно было столкнуться с невидимым в 10 шагах неприятелем. Но долго шли колонны всё в том же тумане, спускаясь и поднимаясь на горы, минуя сады и ограды, по новой непонятной местности, нигде не сталкиваясь с неприятелем. Напротив, то впереди, то сзади, со всех сторон, узнавали, что идут по тому же направлению наши русские колонны. Каждому солдату приятно становилось на душе знать, что туда же, куда он идет, то есть неизвестно куда, идет еще много, много наших.

— Ишь ты, и курские прошли,— говорили в рядах.

— Страсть, братец ты мой, что войска нашего собралось! Вечер посмотрел, как огни разложили, конца краю не видать. Москва — одно слово!

Хотя никто из колонных начальников не подъезжал к рядам и не поговорил с солдатами (колонные начальники, как мы видели на военном совете, были не в духе и недовольны предпринимаемым делом и потому только исполняли приказания и не заботились повеселить солдат), несмотря на то, солдаты шли весело, как и всегда идя в дело, в особенности в наступательное. Но, пройдя около часу всё в густом тумане, большая часть войска должна была остановиться, и по рядам пронеслось неприятное чувство сознания совершающегося беспорядка и бестолковщины. Каким образом передается это сознание, весьма трудно определить; но несомненно то, что оно передается необыкновенно верно и быстро разливается, незаметно и неудержимо, как вода по ложине. [Теперь же, когда] [Причину] Ежели бы русское войско было одно, без союзников, то, может быть, еще прошло бы много времени, пока это сознание беспорядка [проникло бы в общее] сделалось бы общою уверенностью; но теперь, с особенным удовольствием и естественностью все, относя причину беспорядков к бестолковым немцам, все убедились в том, что идет величайшая путаница, которую наделали колбасники.

— Что стали-то? Али загородили? Или уж наткнулись на француза?

— Нет, не слышать. А то палить бы стал.

— То-то торопили выступать, а выступили — стали бестолку посередине поля,— всё немцы проклятые путают. Эки черти бестолковые.

— То-то я бы их и пустил наперед. А то небось позади жмутся. Вот и стой теперь не емши.

— Да что, скоро ли там. Кавалерия, говорят, дорогу загородила,— говорил офицер.

— Эх, немцы проклятые, своей земли не знают! — говорил другой.

— Вы какой дивизии? — кричал, подъезжая, адъютант.

— 18-й.

— Так зачем же вы здесь? Вам давно бы впереди должно быть, теперь до вечера не пройдет.

— Вот распоряжения-то дурацкие; сами не знают, что делают.

Потом проезжал генерал и сердито не по-русски кричал что-то.

— Тафа-лафа,— а что бормочет, ничего не разберешь,— говорил солдат, когда проехал генерал.— Расстрелял бы я их, подлецов!

— В 9 часу велено на месте быть, а мы и половины не прошли. Вот так распоряжения!

Причина путаницы заключалась в том, что во время движения австрийской кавалерии, шедшей на левом фланге, велено было перейти на правую сторону. Нескольким тысяч кавалерии продвигалось в голове пехоты, и пехота должна была ждать.

Впереди произошло столкновение между австрийским колонновожатым и русским генералом. Русский генерал раскричался до бешенства, требуя чтобы остановлена была конница. Австриец доказывал, что виноват был не он, а высшее начальство. Войска между тем стояли, сучая и падая

духом. Наконец, после часовой задержки, войска двинулись вперед и стали спускаться под гору. Туман, расходившийся на горе, только гуще расстился в низах, куда спустились войска. Впереди, в тумане, раздался один, другой выстрел, и в лощине над речкою Гольдбахом началось дело.

Не рассчитывая встретить внизу над речкою неприятеля и нечаянно в тумане наткнувшись на него, не слыша слова одушевления от высших начальников, с распространившимся по войскам сознанием, что было опоздано, и, главное, в густом тумане не видя ничего впереди и кругом себя, русские, лениво и медленно перестреливаясь [перестраивались с неприятелем и подвигались] с неприятелем, подвигались вперед и опять останавливались, не получая вовремя приказаний от начальников и адъютантов, которые блудили по туману и незнакомой местности, не находя своих частей войск.

Так началось дело для первой, 2-й и 3-й колонны, которые спустились вниз. [В лощинах еще] 4-я колонна, при которой находился сам Кутузов, стояла на Працеских высотах. В низах, где началось дело, был все еще густой туман, наверху прояснило, но все не видно было ничего из того, что происходило впереди. [Был ли неприятель] Были ли все силы неприятеля, как мы предполагали, за 10 верст от нас, или он был тут, в этой черте тумана, никто не знал до 9-го часа.

〈XIII〉

Было 9 часов утра¹. Туман сплошным морем расстился понизу, но на высоте при деревне Шлапанице, на котором стоял верхом Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло. Над ним было ясное голубое небо, и огромный шар солнца, как багровый пустотелый шар, плавал на поверхности молочного моря тумана. Не только все французские войска, но и сам Наполеон с штабом находился уже не по ту сторону деревень Сокольник и [того Гольдбаха, который значился в диспозиции] Шлапаниц, за которыми мы намеревались занять позицию и начать дело, но по сю сторону, так близко от наших войск, что Наполеон простым глазом мог в нашем войске отличать конного от пешего. Наполеон стоял несколько впереди своих маршалов на той же серой лошади, в той же шинели и шляпе, в которых он был вчера на аванпостах. То же неподвижное, безучастное и величественное лицо озарилось теперь ярким светом утра. Он долго вглядывался в холмы, которые как бы выступали из моря тумана и по которым вдалеке двигались русские войска, [всё спускаясь книзу направо] и прислушивался к звукам стрельбы в лощине. Его предположения оказывались верными.

Русские войска частью уже спустились в лощину к прудам и озерам, частью очищали те Працеские высоты, которые он намерен был атаковать и считал ключом позиции. Он видел на том острове среди тумана, который составлял две горы, в углублении между которыми лежала деревня Працен, он видел, как в этом ущелье впереди и по обеим сторонам деревни, блестя, двигались русские штыки и [скакали] все по одному направлению к лощинам и скрывались в море тумана. По сведениям, полученным ночью, по звукам колес и шагов, слышанным ночью на аванпостах, по беспорядочности движения русских колонн, по всем предположениям он ясно видел, что союзники считали его далеко впереди себя, что колонны, двигавшиеся близ Працена, составляли центр русской армии, что центр уже достаточно ослаблен, чтобы успешно атаковать его. Но он всё еще не начинал дела.

Нынче был для него торжественный день его коронования [праздничный, торжественный день]. Перед утром он задремал на несколько часов и, здоровый, веселый, свежий [встал и сел], в том счастливом располо-

¹ На полях: *Наполеон знал уже и ждал.*

жении духа, в котором всё кажется возможным и всё удастся, сел на лошадь и выехал в поле. Он стоял неподвижно, глядя на виднеющиеся из-за тумана высоты, и на прекрасном 28-летнем лице его был тот особый оттенок самоуверенного, заслуженного счастья, который бывает на лице [художника, кладущего последние черты на свое произведение. И лицо это счастливо.] [Это выражение как бы [окаменело] остановилось на его мраморном лице.] 16-тилетнего влюбленного и счастливого мальчика. Маршалы стояли позади его и не смели развлекать его внимание. Он смотрел то на Праценские высоты и то на выплывавшее из тумана солнце.

Когда солнце совершенно вышло из тумана и ослепляющим блеском брызнуло по полям и туману [он, как будто ожидая] (как будто он только ждал этого для начала дела), он, сняв перчатку, красивой белой рукой сделал знак маршалам. Они подвинулись к нему, и он отдал приказание начинать дело. Маршалы, сопровождаемые адъютантами, поскакали в разные стороны, и через несколько минут быстро двинулись главные силы французской армии к тем Праценским высотам, которые всё более и более очищались русскими войсками, спускавшимися налево в лошину, где сильнее и сильнее разгоралась бесполезная перестрелка².

Кутузов выехал верхом к Працену впереди четвертой колонны, той самой, которая должна была занять место колонны Пржебышевского и Ланжерона, спустившихся уже вниз. Он поздоровался с людьми переднего полка и отдал приказание к движению, показывая тем, что он сам намерен вести эту колонну. Выехав к деревне Працен, он остановился, рассматривая будущее поле сражения.

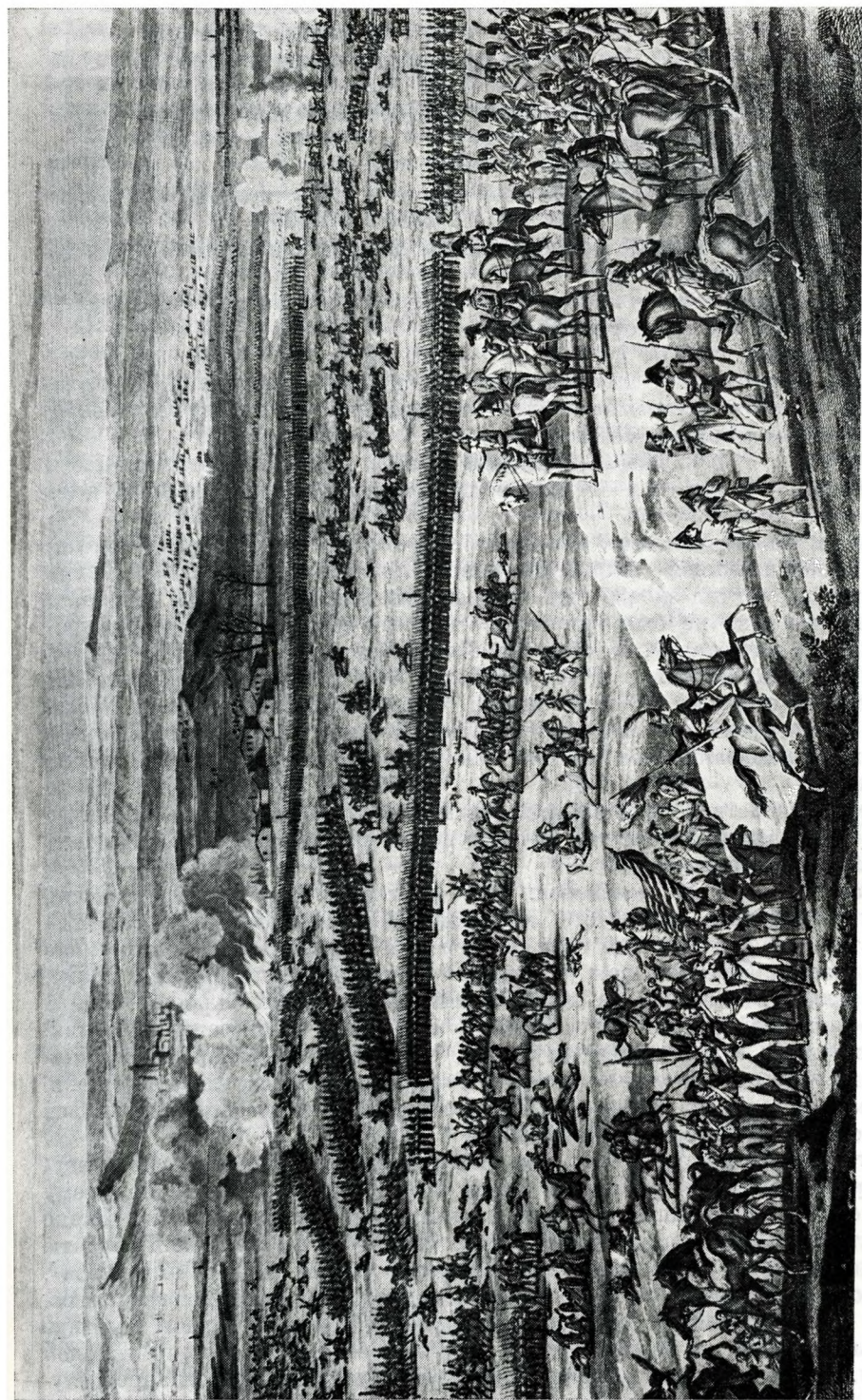
Князь Андрей в числе огромного количества лиц, составлявших свиту главнокомандующего, стоял позади его. Князь Андрей так много переживал и пережил в эту ночь, что, несмотря на то, что он не сомкнул в эту ночь глаза, он сам удивлялся своему спокойствию. В это утро он чувствовал, что его душевные способности не могли выходить за пределы наблюдения и физической деятельности (он всё мог видеть, заметить, запомнить, не делая никаких соображений, и всё мог сделать, но не более), и потому он чувствовал себя особенно готовым на всё, что только может сделать человек. Он стоял позади Кутузова и наблюдал вперед и вокруг себя. [От деревни Працен]

Был 9-й час утра, [туман стал было] воздух был холодный, но сухой и резкий, хотя ветра не было. Туман, стоявший ночью, оставил на высотах только иней, переходивший в росу, в лощинах же он расстилался еще молочно-белым морем. Ничего не было видно в той ложине налево, куда спустились наши войска и откуда доносились звуки стрельбы. Над высотами было темное ясное небо и направо назади огромный шар солнца всплывал над туманом. Солнце казалось багровым пустотелым шаровидным поплавком, который колыхался, плавая на море тумана. Впереди, далеко на том берегу туманного моря, виднелись выступающие лесистые холмы, на которых должна была быть неприятельская армия. Вправо [«слышалось»] виднелась вступающая в область тумана гвардия, гремевшая топотом и колесами и блестящая штыками; налево такие же массы кавалерии, пехоты и артиллерии подходили и скрывались в море тумана. Вблизи около себя князь Андрей видел всё те же знакомые и неинтересные фигуры Козловского, Несвитского и других. Впереди на невысокой лошади виднелась согнутая, сутуловатая спина Кутузова.

Кутузов в этот день казался князю Андрею совсем не тем человеком, каким он знал его в его хорошие минуты. Не было в нем этой скрытой беспечностью и старческим спокойствием тихой силы презрения к людям и веры в себя, которые любил в нем князь Андрей. Главнокомандующий казался ныне изнурен, скучен и раздражителен.

— Да скажите же, наконец, чтобы строились в батальонные колонны

² К тексту: Нынче (с. 329) ∞ перестрелка. — см. Варианты, № 2.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АУСТЕРЛИЦЕ 2 ДЕКАБРЯ 1805 ГОДА

Гравюра Боска по рисунку Карла Верне

и шли в обход деревни,— сердито сказал он подначальственному генералу.— Как же вы не поймете, ваше превосходительство, милостивый государь, что растянуться по этому дефилею улицы деревни нельзя, когда мы идем против неприятеля.

— Я предполагал развернуть фронт за деревней, ваше высокопревосходительство,— отвечал генерал.

Кутузов желчно засмеялся.

— Хороши вы будете, развертывая фронт в виду неприятеля, очень хороши!

— Ваше сиятельство, по диспозиции мы должны еще пройти три версты до неприятельской линии.

— Диспозиция...— желчно вскрикнул Кутузов — А это вам кто сказал?.. Извольте делать, что вам приказывают.

— Слушаю-с!

— Mon cher,— сказал шёпотом князю Андрею Несвицкий,— [тут же стоявший с своим всегда беспечным и плотским симпатичным видом] *le vieux est d'une humeur de chien*³.

К Кутузову подскакал австрийский офицер с зеленым плюмажем в белом мундире и спросил от имени императора: выступила ли в дело четвертая колонна.

Кутузов, не отвечая ему, сморщившись отвернулся, и взгляд его нечаянно попал на князя Андрея, стоявшего подле него. Кутузов, заметив Болконского, смягчил злое и едкое выражение взгляда, как бы сознавая, что этот адъютант не был виноват в том, что делалось. И, не отвечая австрийскому адъютанту, он обратился к Болконскому:

— Allez voir, mon cher, si les tirailleurs sont postés⁴,— сказал он.— *Se qu'ils font, se qu'ils font!*⁵ — проговорил он про себя, всё не отвечая австрийцу. [В то время как Болконский, поворачивая лошадь, чтобы ехать исполнить приказание, он видел, как Кутузов что-то желчно говорил австрийцу.]

Стрелков действительно забыли рассыпать впереди колонны, и князь Андрей приказал ближайшему начальнику от имени главнокомандующего исполнить упущенное.

Туман уже совсем разошелся. Был девятый час утра, уже прошло более четверти часа после того, как Наполеон, которого мы считали за 10 верст от себя, а который был со всей своей армией тут, в этом море тумана, расстилавшегося вокруг нас, дал приказание маршалам к атаке. Уже стрельба в лощинах на левом фланге становилась сильнее, чаще и слышнее, и лошади под Кутузовым и его свиты настораживали уши, прислушиваясь. А главнокомандующий, старчески и бессильно опустившись на седле своим тучным телом и распустив свои одутловатые щеки, сидел молча, опустив голову, и всё не отдавал приказания двигаться 4-й колонне, при которой он находился.

В это-то время, в 10-м часу, позади Кутузова слышались вдали звуки здоровывающихся полков и стали быстро приближаться по всему протяжении растянувшейся линии наступавших русских колонн. Видно было, что тот, с кем здоровывались, ехал скоро. Когда закричали солдаты того полка, перед которым стоял Кутузов, он отъехал и оглянулся⁶. По дороге из Працена скакал как бы эскадрон разноцветных всадников. Два из них скакали рядом впереди остальных. Один в черном мундире с белым султаном, на рыжей лошади, другой в белом мундире, на вороной лошади. Это были два императора со свитой. Кутузов с аффектацией служачи, находящегося во фронте, скомандовал парад и салютовал импе-

³ Ну, любезный, старик сильно не в духе.

⁴ Ступайте, мой милый, узнайте, поставлены ли стрелки.

⁵ Что делают, что делают!

⁶ На полях: *Государь — молодежь свежая, энергичная. Кутузов с аффектацией дисциплины встречает.*

ратору. Вся его фигура и манера вдруг изменились. Он принял вид подначальственного, нерассуждающего человека. Он с аффектацией привычного изящества и почтительности, которая, очевидно, неприятно поразила императора Александра, подъехал, и салютовал, и рапортовал.

Неприятное впечатление, только как остаток тумана на ясном небе, пробежало по молодому и счастливому лицу императора. Он был, после нездоровья несколько худее в этот день, чем на Ольмюцком поле, где его в первый раз за границей видел Болконский; но то же обворожительное соединение величавости и кротости было в его прекрасных серых глазах, и на тонких губах та же возможность разнообразных выражений и преобладающее выражение благодушной, невинной молодости.

На Ольмюцком смотру он был величавее, здесь он был веселее и энергичнее. Он несколько раздумялся, прогалопировав эти три версты, и, остановив лошадь, отдохновенно вздохнул и оглянулся на такие же молодые, такие же оживленные лица своей свиты. Тут был и красивая обезьяна А. Чарторижский, и оригинальная фигура Новосильцева, и князь Волконский, и Строганов,— все красивые, изящные, богато одетые молодые люди на прекрасных, выхоленных, свежих, только что слегка вспотевших лошадях. Император Франц, румяный круглолицый молодой человек, прямо державший голову, тело и ноги, на необычайно красивом вороном жеребце, имел спокойный и красивый вид. Он молча, высоко держа голову, оглядывался вокруг себя. Он спросил что-то с значительным видом у одного из своих белых адъютантов. «Верно, в котором часу они выехали»,— подумал с улыбкой, которой он не мог удержать, князь Андрей, с любопытством наблюдая своего старого знакомого. В свите императоров были отобранные молодцы-ординарцы, русские, австрийские, гвардейских и армейских полков. Между ними велись берейторами в расшитых пополах необычайной красоты запасные царские лошади.

Как будто через растворенное окно вдруг пахнуло свежим полевым воздухом в душную комнату, так пахнуло молодостью и энергией и уверенностью в успехе от этой прискакавшей блестящей молодежи. Так показалось князю Андрею, глядя на них. Такая сила порыва, казалось, была в этой блестящей плеяде, что *<1 нрзб>* казалось бы не могло устоять против нее. Отвернувшись от Кутузова, император Александр оглянул поле сражения, остановившись особенно на том месте, с которого слышались ружейные выстрелы, и по-французски с улыбкой и сожалением сказал что-то одному из своих приближенных. Князь Андрей был уверен, хотя он и не расслышал слов, что император выразил сожаление, что по своему положению он лишен возможности быть там, в пылу огня, где решалась участь сражения, куда тянуло его внутреннее чувство.

— Что ж вы не начинаете, Михаил Ларионович? — с ласковой улыбкой обратился император Александр к Кутузову, в то же время учтиво взглянув на императора Франца.

— Я поджидаю, ваше величество,— отвечал Кутузов, почтительно наклоняясь вперед.

— Ведь мы не на Царицыном Лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки,— сказал с мягким упреком государь, снова учтиво взглянув в глаза императору Францу, как бы приглашая его ежели не принять участие, то прислушаться к тому, что он говорит; но император Франц, продолжая оглядываться, кивнул головой.

— Потому и не начинаю, государь,— сказал Кутузов, по лицу которого волною пробежала морщина досады,— потому и не начинаю, государь,— сказал он резким и звучным голосом,— что мы не на параде и не на Царицыном Лугу.

В свите государя на всех лицах, мгновенно переглянувшихся друг с другом, выразился ропот и упрек. «Как он ни стар, он не должен был бы, никак не должен бы говорить этак»,— говорили эти лица.

Государь пристально, ласково и внимательно смотрел в глаза Кутузову, ожидая, не скажет ли он еще чего.

— Впрочем, если прикажете, ваше величество,— сказал Кутузов, снова изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повинующегося генерала.

Он тронул лошадь и отдал приказание к наступлению.

Войско начало строиться, и два батальона Новгородского полка и батальон апшеронский тронулись вперед мимо государя.

В то время как проходил апшеронский батальон, странная, невольно поражающая своею подвижностью и напыщенностью фигура маленького генерала без шинели в мундире и орденах и с шляпой с огромным султаном, надетой набекрень и с поля, марш-марш выскакала вперед и, молодецки салютуя, осадилась лошадь перед государем. Болконский не мог сразу в этом воинственном генерале с блестящими глазами и поднятым кверху лицом узнать того Милорадовича, который так добросовестно старался не заснуть накануне вечером в военном совете.

— С богом, генерал,— сказал ему государь.

— *Ma foi, Sire, nous ferons ce que qui sera dans notre possibilité, Sire*⁷,— отвечал он весело, смело и торжественно, тем не менее вызывая весьма насмешливую улыбку у господ свиты государя своим дурным французским языком. Милорадович круто повернул свою лошадь и стал несколько позади государя.

Апшеронцы, возбуждаемые звуками стрельбы и присутствием государя, молодецким бойким шагом проходили мимо начальника.

— Ребята! — крикнул громким, самоуверенным и веселым голосом Милорадович, видимо, до такой степени возбужденный звуками стрельбы, ожиданием сражения и видом молодцов-апшеронцев, еще своих суворовских товарищей по итальянскому походу, что забыл о присутствии государя.

— Ребята! Вам не нервую деревню брать,— крикнул он и, толкнув лошадь, стремглав, опять салютуя императору, поскакал вперед.

Лошадь государя шарахнулась от неожиданности (лошадь эта, носившая государя еще на смотрах в России, здесь на Аустерлицком поле несла своего седока, выдерживала его рассеянные удары левой ногой, настораживала уши от звуков выстрелов точно так же, как она делала это на Марсовом поле, не понимая значения ни этих слышавшихся выстрелов, ни соседства вороного жеребца императора Франца, ни всего того, что говорил, думал, чувствовал в этот день тот, кто ехал на ней).

Государь улыбнулся одобрительно и тому воинственному неприличному поступку Милорадовича, и тому, что сделал один из апшеронских солдат, шедших на фланге. Солдат этот, услышав крик генерала, вздрогнув, хотел сам крикнуть: «Ради стараться», но потом, видимо, раздумав, махнул рукой и молодецки подмигнул на скачущего Милорадовича. С этой улыбкой на лице в последний раз видел Болконский императора.

Кутузов, сопровождаемый своими адъютантами, поехал шагом за карабинами.

Кутузов, с полверсты проехав в хвосте колонны, остановился впереди Працена, у одинокого заброшенного дома (вероятно, бывшего трактира), у разветвления двух дорог. Обе дороги спускались под гору. Хотя туман уже [начинал] только клоками носился над ложиной и солнце ярким косым светом обливало поля, леса и горы, неприятеля еще не было видно, и войска и начальство двигались нескоро, еще ожидая столкновения. Кутузов направил часть Новгородского полка по дороге налево, меньшую же часть апшеронского батальона направо [и, разговаривая с австрийским генералом, остановился]. Он разговаривал с австрийским генералом.

Князь Андрей, стоя несколько позади, наблюдал окружающих его ге-

⁷ Ваше величество. мы сделаем всё. что будет возможно сделать.

нералов, русских и австрийских, и адъютантов. Ни один из них не имел естественного вида, и он всех их знал, все одинаково старались принимать кто проницательный, кто воинственный, кто небрежный вид, но ненатуральный. Один из адъютантов имел зрительную трубу и смотрел в нее.

— Посмотрите, посмотрите, — сказал он. — Это французы.

Два или три генерала и адъютанта стали хвататься за трубу, вырывая ее один у другого, и все лица вдруг изменились и все стали естественны. На всех выразился испуг и недоумение. Князь Андрей, как по отражению в зеркале, видел на их лицах то, что происходило впереди.

— Это неприятель... нет. Да, смотрите. Они. Наверно. Что ж это? — слышались голоса.

Кутузов глядел в трубу и подошел к австрийскому генералу.

Князь Андрей поглядел вперед и простым глазом увидал внизу направо поднимавшуюся навстречу апшеронцам колонну французов не дальше 800 шагов от себя. Впереди шедшая батарея снялась с передков, открыла огонь, частая ружейная стрельба слышалась впереди, и на мгновение всё закрылось дымом.

Воспоминание Шенграбенской блестящей атаки живо возникло в воображении князя Андрея. Так же тогда шли французские войска в синих капотах и пиджетах, и так же навстречу им двинулись тогда киевские гренадеры, как теперь сходились с французами только что прошедшие мимо государя новгородцы и молодцоватые апшеронцы. Князю Андрею не могло прийти в голову, чтобы исход этой атаки мог быть другой, чем тот, при котором присутствовал и при Шенграбене, и он с [замыслом] уверенностью ждал сначала залпа французов, потом «ура» и бегства французов и нашего преследования. Но все было застлано дымом и стрельба сливалась в один звук, и ничего нельзя было разобрать. Мимо корчмы бежали вперед пехотные русские солдаты. Это продолжалось не больше двух минут. Но вот впереди стрельба стала приближаться вместо того, чтобы удаляться, и к крайнему удивлению своему, князь Андрей почувствовал, что Кутузов сделал жест отчаяния. Один раненый солдат пробежал с криком боли мимо корчмы, другой, третий, и толпы солдат с офицером пробежали за ним, сбивая с дороги Кутузова и его свиту. Смешанные русские и австрийские всё увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императора. Болконский оглядывался, недоумевая и не в силах понять того, что делалось перед ним.

Он искал глазами лицо Кутузова, чтобы получить объяснение того, что делалось перед ним. Но Кутузов что-то быстро, с жестами, задом стоя к Болконскому, говорил близ стоявшему генералу. Несвицкий, который был послан вперед, с озлобленным лицом, красный и на себя непохожий, кричал, что войска бегут, и умолял Кутузова ехать назад, утверждая, что ежели он его не послушает, то через пять минут будет взят в плен французами, которые находятся уже в 200-х шагах под горой. Кутузов не ответил ему, и Несвицкий с таким видом озлобленности, которой не только никогда не видал, но и не мог в нем предполагать князь Андрей, обратился к нему.

— Я не понимаю, — кричал он, — всё бежит, надо уезжать или нас всех перебить или передерут, как баранов.

Князь Андрей, [чувствуя, как сердит, стал было с <дрожащим?>] едва удерживая дрожание нижней челюсти, подъехал ближе к Кутузову.

— Остановите их, — кричал главнокомандующий, указывая на офицера апшеронского полка, который, подобрав плащ, рысью бежал мимо него с всё более и более увеличивающейся толпой. — Что это? что это?

Князь Андрей поскакал за офицером и, нагнав его, закричал:

— Разве вы не слышите, милостивый государь, что главнокомандующий приказывает вам вернуться.

— Да, вишь ловок больно, поди-ка сам сунься,— грубо проговорил офицер, видимо, под влиянием панического страха потерявший всякое сознание о высшем и низшем и о всякой субординации. В это же время на князя Андрея побежал, в числе других, солдат и, прикладом ударив его лошадь в брюхо, проложил себе дорогу, и толпа, увеличиваясь, продолжала бежать прямо на Працен, на то место, где стояли императоры и их свита.

Войска бежали такой густой толпой, что раз попавши в середину толпы, трудно было из нее выбраться. Кто кричал: «Пошел! Что замешался», кто, тут же оборачиваясь, стрелял в воздух, кто бил лошадь, на которой ехал князь Андрей. Болконский скоро понял, что нечего и думать остановить этих бегущих, и что одно, что он мог сделать, это ему самому выбраться из этой давки, где всякую минуту он рисковал быть [задавленным] сбитым с лошади, задавленным, застреленным, и присоединиться к главнокомандующему, с которым он мог надеяться погибнуть достойно. С величайшими усилиями выбравшись из потока толпы влево, он обскакал по кустам, примыкавшим к дороге, увидал впереди в середине батальона пехоты плюмажи свиты Кутузова и присоединился к ним.

В свите Кутузова за эти 5 минут отсутствия всё переменялось. Кутузов, слезши с лошади, стоял, опустив голову, подле еще не расстроенного Новгородского батальона, несколько правее дороги, и отдавал приказанье генералу, стоявшему перед ним верхом, с рукой у козырька.

— Всё, что застанете, всё сюда. Ступайте! [Генерал поскакал] Генералу Милорадовичу скажите! — крикнул Кутузов. Адъютант поскакал догонять генерала, не слыжавшего этих последних слов.

[— Да оставь ты меня в покое,— обратился Кутузов сердито к генералу, убеждавшему его отъехать отсюда.] Вокруг Кутузова стояли господа его свиты, которых число уменьшилось более чем вдвое. Некоторые были пешими, некоторые верхом. Все были бледны, перешептывались, глядели вперед и обращались беспрестанно к главнокомандующему, умоляя его отъехать. [В то время, как князь Андрей] Глаза всех были преимущественно устремлены на русскую батарею, которая стояла впереди влево и одна без прикрытия стреляла по французам, подходившим к ней уже не далее 150 шагов. В то время как князь Андрей подъехал, Кутузов с трудом, подсаживаемый казаком, садился на лошадь. Севши на лошадь, наружность Кутузова изменилась, он, казалось, проснулся, тонкие губы сложились в выражении, единственный [глаз его встретился с вопросительным взглядом князя Андрея] глаз его блестел сосредоточенным ясным блеском.

— [Ведите батальон] Ведите в штыки. Ребята!!!⁸ — крикнул Кутузов полковнику, стоявшему возле него, и сам вперед тронул лошадь. [Ядра пролетали через него.] Ядра беспрестанно с странным свистом перелетали через головы Кутузова и его свиты, и, в то время как он тронулся вперед, как рой птичек, со свистом пролетели пули по батальону и свите, задев несколько человек. Кутузов [опять] взглянул на князя Андрея. И этот взгляд польстил Болконскому. В коротком взгляде, который Кутузов бросил на своего любимого и предпочитаемого адъютанта, Болконский прочел и радость его видеть в эту решительную минуту, и совет мужаться и быть готовым на всё, как будто сожаление о его молодости. «Мне, старику, это легко и весело, но тебя мне жалко», — будто говорил взгляд Кутузова. Всё это, без сомнения, представлялось только воображению князя Андрея, ему думалось с чрезвычайною ясностью тысячи тонких оттенков мыслей и чувств, он только наблюдал, но не думал в эту минуту о том, о чем он так долго и мучительно думал, и [главное] о том, что теперь-то и наступает минута сделать великое или умереть молодым и неизвестным.

⁸ На полях: *Ребята, стыдно.*

Баталион тронулся, и Кутузов, выждав несколько минут, галопом поехал за ним. Но, не доехав еще до баталиона, князь Андрей видал, как Кутузов рукою схватился за щеку и из-под пальцев его потекла кровь.

— Ваше сиятельство! Вы ранены,— сказал Козловский, с своим мрачным и непредставительным видом, все время ехавший подле Кутузова.

— Рана не здесь,— сказал Кутузов, останавливая лошадь и доставая платок,— а вот где,— он указал вперед на все подвигавшиеся колонны французов и на баталион, который остановился.

Тем же залпом, которым ранен был Кутузов, ранен был батальонный командир, стоявший впереди, убито несколько солдат и подпоручик, несший знамя. Батальонный командир упал с лошади. Знамя зашаталось и, падая, задержалось на ружьях соседних солдат. Передние ряды стали, и несколько выстрелов без команды слышались в рядах его. Кутузов прижал красневший от крови платок к раненой щеке.

— Ааа! — промычал как бы от боли Кутузов, ударил шпорами лошадь и вскакал в середину батальона.

За ним оставались в это время только князь Андрей и Козловский.

— Стыдно, ребята, стыдно,— закричал [с невольным выражением страдания в голосе] он, бросая платок на землю. Но солдаты с недоумением оглядывались.

— Вперед! ребята [Оох! — крикнул]

Солдаты, не двигаясь, стреляли и не шли на батарею, которая уже переставала стрелять и от которой в равном расстоянии не более 100 шагов были спереди французы и сзади наши. Но французы шли, а наши стояли, стреляя. Очевидно было, что участь сражения зависела оттого, кто решительнее бросится к этим пушкам.

— Оох,— с выражением отчаяния промычал еще раз Кутузов, и, взглянув машинально на окровавленный платок, он, как бы вспомнив свое молодое время, свой Измайловский штурм, вдруг выпрямился, блеснул единственным глазом и поскакал вперед.— Ура! — закричал он голосом, который очевидно, по слабости и старческой хриплости своей, не отвечал всей энергии его настроения. Услыхав свой голос и почувствовав свое физическое бессилие, он, как бы отыскивая помощи, с сверкающим опущенным зрачком целого глаза и с зверским совершенно изменившимся выражением лица оглянулся на адъютантов.

Козловский первый попался ему. Он обежал его взглядом и остановился на князе Андрее.

Болконский,— прошептал он дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом.— Болконский,— прошептал он, указывая на расстроенный батальон и на неприятеля.— Что же это? Но, прежде, чем он договорил это слово, князь Андрей, чувствуя также слезы стыда, злости и восторга, подступавшие ему к горлу, уже двинулся вперед, чтобы исполнить то, чего от него желал Кутузов и к чему он так давно готовился. Он толкнул лошадь, обскакал Кутузова, и, подъехав к упавшему знамени, прыгнув, сам не помня как, с лошади, он поднял знамя.

— Ребята, вперед! — крикнул он детски-пронзительно. Лошадь, почувствовав себя на свободе, фырка и задрал хвост, маленькой и гордой рысцой побежала из рядов баталиона. Только что князь Андрей схватил древко знамени, как в то же мгновение 10 пуль прожужжали мимо его, но он был цел, хотя несколько солдат упало около него.

— Ура! — закричал князь Андрей и побежал вперед [сначала с уверенностью, что весь баталион побежит за ним. Он пробежал один только несколько шагов, и действительно, тронулся] с несомненной уверенностью, что весь баталион побежит за ним. И действительно, он пробежал один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат и весь баталион с криком «ура» побежал вперед.

Никто из знавших князя Андрея не поверил бы теперь, глядя на его бодрый решительный бег и счастливое лицо, что это был тот самый князь

Болконский, который с такою усталостью волочил свои ноги и речи по петербургским гостинным, а это был именно он, настоящий он, испытывавший в эту минуту высшее наслаждение, испытанное им в жизни. Унтер-офицер баталиона, подбежав, взял колебавшееся в руках князя знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять подхватил знамя и, положив его через плечо, бежал вперед, не давая перегонять себя солдатам. Князь Андрей уже был в 20-ти шагах от орудия, он бежал вперед с своим баталионом под сильнейшим огнем французов, обегая падавших вокруг него, но и тут, в эту минуту, он не думал о том, что ему предстояло, а невольно яркими красками отпечатывались только в его воображении все окружающие впечатления. Он до мельчайшей подробности видел и помнил фигуру и лицо рыжего артиллериста, тянущего с одной стороны банник, тогда как французский солдат тянул его к себе за другую сторону. Немного подальше солдата, посередине четырех орудий, он видел стоявшего с виноватым и сконфуженным видом того самого Тушина, который так поразил его под Шенграбенем. Тушин, видимо, не понимал значения минуты и, как бы забавляясь комизмом своего положения, улыбался глупою, жалкою улыбкой, точно такую же, какую он улыбался, стоя без сапог в деревне Грунте у маркиганта перед дежурным штаб-офицером, и глядел на подходивших к нему французов с угрожающе перевешенными ружьями. «Неужели убьют его, — подумал князь Андрей, — прежде, чем мы успеем подбежать?» Но это было последнее, что видел и думал князь Андрей. Вдруг, как бы со всего размаха крепкой палкой, кто-то из ближайших солдат ударил его в левый бок. Немного это больно было, а главное, неприятно, потому что боль эта развлекала его от столь интересных в это время наблюдений. Но вот странное дело: ноги его попадают в какую-то яму, подкашиваются, и он падает. И вдруг ничего нет, кроме неба — высокого неба с ползущими по нем серыми облаками — ничего, кроме высокого неба. «Как же я не видал прежде этого высокого неба? — подумал князь Андрей. Я бы иначе думал тогда. Ничего нет, кроме высокого неба, но того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения.

Когда упал князь Андрей, баталион опять смешался и побежал назад, увеличивая смятение задних. Толпа набежала на императоров и их свиту, увлекая их за собой на ту сторону высот Працена. Никто не мог не только остановить этого бегства, но даже и узнать от бегущих причину его. В свите императоров этот панический страх, усиленный еще более передачею и неизвестностью, дошел до такой степени, что в 5 минут от всей этой блестящей свиты императоров при Александре I не осталось никого, кроме его лейб-медика Вилье и берейтера Эне.

〈XIV〉

План сражения под Аустерлицом был следующий: русские войска, центр которых составляла 4-я колонна, та, при которой находились императоры, левое крыло, войска Буксгевдена, и правое, отряд Багратиона. Русские войска должны были, зайдя левым плечом вперед, стать воборот направо, составив прямой угол, одну сторону которого составляли бы первая, вторая, третья и четвертая колонны, а другую сторону — отряд Багратиона. В этом прямом угле, по предположению союзников, должны были *〈быть〉* заключены и атакованы неприятельские войска. Но вместо того, чтобы ожидать наступления союзников в одной массе, Бонапарте, предупредив их, выступил вперед, атаковав самый тот угол, который составлял две линии союзников в пункте Праденских высот, и, пробив этот угол, разорвал армию на две части, из которых одна, и большая часть, наше левое крыло, находилось в низах между прудами и ручьями. Атака нашего левого фланга была слаба, не одновременна и недостаточно энергична, потому что, по непредвиденным обстоятельствам, колонны были

задержаны на марше и приходили по несколько часов позже своего назначения. (Непредвиденных обстоятельств случается обыкновенно тем более, чем постыднее бывает проиграно сражение.) Авангард Кинмейера первый атаковал неприятеля, но не мог удержаться, не поддержанный вовремя колонною Дохтурова, опоздавшей на час времени. Дохтуров после Кинмейера занял деревню Тельниц, но не мог удержаться в ней, так как и он, в свою очередь, не был поддержан колонною Ланжерона, опоздавшей более часу по причине передвижения перед фронтом войск огромных масс кавалерии, спутанных еще с вечера, не попавших на свое место; наконец, овладев Тельницом и потеряв много людей и времени, Дохтуров и Ланжерон не продолжали наступление, а остановились, ожидая долженствовавшую поровняться с ними колонну Пржебышевского, которая всё еще не приходила. Колонна Пржебышевского, как и другие, опоздала, в свою очередь. Все эти правильно повторившиеся непредвиденные обстоятельства сделали то, что эти 25 тысяч русских в продолжение двух часов были удерживаемы одною шеститысячною дивизией Фриана, и Наполеон имел возможность обратить все свои силы на тот пункт, который ему казался важнее других, именно на Праценские высоты. Когда же подошла наконец и третья колонна Пржебышевского, начальники войск левого фланга, к несчастью, слишком хорошо помнившие диспозицию, не смели начинать решительную атаку, поджидая еще четвертую колонну Милорадовича, которая должна была, сойдя с Праценских высот, выровняться с ними. Эта колонна, как мы видели, спускаясь с Праценских высот, не ожидала французов и не успев развернуться, в виду их смешалась и побежала, увлекая в своем бегстве императоров с их свитой и позади стоявшие резервы.

В центре, где находилась вся гвардия, правее [Працена стояла кавалерия] должна была стоять австрийская кавалерия и резерв гвардии, но по непредвиденным обстоятельствам австрийская кавалерия не стояла на своем месте и гвардия очутилась в 1-й линии. Гвардия выступила в назначенное ей время с распущенными знаменами, музыкой и необыкновенной исправностью одежды и <в> идеальном, мечтательном порядке. Громадные тамбурмажоры, махая и подбрасывая свои палки, шли перед музыкой, кавалерийские офицеры гарцевали на тысячных лошадях, пехотные скромно, так же как и все солдаты, шли на своих местах и отбивали шаг на всем протяжении полка в ногу и по одному темпу. Великий князь Константин Павлович в белом кавалергардском колете и блестящей золотой каске ехал впереди конной гвардии.

Гвардия переправилась через ручей у Вальк-Мюлле и остановилась, пройдя с версту по направлению к Блазовицу, где уже должен был находиться князь Лихтенштейн. Впереди гвардии виднелись войска, принятые у нас сначала за колонну князя Лихтенштейна. Цесаревич построил гвардейскую пехоту в две линии развернутым фронтом: в первой стали полки Преображенский и Семеновский, имея перед серединою артиллерийскую роту имени великого князя Михаила Павловича, во второй — Измайловский полк и гвардейский егерский баталион. На правом фланге баталионов было по два орудия. Позади пехоты расположились лейб-гусары и конная гвардия. Впереди гвардии по диспозиции должна была находиться австрийская кавалерия. Как вдруг из войск, видневшихся впереди и принимаемых за австрийцев, пролетело ядро и смутило не только их, но и весь гвардейский отряд и его начальника великого князя. Войска, видневшиеся впереди, были не наши, а неприятель, который не только стрелял, но и наступал прямо на нравственно не приготовленную к делу гвардию. Здесь, в центре, точно те же неизбежные, но не предвиденные обстоятельства сделали то, что австрийская кавалерия, долженствовавшая стоять перед гвардией, должна была отойти, так как место, на котором она была поставлена, перерытое ямами и оврагами, было невозможно для кавалерийских действий; вследствие этого-то гвардия неожиданно

и непредвиденно попала в дело и, несмотря на блестящие атаки преображенцев и кавалергардов, как говорят военные историки, должна была весьма скоро отступить по тому же направлению, по которому из Працена отступали другие колонны.

Багратион по диспозиции должен был последний, со своим правым флангом, ударить на неприятеля и довершать его поражение, но весьма скоро было замечено, что не только неприятель не был разбит во всех других пунктах, но наступал, и потому князь Долгорукий ограничился защитою и отступлением. Как при Шенграбене, князь Багратион медленно ездил на своей белой кавказской лошади перед рядами войск, точно так же как и там, очень мало командовал и распоряжался, и, так же как и там, действия его правого крыла спасли всю армию, и он отступил в совершенном порядке.

⟨XV⟩

В начале сражения, не желая согласиться на требование Долгорукова начинать дело, князь Багратион предложил послать с вопросом этим своего дежурного ординарца Ростова к главнокомандующему. Багратион знал, что по расстоянию почти 10 верст, отделявших один фланг от другого, ежели Ростова не убьют, что было очень вероятно, и ежели он даже найдет главнокомандующего, что было весьма трудно, он не успеет вернуться ранее вечера.

— А ежели я встречу императора прежде, чем главнокомандующего, ваше сиятельство? — сказал Ростов, держа руку у козырька.

— Можете передать его величеству, — поспешно перебивая Багратиона, сказал Долгоруков.

Ростов скакал, не думая об опасности и не помня себя от счастья. Успев соснуть несколько часов перед утром, Ростов чувствовал себя веселым, смелым, решительным, с тою упругостью движения, уверенностью в свое счастье¹, в том расположении духа, в котором [бывают здоровые] всё кажется возможно и легко. Он не вспоминал о своих вчерашних мечтаниях близости к императору, но эти мечтания были так живы, что они оставили в его воображении следы действительного прошедшего. Он не думал теперь ни об опасности своей, ни о неудаче в сближении с императором, ни еще менее о возможности общей неудачи нашего оружия. Государь был с своими войсками, день был ясный, веселый, на душе было радостно и счастливо. [Вишь ты] «Однако разобрались же, не перепутались», — думал он, обскакивая стройно выравнивавшиеся эскадроны кавалерии Уварова, которая еще не вступала в дело. Впереди себя он слышал дальнюю стрельбу, которая в свежем утреннем воздухе, раздаваясь с [по два] неравными промежутками по два, по три выстрела, была похожа на неладившуюся молотку цепами и не вызывала никакого неприятного или страшного чувства. Это были веселые звуки. Впереди ему виднелись двигавшиеся массы пехоты. И как вчера ему ночью всё казалось путаницей, так нынче он твердо верил в то, что всё это обдуманно-передумано, что каждый знает свое место и дело и что, как бы там это ни было, а всё будет очень хорошо. Чем дальше он ехал, тем слышнее становилась стрельба и менее видно было ему впереди. Подъезжая к гвардии, он заметил нескольких отделившихся всадников, которые скакали как будто к нему. «Тут недалеко должен быть и государь и Кутузов», — подумал он и тронул лошадь по направлению к всадникам. Это были наши лейб-улань, которые расстроенными рядами возвращались из атаки, что-то везли на лошади, что-то мертвое и «кровяное?»

Ростов поворотил лошадь влево и поскакал что было мочи.

— Мне до этого дела нет, — подумал он. — Надо скорей, скорей найти главнокомандующего. Не успел он проехать несколько сот шагов, как

¹ Так в автографе.

влево от него, наперерез ему, показалась на всем протяжении поля огромная масса кавалеристов на серых и вороных лошадях в белых мундирах, латах, кирасах и касках, которые на больших рысях шли прямо на него. Это была атака двух эскадронов кавалергардов против французской конницы. Ростов пустил лошадь во весь скок для того, чтобы уехать с дороги этих эскадронов, которые всё прибавляли рыси, и на всем скаку² могли задавить его. Уже слышен был гул с бряцанием, этот страшный гул с бряцанием, этот звук, похожий на ураган, приближающейся конницы, уже кавалергарды более половины скакали, едва удерживая рьяных лошадей. Ростов видел их красные разгоревшиеся лица, уже послышалась команда: «Марш, марш», когда Ростов едва-едва успел миновать их. Крайний фланговый кавалергард, огромный ростом мужчина, с широко-скулым лицом, мрачный, с остервенением приподнял палаш, как будто бы он хотел рубить и его. Этот кавалергард непременно сбил бы с ног Ростова с его Грачиком (Ростов сам себе казался таким маленьким и слабеньким в сравнении с этими громадными людьми и лошадьми), ежели бы он не догадался взмахнуть нагайкой в глаза его лошади. Серая яблоками тяжелая пятивершковая лошадь, казавшаяся столько же растерянною и взволнованною, как ее седок, шарахнулась, приложив уши, но рябой кавалергард всадил ей с размаху в бока огромные шпоры, и лошадь, взмахнув хвостом и вытянув шею, понеслась еще быстрее. Едва кавалергарды миновали Ростова, он услышал их крик: «Ура!» и, оглянувшись, увидал, что передние ряды их уже смешивались с чужими, вероятно, французскими кавалеристами в красных эполетах.

Это была та блестящая атака кавалергардов, [в которой был взят <1 нрзб> К. Р.] которой удивлялись сами французы, и Ростову страшно было слышать потом, что из всей этой массы огромных красавцев людей, из всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей юношей, офицеров и юнкеров, столь полных красоты, силы и жизни, из всего эскадрона после атаки осталось только осьмнадцать человек.

Но в ту минуту, как Ростов, счастливо миновав опасность быть завленным, он позавидовал кавалергардам. Позавидовал, но в ту же минуту мысль о том, сколько еще опасностей предстоит ему, какое счастье может быть и даже наверное будет (он был уверен в этом) говорить с самим государем, он, не оглядываясь, поскакал по направлению к левому флангу, где по слухам надеялся найти высшее начальство³. Проезжая мимо гвардейской пехоты, он и не думал о своем друге Борисе, когда услышал голос, называвший его по имени и спрашивавший, что делалось в их отряде.

— Я уже давно оттуда, кажется, хорошо, — крикнул Ростов, приостанавливая лошадь.

— А мы, брат, в первую линию попали, — с неопределенной улыбкой сказал раскрасневшийся Борис.

— Что же, хорошо? — спросил Ростов.

— Отбили, — крикнул кто-то <1 нрзб>. <Ростов> [поскакал дальше] веселый поскакал дальше.

Проехав гвардию, он впереди себя по дороге услышал стрельбу в том месте, где был наш аррьергард и где не мог быть неприятель. «Что это может быть?» подумал Ростов. — Не неприятель же это. Не может быть. Они, — подумал он вообще о начальстве, — знают, что делать». Однако он

² На полях: *История всей гвардии тут. Борис бледен — говорит: я не военный. Берг просит порадоваться, что его великий князь поблагодарил. Великий князь говорит с Н.*

³ На полях: *Ростов, Ростов — послышался сзади голос, так настоятельно требовавший себе внимания, что Nicolas остановился. Это был Берг; он подбежал к Ростову, лицо его улыбалось своей приятной эгоистической улыбкой. — Посмотрите, — сказал он, — я ранен в правую руку, но всё же держу шпагу в левой. — «Только-то, — подумал Ростов. — И к чему ему шпага?» И Nicolas.*

должен был преодолеть себя, чтобы въехать в те войска, в которых была слышна и видна стрельба и крики, еще теперь продолжавшиеся.

— Что такое? Что такое? — спрашивал Ростов, ровняясь с толпами русских и австрийских солдат, бежавшими [наперерез его] перемешанными толпами наперерез его дороги.

Что такое? Что такое? — отвечали ему по-русски, по-немецки и по-болгарски толпы бегущих, не понимавших, точно так же как и он, того, что тут делалось.

По австрийцам стреляли, — кричал один. — А чёрт их дери, изменников.

— Сам сунься. Сбиты? Zum Henker⁴.

Ругательства, крики заглушали друг друга. Ростову [надо было] велено было отыскивать Кутузова у деревни Працен, и еще с правого фланга ему показывали Праценскую гору и <немецкие?> церкви. Теперь он стоял против нее и, не веря своим глазам, смотрел на французские орудия и войска, стоявшие вокруг этой деревни.

Узнав от одного офицера, что Праценские высоты взяты французами, батареею которых он видел простым глазом, Ростов постарался обскакать бегущих и выехать на путь отступления. Выехав на главный путь отступления или бегства центра русской армии, он увидал картину еще большего смятения и беспорядка. Коляски, экипажи всех сортов, солдаты, русские и австрийские, всех родов войск, раненые и убитые, — всё это смешанно копошилось под мрачный звук летавших среди ясного солнечного полдня ядер с французских батарей, поставленных на Праценских высотах.

— Где государь? Где Кутузов? — спрашивал Ростов у всех, и ни от кого не мог получить ответа.

— Э! брат! Уж давно все там впереди, удрали, — сказал Ростову один солдат, смеясь чему-то⁵. Другой, очевидно, денщик или берейтор важного лица, объявил Ростову, что государя с час тому назад провезли во весь дух в карете по этой дороге, и что государь опасно ранен.

— Не может быть, — сказал Ростов, — верно, другой кто.

— Я сам, я видел, ваше благородие, — сказал денщик с самоуверенной усмешкой. Уж мне-то пора знать государя, кажется, сколько раз в Петербурге вот так-то видал. Бледный-пребледный, в карете сидит, а Илья Иваныч на козлах сидит. Четверню вороных как припустит, батюшки мои, мимо нас прогремел. Пора, кажется, и царских лошадей и Илью Иваныча знать, кажется, с другим, как с царем, Илья кучер не ездит.

В отчаянии, убитый утверждением значительного денщика, Ростов поехал дальше, надеясь отыскать кого-нибудь из начальников и через него Кутузова. Известие, переданное денщиком, имело некоторое основание. Действительно видели, как царский кучер Илья на четверке промчал кого-то бледного в карете, но это был не государь, а гоф-маршал, граф Толстой, выехавший, тоже как и другие, полюбоваться победою над Бонапартом.

— Главнокомандующий убит, — сказал один солдат на вопрос Ростова. — Нет, это тот, как бишь его, а Кутузов вон туда в деревню. Солдат указывал на деревню Гостиерадек, и Ростов поскакал по тому направлению, по которому виднелись вдалеке башня и церковь. Куда ему было торопиться. Что ему было теперь говорить государю или Кутузову.

— Этой деревней, ваше благородие, не ездите, тут прямо, — закричал ему солдат. — Тут убьют.

— О! что говоришь? — сказал другой. — Куда он поедет? Тут ближе.

Ростов задумался и поскакал именно по тому направлению, где было ближе и опаснее. «Э, теперь всё равно», — думал он. Он въехал в то пространство, на котором более всего погибло людей, бегущих с Працена.

⁴ Ну, к чёрту (нем.).

⁵ На полях: обоз одних штабных, курящих и веселящихся денщиков. Тут, а Тут, ступай молотить.

Французы еще не занимали этого места, а русские, те, которые были живы или ранены, давно оставили его. На поле, как копны на хорошей пашне, лежало человек десять-пятнадцать убитых, раненых на каждой десятине места. Раненые сползались по два, по три вместе, и неприятные, иногда притворные, как казалось Ростову, крики и стоны увеличивались, когда он подъезжал к ним, как будто они хотели его разжалобить. Иные умоляли его помочь им, просили воды, иные кричали и ругались, иные стонали и хрипели. Несколько солдатиков, не раненных, заметил Ростов, которые сымали сапоги с убитых (сапоги драгоценность солдат), и рысью бежали прочь от страшного поля. Ростов не останавливался, не только не помогал, но и не глядел на всех страдающих людей, которые, косясь, обходила его лошадь. Он слишком боялся за себя, не за свою жизнь, а за то мужество, которое ему нужно было и которое, он знал, не выдержит вида этих несчастных. Он не боялся, но внутренний инстинкт, как и у всех людей на войне, заставлял его быть не только невнимательным и равнодушным к этим страданиям, но инстинкт этот застилал от него всё окружающее так, что к смерти и страданиям всей этой тысячи людей он испытывал меньше участия, чем к зубной боли товарища в спокойную минуту.

Французы, переставшие стрелять по этому усеянному мертвыми и ранеными полю, потому что уже никого на нем живого не было, увидав едущего по нем адъютанта, вероятно, для шутки или для препровождения времени навели на него орудие и бросили несколько ядер. Чувство этих свистящих страшных звуков и окружающие мертвецы слились для Ростова в одно впечатление ужаса и сожаления к себе. Ему вспомнилось последнее письмо матери. «Что бы она почувствовала, — подумал он, — коли бы она видела меня теперь здесь, на этом поле, и с направленными на меня орудиями». Ни одно ядро не попало в него. Он благополучно доскакал до Гостирадека. Там были, хотя и спутанные, но в большом порядке русские войска, [всё было] уже [Ростов отдохнул и опомнился. Никто] не долетали французские ядра и звуки стрельбы казались вдали. Здесь всё уже ясно видели и говорили, что сражение проиграно. «Сражение проиграно, но, по крайней мере, я цел и жив», — подумал Ростов. Славу богу. Однако надо исполнить поручение». К кому он ни обращался, никто не мог сказать ему ни где был государь, ни где был Кутузов, но посоветовали ехать влево за деревню, там видели кого-то из высшего начальства. Проехав еще версты три и миновав последние русские войска, налево около огорода, окопанного канавой, Ростов увидал двух стоящих против канавы всадников. Один с белым султаном на шляпе казался генералом и показался почему-то знакомым Ростову, другой, незнакомый всадник, на прекрасной рыжей лошади подъехал к канаве, толкнул лошадь шпорами и, выпустив поводья, легко перепрыгнул через канаву огорода. Только земля осыпалась с насыпи от задних копыт лошади. Круто повернув лошадь, он опять назад перепрыгнул и почтительно обратился к всаднику с белым султаном, очевидно, предлагая ему сделать то же. Всадник, которого фигура, показавшись знакомою Ростову, почему-то невольно приковала его к себе внимание, сделал отрицательный жест головой и рукой, и по этому жесту Ростов мгновенно узнал своего идола — обожаемого государя. [Нет, он был не ранен. Он был цел и невредим. И вот.] Но это не мог быть он, один, среди этого пустого поля. Но в это время Александр повернул голову, и Ростов узнал так живо <врезавшиеся> в его памяти любимые черты. Государь был бледен, щеки его впали, и глаза ввалились, но тем больше прелести, кротости, казалось Ростову, было в его чертах. Ростов был счастлив, убедившись в том, что слух о ране государя был несправедлив. Он был счастлив, что видел его и что мог, даже должен был прямо обратиться к нему и говорить с ним, что составляло высшую цель его желаний. Но, как влюбленный юноша дрожит и млеет, не смея сказать того, о чем он мечтает ночи, и испуганно

оглядывается, ища помощи или возможности отсрочки и бегства, когда наступила желанная минута и он стоит наедине перед нею, так и Ростов теперь, достигнув того, чего он желал больше всего на свете, не знал и не смел, как подступить к государю, и ему представлялись тысячи соображений, почему это было неудобно, неприлично и невозможно.

«Как! Я как будто рад случаю воспользоваться тем, что он один и в унынии. Ему неприятно и тяжело может быть показаться неизвестному лицу в эту минуту печали, и потом, что я могу сказать ему теперь, когда при одном виде его у меня замирает сердце и пересыхает во рту». Ростов забывал все те бесчисленные речи, которые он, с тех пор как получил страсть к государю, мысленно говорил ему в уединении ночей своей лагерной жизни. Но те речи большею частью держались совсем при других условиях, те говорились большею частью в минуты побед и торжеств и преимущественно на смертном одре от полученных ран, в то время как государь благодарил его за геройские поступки, и он, умирая, подтвержденную на деле, высказывал ему любовь свою. «Потом, что же я буду спрашивать государя об его приказах на правый фланг, тогда, как я так далеко заехал, что до ночи не успею вернуться. Нет, решительно, я не должен подъезжать к нему. Это может показаться предлогом назойливости. Лучше умереть тысячу раз, чем получить от него дурной взгляд, дурное мнение». И с грустью и с отчаянием почти в сердце Ростов поехал шагом и беспрестанно оглядываясь. Ростов не расчел того, что важнее всех его соображений было одно, которого он не сделал. Государь был измучен, болен, опечален и один. Ему просто нужна была помощь, хоть для того, чтобы перейти канаву, которую он не решался заставить перепрыгнуть свою лошадь, для того, чтобы просто послать отыскать свою коляску и своих адъютантов.

В то время как Ростов делал эти соображения и печально отъезжал от государя, лифляндский немец граф Толь, тот самый, который переводил диспозицию накануне сражения, случайно наехал на то же место, не делая никаких соображений, прямо подъехал к государю, предложил ему свои услуги, помог перейти пешком через канаву, перевел его лошадь, и когда государь устал и сел под яблочное дерево, остановился подле него. Ростов издали с завистью и раскаянием видел, как Толь что-то долго и с жаром говорил государю, как государь, видимо, заплакав, закрыл глаза рукою, и пожал руку Толю. И это я мог бы быть на его месте», — подумал про себя Ростов и поехал дальше в совершенном отчаянии, сам не зная куда и зачем он ехал. [Но тут он увидал истинное страдание, устыдился себя, и весь строй мыслей его переменялся. Как <1 нрзб> тени на стене, двигались перед ним фигуры. Он ехал туда, где слышалась стрельба, и к вечеру доехал к <1 нрзб> прудам, в которых погибла большая часть русского войска под Аустерлицом.] Его отчаяние было тем больше, что он чувствовал, его собственная слабость была причиной его горя. Он мог бы, не только мог бы, но он должен был подъехать к государю. И это был единственный случай показать государю свою преданность. И он этим не воспользовался... «Что я наделал!» — подумал он. И, повернув лошадь, поехал назад к тому месту, где видал императора. Но никого уже тут не было. Только [шли] ехали повозки и экипажи. От одного фрейтора он узнал, что Кутузовский штаб находится неподалеку в деревне, куда шли обозы. Ростов поехал за ними. Впереди его шел берейтор, ведя лошадей. За берейтором ехала повозка, и за повозкой шел старик, вероятно, повар, с кривыми ногами.

— Тит, а Тит, — говорил берейтор.

— Что, — рассеянно отвечал повар.

— Стулай молотить.

— Э, дурак. Тыфу!

Проходило еще несколько времени молчаливого движения и повторялась опять та же шутка.

〈XVI〉

В пятом часу вечера сражение было проиграно на всех пунктах. Пржебышевский со своим корпусом уже положил оружие. Пермский полк, окруженный со всех сторон неприятелем, потеряв убитыми, ранеными и пленными 5 штаб- и 39 обер-офицеров, 1684 нижних чинов и лишившись 6 орудий, был совершенно уничтожен. Остатки войска Ланжерона и Дохтурова, смешавшись, теснились около прудов на плотинах и берегах у Аугеста. В 6-м часу, однако, на этом пункте только еще слышалась жаркая канонада, почти одних французов, выстроивших многочисленные батареи на спуске Праценских высот и с одной целью нанесения большего вреда бивших без промахов по сплошной массе столпившихся у прудов русских — больше чем на пространстве четырех квадратных верст. Русские отвечали мало: большая часть их орудий спешила вперед, увязая на плотинах и проваливаясь на слабом льду. В арьергарде Дохтуров, собирая батальон, отстреливался и выдерживал атаки французской кавалерии настолько твердо и успешно, что атаки эти скоро прекратились, тем более, что день клонился к вечеру, начинало смеркаться и что больше и полнее нельзя было выиграть сражения. Весь ужас дня был ни на Праценских высотах, усеянных недобранными ранеными и убитыми, ни в колонне Пшжебышевского, где со слезами злобы на глазах, окруженные своими мертвыми и ранеными, складывали оружие по приказанию француза, ни в сердцах людей, которые не насчитывались более половины своих товарищей, даже ни в душе государя, который униженный, мучимый раскаянием и состраданием, физически больной, один с своим берейтором, остановившись без помощи, с внутренним жаром в теле и с непокидающим его впечатлением смерти и страдания не в силах ехать далее останавливался в селении Уржиц и ложился в крестьянской избе на соломе, тщетно ожидая физической помощи своим страданиям, хоть капли вина, которой не могли достать для него и в которой было отказано ему от придворных императора Франца, находившегося в таком же положении. Не тут был весь ужас дня. Весь ужас дня выказался на узкой плотине Аугеста, на которой столько лет мирно сжижал в колпаке старичок немец, удя рыбу с своим внуком, который, засучив рукава рубашки, перебирал в лейке серебряную трепещущую рыбку, — на той плотине, по которой столько лет мирно подъезжали на своих парных возах, нагруженных пшеницей, в мохнатых шапках и синих куртках моравы и запыленные мукой, с белыми возами уезжали по той же плотине, до такой степени загороженной теперь пушками и солдатами, что не было места у колеса, под стянутой под брюхом лошади, где бы ни пролезал солдат и не было ни одного лица, на котором не отпечатывалось бы унижительное забвение всех человеческих чувств и законов и сознание одного чувства эгоистического самосохранения. На этой плотине [Ростов видел] [Только что он выехал на нее] происходило ужасное. Позади у въезда на плотину слышался голос офицера, так решительно и повелительно кричавшего, что все ближайшие невольно обратили на него внимание. Офицер стоял на льду озера и кричал, чтобы орудия и солдаты шли на лед, что лед держит.

— И сами завязните и других и себя погубите, — кричал он, ступая по льду. Лед действительно держал его.

В эту же минуту [он заметил того самого генерала, который представил под Брауна] [он заметил того самого генерала, который спорил с его командиром под Шенграбенем] тот самый генерал, который представил под Брауна, стоявший верхом у въезда, поднял руку и раскрыл рот, как вдруг одно из ядер так низко засвистело над толпой, что все нагнулись [и багро], что-то шлепнулось, и генерал охнул и упал в лужу крови. [Толпа несла Ростова по плотине мимо самого убитого генерала] Никто не взглянул на генерала, не только не подумал поднять его.

— Пошел на лед! Пошел по льду! Пошел! Вороти! Аль не слышишь! Пошел!

Вдруг, после ядра, попавшего в генерала, послышались бесчисленные голоса, как это всегда бывает в толпе, сами не зная что и зачем кричавшие. Одно из задних орудий, вступавшее на плотину, своротило на лед, толпы солдат мгновенно с плотины рассыпались по льду. Под одним из передних солдат треснул лед и одна нога ушла в воду, он хотел оправиться и провалился по пояс, ближайшие солдаты замялись, орудийный ездовой остановил свою лошадь, но сзади все еще слышались крики: «Пошел на лед, что стал, пошел!» Солдаты, окружавшие орудие, махали на лошадей и били их, чтобы они подвигались. Лошади тронулись. Лед рухнул огромным куском, и все бросились вперед и назад, потопляя один другого с отчаянными криками, которых никто не мог слышать.

— Братцы! Голубчики! Отцы родные! — кричал, отплеываясь, пехотный старичок офицер [с багровым] [с прыщами покрытым] с повязанной щекой, провалившийся с головой и вынырнувший на поверхность, он ухватился за край льда, опираясь на него локтями и подбородком, вот-вот надеясь выбраться, но тут на офицера набежал солдат, наступил ему на плечи, потом его волочил и сам провалился. И потом набежали другие солдаты, проваливались и, стараясь выбраться, безжалостно топили один другого. А сзади всё слышались выстрелы, слышанные целый день, и по озеру и над озером пролетали ядра, увеличивая смятение и ужас.

<XVII>

На Праценской Горе, на том самом месте, где он упал с знаменем в руках, лежал князь Андрей Болконский, истекая кровью, и, сам не зная того, стонал тихим, жалостным и детским стоном¹. Мимо самого его прозвучало что-то. Он открыл глаза, сам не ожидая в себе этой силы, услышал свой стон и прекратил его. Перед его глазами были [серые] ноги серой лошади. Он с усилием взглянул выше и увидел над собою человека в треугольной шляпе и сером сюртуке с счастливым, но вместе с тем безучастным лицом. Человек этот внимательно смотрел вперед. Князь Андрей стал смотреть туда же и увидел Аугестские пруды и <дальше?> картину движения русских по плотинам и льду, которая представлялась с горы красивой движущейся панорамой. Человек этот был Бонапарт. Он отдал приказание артиллеристам и поглядел вниз направо. Князь Андрей следил за направлением его взгляда. Бонапарт смотрел на убитого русского солдата, он смотрел внимательно просто на это тело с тем же безучастным выражением, с которым он смотрел на живых, ему как будто бы нужно было что-то спросить у этого мертвеца, но он ничего не сказал, но внимательно осмотрел его и даже подвинулся к нему. У русского солдата не было головы, только красные волокна мяса тянулись из шеи, и засохшая трава была вся улита кровью, рука этого солдата с странным спокойным жестом согнутыми пальцами спокойно держалась за пуговицу шинели. Наполеон спокойно отвернулся опять к полю сражения.

— Прекрасная смерть, красивый мужчина, — сказал он, глядя на плотину Аугеста и опять поворотившись к трупу². — Скажите, чтобы 20 батарея стреляла одними ядрами. — Один из адъютантов поскакал исполнять приказание. Наполеон обернулся налево и, заметив лежавший с сброшенным подле него древком знамени князя Андрея³. Знамя уже поднял и снес как трофей какой-то французский солдат.

— Вот молодой человек, который хорошо умер, — сказал Наполеон, и, всё не забывая вместе с тем, он тут же отдал приказание передать Ллану, чтобы он подвинул к ручью дивизию Фриана.

¹ На полях: *Болконский лежит и слышит, что этого (1 прзб).*

² На полях: *Князь Андрей не слышит и оживает на перевязочном пункте.*

³ Так в автографе.

Болконский слышал всё, что говорил Наполеон, стоя над ним, он слышал похвалу, отданную ему Наполеоном, но он был так же мало взволнован ею, как ежели бы муха прожужжала над ним; ему жгло грудь, он чувствовал, что исходит кровью, и он видел над собою далекое, высокое и вечное небо. (Он думал в эту минуту с такою ясностью и правдой о всей своей жизни, с которой он не думал со времени своей женитьбы.) Он знал, что это был Наполеон — его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь ничтожным человеком, в сравнении с тем, что происходило теперь между им, его душой, и этим высоким бесконечным небом с быстро бегущими по нем облаками. Ему было совершенно все равно в эту минуту, кто бы ни стоял над ним, что бы ни говорили об нем, — он рад был тому, что остановились над ним и желал только одного, чтобы эти люди помогли ему и возвратили бы его к жизни, которую он так иначе понимал теперь, которую он так сильно любил теперь и так иначе намерен был употребить, ежели ему будет дана судьбой эта возможность; он собрал последние силы, чтобы пошевелиться, и сделал слабое движение ногой, которое невольно вырвало у него стон от боли.

— Поднять этого молодого человека и свести на перевязочный пункт, — и Наполеон отъехал дальше навстречу к маршалу Лану, который, поздравляя с победой, подъезжал к Буонапарте.

Князь Андрей не помнил ничего дальше, он потерял сознание от страшной боли, которую причинило ему укладывание на носилки, толчки во время движения и сондирование раны на перевязочном пункте. Он очнулся уже потом, в конце дня, когда его, соединив с другими русскими ранеными и пленными офицерами, понесли в госпиталь. Первые слова, которые он услышал, когда очнулся, — были слова французского конвойного офицера, который поспешно говорил:

— Надо здесь остановиться, он сейчас проедет, ему доставит удовольствие видеть этих пленных господ.

— Нынче так много пленных, чуть не вся русская армия, что ему, вероятно, это наскучило, — сказал другой офицер⁴.

— Ну, однако! Этот, говорят, командир всей гвардии императора Александра, — сказал первый, указывая на русского офицера в белом кавалергардском мундире, которого Болконский тотчас же узнал за князя Репнина. Он его встречал в петербургском свете. Рядом с ним стоял другой юноша, кавалергардский офицер. Оба были ранены и оба, видимо, старались иметь достойный и печальный вид. «Точно не всё равно», — подумал князь Андрей, взглянув на них. В это время подъехал верхом Буонапарте. Он, улыбаясь, говорил что-то ехавшему подле него генералу.

— А, — сказал он, увидав пленных. — Кто старший?

Назвали полковника — князя Репнина.

— Вы командир кавалергардского полка императора Александра? — спросил у него Наполеон.

— Я командовал эскадроном, — отвечал князь Репнин.

— Ваш полк честно исполнил долг свой, — сказал Наполеон.

— Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату, — было ему отвечено.

— С удовольствием отдаю ее вам, — возразил Наполеон и спросил: — Кто этот молодой человек подле вас?

Князь Репнин назвал поручика Сухтелена, едва выходившего из юношеских лет.

Посмотрев на него, Наполеон сказал, улыбаясь: — Он слишком молодым вздумал помериться с нами.

— Молодость не мешает быть храбрым, — смело и выразительно отвечал Сухтелен,

⁴ На полях: Князь Андрей слышит, что сражение проиграно везде. Он думает: «Я всё сделал, что от меня зависело, и всё-таки ничего. Но в плену, (а судили?) лучше, чем в России».

— Прекрасный ответ,— сказал Наполеон.— Молодой человек, вы далеко пойдете.

Князь Андрей, для полноты трофея пленников выставленный также вперед на глаза императору, не мог не обратить его внимания. Наполеон, видимо, узнал его, и, обращаясь к нему, он, употребив то наименование молодого человека, под которым он в первый раз отразился в его памяти.

— Ну, а вы, молодой человек,— обратился он к нему,— как вы себя чувствуете, мой храбрый?⁵

Несмотря на то, что за пять минут перед этим, князь Андрей, хотя и через силу, мог сказать несколько слов, он теперь, прямо устремив свои глаза на Наполеона, молчал. Он думал опять о том высоком небе, которое он видел, когда упал. Ему так ничтожно казалось всё настоящее в эту минуту. Так глупы казались все эти напыщенные, неестественные разговоры Репнина и Сухтелена, так мелок и ничтожен казался ему сам герой его, теперь видимый вблизи и потерявший эту ореолу таинственности, неизвестности, так ничтожен казался он ему с этим мелким тщеславием в сравнении с тем высоким небом. Да и всё казалось бесполезно и ничтожно в сравнении с тем строгим и величественным строем мысли, который вызывали в нем ослабление сил от истекшей крови, пережитое страдание и близкое ожидание смерти. Он думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих. Об этом думал князь Андрей, молча глядя в глаза Наполеона. Император, не дождавшись ответа, отвернулся и, отъезжая, обратился к одному из начальников.

— Пусть позаботятся об этих господах и сведут их в мой бивак, пускай мой доктор Ларей осмотрит их раны. До свидания, князь Репнин,— и он, тронув лошадь, галопом поехал дальше. На лице его было счастье и радость влюбленного 13-летнего мальчика.

Солдаты, принесшие князя Андрея и снявшие с него попавшийся им золотой образок, навешанный на брата княжною Марьею, увидав ласковость, с которой обращался император с пленными, поспешили возвратить образок. Князь Андрей не видал, кто и как надел на него, но на груди его вдруг очутился образок на той же мелкой золотой цепочке.

— Хорошо бы это было,— подумал князь Андрей, взглянув на этот образ, который с таким чувством и благоговением навесила на него сестра,— хорошо бы это было, ежели бы всё было так ясно и просто,— как оно кажется милой, бедной и доброй княжне Марье. Как хорошо было бы знать, где искать помощи в этой жизни, и знать, что нам верно объяснено ее значение, и находить помощь даже в смерти, твердо зная, что будет там, за гробом. Но для меня и теперь, когда я умираю, нет в этом ничего верного, кроме ничтожества всего мне понятного и величия чего-то, чего-то непонятного, но важнейшего.

Носилки тронулись. При каждом толчке он опять чувствовал невыносимую боль, лихорадочное состояние усиливалось, и он начинал бредить⁶. Те мечтания о тихой семейной жизни, об отце, жене, сестре и будущем сыне, то раскаяние в отношении жены и нежность, которую он испытывал в ночь накануне сражения, составляли главное основание его горячечных представлений. Тихая жизнь и спокойное семейное счастье в Лысых Горах манили его к себе, он уже достигал этого успокоения, когда вдруг являлся маленький Наполеон с своим холодным, покровительственным и счастливым несчастьем других взглядом, жег в груди, мучая,

⁵ На полях: Князь Андрей очнулся. Он умирает в поражении. Он не так счастлив, как Бонапарт. Бонапарт — герой, но он ненавидит его. Искаженный злобой взгляд.

⁶ На полях: Он умирает, а жена, сын, отец. Они дороги и милы ему. Личное только правда.

тянул и лишал его, Болконского, всего того, что было успокоение и счастье.

Скоро все мечтания смешались и слились в массу, мраке беспамятства и забвения, которые гораздо вероятнее, по мнению самого Ларей, должно было⁷ разрешиться смертью, чем выздоровлением.

— C'est un sujet nerveux et bilieux, — сказал Ларей, — il n'en réchappera pas⁸.

(XVIII)

В начале 1806 года Nicolas Ростов вернулся в отпуск. Ночью он [подъехал] подъезжал на перекладных саниах к освещенному еще дому на Поварской. В.¹ Денисов ехал тоже в отпуск и Nicolas уговорил его ехать с собой и остановиться в доме отца. В. Денисов спал в саниах после перепоя в последней ночи.

«Скоро ли? Скоро ли? О эти несносные улицы, лавки, калачи, фонари, извозчики», — думал Nicolas, на саниах подаваясь вперед, [и помогая] как бы помогая этим лошадям. — Денисов, приехали! — «Спит. Вот он угол, перекресток, где Захар извозчик стоит, вот он и Захар, и всё та же лошадь. Вот и лавочка, где пряники покупали. Скоро ли? Ну!»

— К какому дому? — спросил ямщик.

— Ну, да [наш дом] это наш дом. Да, к этому дому, к большому. Как ты не видишь? Это наш дом.

— Денисов! — Что? — Приехали. — Ну, хорошо.

— Дмитрий, — обратился он к лакею на козлах. — Это у нас огонь?

— У папеньки в кабинете. Еще не ложились.

— Смотри же не забудь, достань мне новую венгерку. Может, кто есть. — И Ростов пощупал усы. Они были целы. — Ну, всё хорошо. Ну, же пошел. И не думают, что мы приехали.

— То-то, ваше сиятельство, заплачут, — сказал Дмитрий.

— Да, ну три целковых на чай. Пошел. — Ну же, пошел! — кричал он ямщику. — Да проснись же, Вася, — обращался он к Денисову, который опять завалился.

— Да ну же, пошел, три целковых на чай, пошел!

Nicolas выскочил из саней, уже входил в грязные барские сени, а дом так же стоял неподвижно, нерадушно. Никто не знал, не встретил. Старик Михайла вот, в очках, сидит и вяжет из покровок лапти.

«Боже мой! Всё ли благополучно! Батюшки, не могу, задохнулся», — подумал Nicolas, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Михайла! Что ж ты!

— Батюшки, светы! — вскрикнул Михайла, узнав молодого барина. — Господи Иисусе Христе, что ж это? И Михайла задрожал от волнения, бросился в дверь, опять назад и припал к плечу Nicolas.

— Здоровы?

— Слава богу. Сейчас только поужинали.

— Поди проводи, там [товарищ].

На цыпочках побежал Nicolas в темную большую залу. Всё то же, те же ломберные столы, те же трещины на стенах, та же люстра [загаженная] грязная. Девка одна уже видела Nicolas и не успел добежать Nicolas до гостиной, как что-то стремительно, как буря вылетело из боковой двери и обняло его. Еще другое, третье. Еще поцелуй, еще слезы, еще крики.

— А я-то не знал... Коко! Друг мой Коля! Вот он... Наш-то... Как переменялся! Свечи, чаю!

⁷ Так в автографе.

⁸ Это человек нервный и желчный, он не выздоровеет.

¹ Здесь и далее в автографе (Рукопись 103) Софья Андреевна, переписывая текст, раскрыла В. Денисов как Васька (прим. составителя).

- Со мной Денисов.
- Прекрасно.
- Да меня-то поцелуй.
- Душенька. Маман. Графинюшку приготовить.

Соня, Наташа, Петя, Анна Михайловна, Вера, старый граф обнимали его, и люди, и горничные, кричали и ахали. Петя повис на его ногах. — А меня-то.

Наташа, отскочив от него, после того как она, пригнув его к себе, расцеловав всё его лицо, держась за полу его венгерки, прыгала, как коза, на одном месте и визжала. Со всех сторон были блестящие слезами радости любящие глаза, со всех сторон были губы, искавшие поцелуя. Соня, красная, как кумач, тоже держалась за его руку и вся [казалось] сияла в блаженном взгляде, устремленном в его глаза. Но он через них всё еще ждал и искал кого-то. И вот послышались шаги в дверях. Шаги такие быстрые, что это не могли быть шаги его матери. Но это была она, в своем новом [платье], незнакомом, сшитом, верно, без него платье. Она побежала, падая, и упала [на него], рыдая, на грудь сына. Она не могла поднять лица и только прижимала его к холодным шнурам его венгерки.

[В это время заспанный Денисов был введен в залу. — Вот он! — закричали, обступая его. — Милости прошу любить и жаловать. — И те же счастливые восторженные лица обращались к нему и опять к Ростову. Денисов проснулся и смотрел на мать и сына.]

Денисов, который незамеченный стоял тут же, стал потирать себе глаза, которые должно быть отпотели от холода.

— Папенька, друг мой Денисов.

— Милости прошу. Знаю, знаю.

Те же счастливые, восторженные лица обратились на мохнатую, черную фигушку Денисова и окружили его. [Денисова отвели в приготовленную для сына комнату, а семейные пошли в графинин кабинет.]

— Голубчик Денисов! — взвизгнула Наташа, не перестававшая <бесноваться?> — Славу богу! И как только обратили на него внимание, подскочила к Денисову, обняла и поцеловала его. Все [ужаснулись], даже сам Денисов, сконфузился поступку Наташи. Но Наташа была в таком восторге, что она только гораздо позже поняла неприличность своего поступка.

Денисова отвели в приготовленную для него комнату, а Ростовы долго не спали. Они сидели, столпившись вокруг него, не спуская с него восторженно-влюбленных глаз, ловили каждое его слово, движение, взгляд. Старая графиня не выпускала его руку и всякую минуту целовала ее. Остальные спорили и перехватывали места друг у друга поближе к нему и дрались за то, кому принести ему чай, платок, трубку и...

На другое утро приезжие [спали] с дороги, спали до 10-го часа. В комнате их было душно, нечисто, в предшествующей комнате валялись сабли, сумки, тапки, раскрытые чемоданы, грязные сапоги. Вычищенные две пары с шпорами только что поставлены у стенки. Слуги приносили умывальники, горячую воду и вычищенные платья. Пахло табаком и мужчинами.

— Эй, Гришка, т'убку! — крикнул хриплый голос В. Денисова. Ростов, вставай!

Nicolas, протирая слипавшиеся глаза, поднял спутанную голову с жаркой подушки.

— А что, поздно? — И в то же время он услышал в соседней комнате [шёпот] шуршанье свежих платьев, шёпот девичьих, свежих голосов, и в чуть растворенную дверь ему мелькнуло что-то розовое, ленты, черные волосы, белые лица и плечи. Это были Наташа с Соней, которые пришли наведаться, не встал ли Ростов.

— Вставай, Коко! — послышался голос Наташи.

— Полно, что ты, — шептала Соня.

— Это твоя сабля? — кричал Петя. — Я взойду, и он отворил дверь. Девочки отскочили. Денисов с испуганными глазами спрятал свои мохнатые ноги в одеяло, за помощью оглядываясь на товарища. Дверь опять затворилась, и опять у нее послышались шаги и лепетанье.

— Коко, иди, выходи в халате сюда, — кричала Наташа.

Ростов вышел. — А вы свеженькие, умытые, нарядные какие, — сказал он.

— Моя, моя, — отвечал он Пете, пристававшему с вопросом о сабле.

Когда Nicolas вышел, Соня убежала, а Наташа, схватив его за руку, повела в соседнюю комнату. [Слушай, что я тебе скажу, как, пожалуйста]

— Это Соня убежала? — спросил Nicolas.

— Да, она такая смешная. Ты ей рад?

— Да, разумеется.

— Нет, очень рад?

— Очень рад.

— Нет, ты мне скажи. Ну поди сюда, садись.

Она усадила его и села подле него, [как будто ей что-то очень нужно было с ним говорить, но она ничего не сказала ему, а только делала самые странные вопросы] разглядывая его со всех сторон и смеялась [всему] при всяком слове, видимо, не в силах спокойно удерживать своей радости.

— Ах как хорошо, — говорила она. — Отлично. Послушай.

— Отчего ты меня спрашиваешь, рад ли я Соне, — спросил Nicolas, [улыбаясь] чувствуя, как под влиянием этих жарких лучей любви в первый раз через 1¹/₂ года в душе его [распускалось] и на лице распускалась та детская и чистая улыбка, которой он ни разу не улыбался, с тех пор как выехал из дома. Наташа не отвечала на его вопрос.

— Нет, послушай, — сказала она, — ты теперь ведь совсем мужчина? — сказала она. — Я ужасно рада, что ты мой брат. И все вы такие. — Она тронула его усы. — Мне хочется знать, какие вы. Такие ли, как мы?

— Отчего ты спрашивала...

— Да. Это целая история! Как ты будешь говорить с Соней? — ты или вы?

— Как случится, — сказал Nicolas.

— Говори ей «вы», пожалуйста, я тебе после скажу.

— Да что же?

— Ну, я теперь скажу. Ты знаешь, что Соня мой друг. Такой друг, что я руку сожгу за нее. Вот посмотри. — Она засучила свой кисейный рукав и показала на своей длинной, костлявой и нежной ручке под плечом, гораздо выше локтя (в том месте, которое закрыто бывает и бальным платьем), она показала красную метину. — Это я сожгла, чтоб показать ей любовь. Просто линейку разожгла на огне да и прижала.

Сидя в своей прежней бывшей классной комнате, на диване с подушечками на ручках, и глядя в эти отчаянно-оживленные глаза Наташи, Nicolas опять вошел [в эти интересы] в тот свой семейный, детский мирок и [понял ясно] сожжение руки линейкой для показания любви показалось ему не бессмыслицей, он понимал и не удивился этому.

— Так что же? — только спросил он.

— Мы, так дружны, так дружны! Это что, глупости — линейкой; но мы навсегда друзья, и я знаю, ежели она будет несчастлива, и я тоже, и я несчастлива. Она кого полюбит, так навсегда; а я этого не понимаю. Я забуду сейчас.

— Ну, так что же?

— Да, так она любит меня и тебя. — Наташа улыбнулась своей нежной, ласковой, освещающей улыбкой. [Но она не хочет, чтобы ты что-нибудь думал] Ну, ты помнишь, перед отъездом... Так она говорит, что

ты это всё забудь². Она сказала: «я буду любить его всегда, а он пускай будет свободен». [Соня боится, что тебе с нею неловко будет, помнишь, оттого, что что у вас было, как ты уезжал. Но это ничего.] Ведь, правда, что это, это отлично, отлично, благородно,— закричала Наташа.

— Я не беру назад своего слова,— сказал Никола.

— Нет, нет,— закричала Наташа.— Мы про это уже с ней говорили. Мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты отказываешься, то выходит, что она как будто нарочно это сказала. Выходит, что ты все-таки насильно на ней женишься, и выходит совсем не то.

Nicolas находился в нерешительности, что всё это было хорошо придумано ими, что отвечать своей маленькой сестре.— Я все-таки не могу отказаться от своего слова,— сказал он, но тон, которым он сказал эти слова, показывал, что он давно уже отказался от него.— Ах, как я тебе рад,— сказал он.— Ну, а что же ты Борису не изменила? — спросил Nicolas.

Разногласие двух друзей детства, так очевидно выразившееся в свидании во время похода, покровительственный, поучающий тон, который принимал Борис с своим приятелем, и немного, может быть, то, что Борис, только один раз бывши в деле, получил наград больше, чем Ростов, и обогнал его по службе, делали то, что Ростов, не признаваясь в том, не любил Бориса тем с большей силой, чем больше прежде он с ним был дружен. Кроме того, ежели Наташа разойдется с Борисом, это будет для него как бы оправданием в изменении его в отношениях с Соней, которые тяготили его тем, что это было обещание и стеснение свободы. Он, улыбаясь, как бы шутя, но внимательно следил за выражением лица сестры в то время, как сделал ей этот вопрос. Но Наташе в жизни ничего не казалось запутанным и трудным, особенно из того, что касалось ее лично. Она, не замешавшись, весело отвечала:

— Борис другое дело,— сказала она,— он твердый, но все-таки про него я скажу, что это было детское. И он может еще влюбиться, и я — она помолчала,— и я могу еще по-настоящему влюбиться. Да и влюблена.

— Да ты в Fezzoni была влюблена?

— Нет, вот глупости. Мне пятнадцатый год, уж бабушка в мою пору замуж вышла. А что Денисов хороший? — сказала она вдруг.

— Хороший.

— Ну, и прощай, одевайся. А какой страшный твой друг!

— Васька? — спросил Nicolas, желая показать свою интимность с Денисовым.

— Да. Что он хорош?

— Очень хорош.

— Ну приходи поскорее чай пить. Все вместе.

Встретившись в гостиной [опять] с Соней, Nicolas покраснел. Он не знал, как обойтись с ней. Вчера они поцеловались, но нынче [он поцеловал ее] они чувствовали, что нельзя было этого сделать, и он чувствовал, что все, и мать, и сестры, смотрели на него вопросительно и от него ожидали, как он поведет себя с нею. Он поцеловал ее руку и сказал ей «вы». Но глаза их любовно [«спокойно?】 и без тревоги и с счастьем и благодарностью высказались друг другу. Она просила своим взглядом у него прощенья за то, что в посольстве Наташи она смела напомнить ему о его обещании, и благодарила его за его любовь. Он своим взглядом благодарил ее за предложение свободы и говорил, что так ли иначе он не перестанет любить ее, потому что нельзя не любить ее. Денисов, к удивлению Ростова, в дамском обществе был оживлен, весел и любезен, каким он никак не ожидал его. Старый гусар оборожил всех в доме и особенно Наташу, [которую он звал волшебницей] которой он восхи-

² На полях: Nicolas в увлечениях света. Покорный сын. Раскрыты возможности всего и оттого неловко с Соней.

щался при всех, звал ее волшебницей и говорил, что его гусарское сердце ранено ею сильнее, чем под Аустерлицом. Наташа прыгала, [пела] задираала его и пела ему удивительные романсы, до которых он был большой охотник. Он писал ей стихи и забавлял весь дом и особенно Наташу своими шуточно-влюбленными отношениями, которые в душе его, может быть, не были совсем шуточными, к веселой 14-летней девочке. [Наташа была] [всё то же; но мать ее замечала, ужасалась] Наташа сияла счастьем, и видно было, как осязательно похвала и лесть возбуждали ее и делали ее более и более [обворожительной] привлекательной.

Вернувшись в Москву из армии, Nicolas Ростов³ был принят домашними — как лучший сын, герой и ненаглядный Коко; родными — как милый, и приятный, и почтительный молодой человек; знакомыми — как красивый гусарский поручик, милый певец, прекрасный танцор и один из лучших женихов Москвы. Знакомство у Ростовых была вся Москва, денег в нынешний год у старого графа было достаточно, потому что продан лес и перезаложено имение, и потому Nicolas, заведя своего собственного рысака и самые модные рейтузы, сапоги и серебром обшитый новый ментик, который более всего занимал его, вернувшись домой, испытал приятное чувство, после некоторого промежутка времени примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось, что он очень возмужал и вырос. Он с презрением вспоминал о венчании куклы с Борисом, о тайных поцелуях с Соней. Теперь он готовил рысака на бег. Носки у его сапог острые, такие, какие только у 3-х военных были в Москве. У него была знакомая дама на бульваре, куда он ездил поздно вечером. Он дирижировал мазурку на бале Архаровых, разговаривал о войне с фельдмаршалом Каменским, был на «ты» с старыми московскими кутилами. Он занят был большую часть времени своим рысаком и модной попоной, сапогами и перчатками по новой моде и новыми, всё новыми знакомствами с людьми, которые все были рады с ним знакомиться. Страсть его к государю теперь ослабела, так как он не видал и не имел случая видеть государя. Но воспоминание об этой страсти и о впечатлении Вишау и Аустерлица было одно из самых сильных, и он часто рассказывал о государе, о своей любви к нему, давая чувствовать, что он еще не всё рассказывает, что что-то еще есть в его чувстве к государю, которое не может быть всем понятно. Впрочем, в то время столь многие разделяли чувство Ростова, что он не мог забыть его и наименование данное в Москве Александру I — «Ангел во плоти» — часто повторялось им.

Обыкновенное впечатление его за это время пребывания в Москве было ощущение узкости лаковых новеньких гусарских сапог на ногах, новых замшевых перчаток на вымытых руках, запаха от фиксажура на выросавших усах или впечатление поспешности и впечатление ожидания [какой] чего-то очень веселого, и неосуществленного этого ожидания, и новые ожидания. Часто, когда он оставался дома, ему думалось, что грешно ему со всеми его прелестями так терять время, не давая никому ими пользоваться, и он всё торопился куда-нибудь ехать. Когда же он пропускал обед, вечер или холостую пирушку, ему казалось, что там-то, где он должен был быть, и случится то особенно счастливое событие, которого он как будто бы ожидал. Он много танцевал, много пил, много писал стишков в альбомах дамам и каждый вечер спрашивал себя, не влюблен ли он в ту или в эту, но нет, он не был влюблен ни в кого, еще меньше в Соню, которую он просто любил. И оттого не был влюблен, что был влюблен в самого себя.

³ На полях: *Он занят упряжью, одеждой по моде. Соня преданная приживалка.*

〈XIX〉

[3-го марта] [Через 3 дня] На другой день, 3-го марта, во 2-м часу пополудни 250 человек членов Аглицкого клуба и 50 человек гостей ожидали к обеду дорогого гостя и героя австрийского похода, князя Багратиона. В первое время получения известия об Аустерлице Москва приуныла, но в то время русские так привыкли к победам, что не могли верить тем страшным известиям, которые приходили из армии, и искали объяснений в каких-нибудь необыкновенных условиях, произведших это странное событие¹. В Аглицком клубе, где собиралось всё, что было знатного, имеющего верные сведения и вес, в декабре месяце, [невидны] в первое время получения известий, ничего не слышно было. Люди, дававшие мнения, как то: граф Ростопчин, князь Юрий Владимирович Долгоруков, Валуев, Марков, Вяземский, не показывались в клубе, а собирались по домам, в своих кружках, очевидно, обсуживая полученные известия, и москвичи, говорившие с чужих голосов, к которым принадлежал и граф Илья Андреич Ростов, оставались на короткое время без определенного суждения о деле войны. Они друг перед другом отмалчивались, отшучивались или робко высказывали слухи. Но через несколько времени, как присяжные выходят из совещательной комнаты, появились опять тузы, дававшие мнение в клубе, и опять всё заговорило ясно и определенно. Были найдены причины тому неимоверному, неслыханному и невозможному событию, что русские были побиты, и причины эти разбирались, придумывались и дополнялись во всех углах Москвы. Причины эти были: измена австрийцев, дурное продовольствие, измена поляка Пржебышевского и француза Ланжерона, неспособность Кутузова и, потихоньку говорили, молодость и неопытность государя, вверившегося дурным и ничтожным людям; но войска были необыкновенны и делали чудеса храбрости². Солдаты, офицеры и генералы — были герои. Но героем из героев был князь Багратион, прославившийся своим Шенграбенским делом и отступлением от Аустерлица, где он один не был разбит. Тому, что Багратион был выбран героем в Москве, содействовало и то, что он не имел связей в Москве, был чужой. В лице его отдавалась должная честь боевому, простому, без связей и интриг, русскому солдату, еще связанному воспоминаниями итальянского похода с именем Суворова, и в воздаянии ему таких почестей лучше всего показывалось [Кутузову желание] нерасположение и неодобрение Кутузову.

— Если бы не было Багратиона, il faudrait l'inventer³. Про Кутузова никто не говорил, и некоторые шепотом бранили старым, придворным вертушкой и сатиром. По всей Москве повторялись слова Долгорукова «лепя, лепя, и облепиться», утешавшегося в нашем поражении воспоминанием прежних побед, и слова Ростопчина, что французских солдат надо возбуждать к сражению высокопарными фразами, что с немцами надо логически рассуждать, убеждая их, что опаснее бежать, но что русских солдат надо только удерживать и просить: потише. Со всех сторон слышны были новые и новые рассказы об отдельных примерах мужества наших солдат и офицеров, — тот спас знамя, тот убил 5 французов, тот один заряжал 5 пушек. Говорили и про Берга те, которые не знали его, что он, раненный в правую руку, взял шпагу в левую и пошел вперед. Про Болконского ничего не говорили, и только близко знавшие его жалели, что он рано умер, оставив беременную жену и чудака-отца.

— 3-го марта во 2-м часу во всех комнатах клуба стоял стон разговаривавших голосов и, как пчелы на весеннем пролете, сновали взад-вперед,

¹ На полях: *Несвицкий сидел в клубе и был дома. Лучше бы ему и не ходить. Он старшина. Никто не спрашивал его о геройстве. Все знали, что это не по его части.*

² На полях: *Граф Ростопчин с патриотическими сочинениями. Карамзин.*

³ надо было бы выдумать его

сидели, стояли, сходились и расходились в мундирах, фраках и еще кое-кто в пудре и кафтанах члены и гости клуба. Пудренные, в чулках и башмаках, ливрейные лакеи стояли у каждой двери и напряженно старались уловить каждое движение особенно важнейших членов. Большинство были старые почтенные люди с широкими самоуверенными лицами и твердыми движениями. По уголку особо виднелась и молодежь, офицеры — красивый тонкий гусар Ростов с Денисовым. Они разговаривали с новым знакомцем Долоховым, которым были возвращены севастопольские эполеты. На лицах молодежи, особенно военной, было выражение того чувства презрительной почительности к старикам, которое говорило, что все-таки за ними будущность. Несвицкий был тут же, как старый член клуба, и Риегге был тут же, потолстевший в теле и осунувшийся в лице, и с усталым, почти несчастным, равнодушным взглядом стоял прямо посередине комнаты и, видимо, забыв отойти куда-нибудь к стороне. Около него, как и везде, окружала его атмосфера людей, преклонявшихся перед ним и его богатством, и он с привычкой царствования презрительно обращался с ними. По годам он должен бы был быть молодым, но по богатству, вероятно, он более обращался в кругу старых. Старики из самых значительных составляли центр кружков, к которым почитательно приближались даже незнакомые, чтобы послушать. Большие кружки составились около графа Растопчина и Нарышкина. Растопчин рассказывал про то, как русские были смяты бежавшими австрийцами и должны были штыками прокладывать себе дорогу сквозь беглецов.

— Да вот он, — он обратился к Долохову и подманил его к себе. Долохов подтвердил слова Растопчина.

В другом месте конфиденциально рассказывалось, что Уваров был прислан из Петербурга для того, чтобы узнать мнение москвичей об Аустерлице. В третьем Нарышкин рассказывал про заседание австрийского совета военного, в котором Суворов закричал петухом в ответ на глупости австрийских генералов. Шиншин, стоявший тут же, хотел пошутить, сказав, что Кутузов, видно, и этому нетрудному искусству — кричать по-петушину — не мог выучиться у Суворова, но старички строго поглядели на шутника, давая ему тем чувствовать, что здесь — и в нынешний день, и так — неприлично было говорить про Кутузова.

Граф Илья Андреич Ростов иноходью озабоченно, торопливо похаживал в своих мягких сапожках из столовой в гостиную, поспешно и совершенно одинаково здоровываясь с важными и неважными, которых он всех знал, но всё не забывал радостно взглянуть на своего стройного молодца сына. Он подошел к Долохову, пожал ему руку и, вспомнив о медведе, расхохотался.

— К себе милости прошу, вот ты с моим молодцом знаком... вместе, там вместе геройствовали... А! Василий Игнатьич...

В это время лакей с испуганным лицом бросился к графу.

— Пожаловали!

Раздались звонки; старшины бросились вперед; разбросанные в разных комнатах гости, как встряхнутая рожь на лопате, столпились в одну кучу в большой гостиной к дверям залы⁴.

Впереди всех шел Багратион без шляпы и шпаги, по клубному обычаю, и не в смушковом картузе, с нагайкой через плечо, как привык его видеть Nicolas Ростов, а в новом узком мундире с георгиевской звездой, подстриженный на висках (видимо, недавно, что изменяло невыгодно его физиогномию), припомаженный и неловкий, как будто ему привычнее было ходить по вспаханному полю (как он шел перед Курским

⁴ На полях: Ростов с Долоховым. Пьер морщится, рассеян, думает о стратегии. Долохов, друг Nicolas, обыгрывает его.

Ровно въ два часа пополудни, обыкновенное время обѣдовъ въ клубѣ, прѣѣхали: князь Багратионъ, градоначальникъ и генерал-адъютантъ Уваровъ, и вмѣстѣ вошли въ большую гостиную. Члены клуба, жадничая видѣть ближе героя, такъ столпились вокругъ его и въ дверяхъ, что старшины, предшествовавшіе ему и градоначальнику по обязанности, въ качествѣ хозяевъ, насили могли проложить имъ дорогу. Князь Багратионъ имѣетъ фizioномію чистогрузинскую: большой съ горбиною носъ, брови дугою, глаза очень-умные и быстрые, но въ тѣлодвиженіяхъ онъ показался мнѣ неочеловѣкимъ.

Лишь только отворили двери въ столовую, оркестръ заигралъ тотъ же вѣчный польскій, которымъ всегда начинаются танцы въ благородномъ собраніи: *Громъ победы раздавался!* а старшины поднесли князю на серебряномъ подносѣ привѣтныя стихи и тотчасъ же потомъ начали раздавать, или, вѣрнѣе, совать ихъ въ руки прочимъ присутствующимъ. Мнѣ досталось три экземпляра этого высокопарнаго произведенія Николева, въ которомъ разумѣется, не обошлось безъ Тита, Цезаря, Алкида и прочихъ нехристей. Вотъ послѣдніе стихи:

Славь, тако Александра вѣкъ
И охраняй намъ Тита на престолъ,

Будь купно страшный вожьдъ и добрый челоуѣкъ.
Рячей въ отчествѣ, а Цесарь въ бранномъ полѣ:
Да счастливый Наполеонъ,
Познавъ чрезъ опыты каковъ Багратионъ.
Не смѣетъ утруждать Алкидовъ россиянъ болѣ.

За обѣдомъ князь сидѣлъ между двумя Александрями: А. А. Беклешовымъ и А. Л. Нарышкинымъ, а противъ нихъ двое старшинъ, для угощенія. За Нарышкинымъ особенно ухаживали князья Цицановъ и Грузинскій и В. А. Всеволожскій, подчивая его то тѣмъ, то другимъ, и надобно отдать ему справедливость, что онъ не обижалъ ихъ отказомъ. Съ Уваровымъ не разставался красавецъ генералъ князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, племянникъ Суворова, командующій здѣсь какимъ-то полкомъ (чуть-ли не нашенбургскимъ).

Съ третьяго блюда начались тосты, и когда дежурный старшина, бригадиръ графъ Толстой, вставъ, провозгласилъ: «Здоровье государя императора!» всѣ, начиная съ градоначальника, встали съ мѣсто своихъ и собраніе разразилось такимъ громогласнымъ «ура», что, кажется, вострепенулся бы и мертвый, еслибъ въ толпѣ этихъ людей, одушевленныхъ такою живою любовью къ государю и отечеству, могъ находиться мертвецъ. За симъ послѣдовалъ тостъ въ честь князя Багратиона, и такое же громкое «ура» трижды опять огласило залу. Но, вмѣстѣ съ этимъ

С. П. ЖИХАРЕВ. ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОГО, ЧАСТЬ I. ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА. СПБ., 1859

Тексты из книги использовались Толстым в романе

полкомъ в Шенграбене), чем по паркету. На лицѣ его было что-то наивно-праздничное, дававшее в соединеніи с его твердой мужественной фizioноміей даже несколько комическое выраженіе его лицу. Беклешовъ и графъ Алексѣй Уваровъ шли сзади его и, какъ гостя, учтиво пропускали его вперед. Багратионъ смешался, не желая воспользоваться ихъ учтивостью, и наконецъ прошел. Старшины встретили его, сказавъ несколько словъ о радушии московскомъ, о дорогомъ гостѣ и т. п. и какъ бы завладевъ имъ, успокоившись, повернулись и повели в гостиную. Но въ дверяхъ не было возможности пройти отъ столпившихся, давившихъ другъ друга и черезъ плечи рассматривавшихъ героя, какъ редкаго зверя. Графъ Ильѣ Андреичъ, энергичнѣе всехъ смеясь и приговаривая: «мон снэг», протолкалъ толпу и провелъ гостей. Ихъ посадили, обступили тузы. Графъ Ильѣ Андреичъ протолкался, обегая опять черезъ толпу, и с другимъ старшиной черезъ минуту явился, неся большое серебряное блюдо, которое онъ поднесъ князю Багратиону. На блюде лежали стихи. Багратионъ, увидавъ блюдо, какъ бы прося спасенія и помощи, испуганно оглянулся, но, увидавъ, что его нѣтъ, взялъ блюдо решительно обеими руками и сердито, зло посмотрѣлъ на графа, какъ бы говоря: «Еще чего отъ меня хотите? Мучитель!» Кто-то услужливо вынулъ изъ рукъ Багратиона блюдо (а то онъ, казалось, намеренъ былъ держатъ его до вечера и такъ идти къ столу) и обратилъ его вниманіе на стихи. «Ну и прочту»,— какъ будто сказалъ Багратионъ и сталъ читать съ темъ сосредоточеннымъ и серьезнымъ видомъ, съ которымъ онъ читалъ полковые рапорты. Самъ сочинитель Николевъ взялъ стихи и сталъ читать. Князь Багратионъ склонилъ голову и слушалъ, какъ слушаютъ «Господи, помилуй» въ церкви.

Славь тако Александра век
И охраняй нам Тита на престоле,
Будь купно страшный вождь и добрый человек,
Рифей в отечестве, а Цесарь в бранном поле.
Да, счастливый Наполеон,
Познав чрез опыты, каков Багратион,
Не смеет угруждать Алкидов русских боле...

Но Николев не dokonчил стихи, как громогласный дворецкий провозгласил: «Кушанье готово!» Дверь отворилась, загремел из столовой польский: «Гром победы раздавайся, веселися грозный Росс», и граф Илья Андреич сердито посмотрел на Николева, продолжавшего «читать». Все встали, доказывая, что обед важнее стихов, и опять Багратион впереди всех пошел к столу. На первом месте, между двух Александров — Беклешева и Нарышкина, что тоже имело значение по отношению к имени государя, посадили Багратиона: 300 человек разместились в столовой так же естественно, как вода разливается там больше, где глубже. Кто поважнее, поближе к чествуемому гостю.

Перед обедом граф Илья Андреич представил князю своего сына, который, он твердо был уверен, был более герой, чем князь Багратион, и Багратион, узнав его, сказал несколько неловких слов, как и все, которые он говорил в этот день. Граф Илья Андреич, сияя, оглядывался, уверенный, что все так же рады, как и он, этому важнейшему, по его мнению, событию дня.

Nicolas Ростов познакомился в этот день с Долоховым. И этот странный человек поразил и привлек его, как и всех. Nicolas не отходил от него, и с ним вместе, благодаря представлению Багратиону, они сели ближе к центру. Напротив них сидел Риеге с своей свитой и князь Несвицкий. Граф Илья Андреич сидел напротив Багратиона с другими старшинами и утешивал князя Багратиона, олицетворяя в себе московское радушие. Труды его не пропали даром. Обеды, постный и скоромный, были великолепны, но совершенно спокоен он всё не мог быть до конца обеда. На втором блюде уже стали лакеи хлопать пробками и наливать шампанское. Граф Илья Андреич переглянулся с другими старшинами. «Много тостов будет, пора начинать!» — шепнул он и, взяв бокал в руки, встал.

— Здоровье государя императора! — провозгласил он, и в ту же минуту добрые глаза его увлажнились слезами, значение которых он не знал. Все встали, опять заиграли «Гром победы», и «ура» — закричало все, и Багратион закричал «ура» тем же голосом, каким он кричал на Шенграбенском поле. Восторженный голос Nicolas был слышен из-за всех 300 голосов. Он чуть не плакал. Выпив залпом свой бокал, он бросил его на землю. Многие последовали его примеру. Только что замолкли голоса гостей, и лакеи подобрали разбитую посуду, и все стали усаживаться и, улыбаясь своему крику, переговариваться на дальних концах стола, как опять поднялся граф Илья Андреич и провозгласил тост за здоровье героя князя Багратиона, и еще больше увлажнились его глаза. Опять закричали «ура» и вместо музыки послышались певчие, певшие кантату Павла Ивановича Кутузова:

Тщетны россам все преграды
Храбрость есть побед залог,
Есть у нас Багратионы,
Будут все враги у ног.

Только что кончили певчие, как последовали новые и новые тосты, при которых всё больше и больше проливал слезы граф Илья Андреич, и больше билось посуды, кричалось. Пили за здоровье Беклешева, На-

рышкина, Уварова, Долгорукого, Апраксина, Валуева, за здоровье старшин, за здоровье распорядителя, за здоровье всех членов клуба.

Piетге сидел против Долохова и Nicolas Ростова, и Nicolas не мог в душе не смеяться на ту странную фигуру, которую представлял этот молодой богач. Piетге, когда не ел, сидел, щурясь и морщась, глядя на первое попавшееся ему лицо, и с видом совершенной рассеянности ковырял себе в носу⁵. Он и прежде не имел вид ловкого молодого человека, но тогда, по крайней мере, он был добродушно весел, теперь же лицо его выражало апатию и усталость. Он был похож, на глаза Ростова, на идиота.

[Последнее время он слушал беспрестанно рассказы про войну, предмет, занимавший его теперь так же, как прежде политика, была стратегия. Он целые дни проводил в комнате над картами, делал военные соображения. Но прежде ежели он любил как умственное упражнение, разнообразившее его жизнь, свои чтения и мечтания, теперь он отдавался, как приятно отдался вину запоем. Он чувствовал, что что-то нехорошо, нечестно, не то в его жизни и, боясь исследовать эту жизнь, отворачивался от нее и спасался в этом стратегическом запое. Теперь, видя перед своими глазами Долохова, того человека, который напоминал ему больше чем кто-нибудь другой то, что в его жизни было что-то не то, он по привычке обращался к своему умственному запое.]

В ту минуту, как Nicolas, удивляясь на тупую фигуру, смотрел на него, Piетге рассуждал о том, что Аустерлицкое сражение было ведено неправильно, а что надо было атаковать правый фланг. Ростов, говоря с соседом, сказал в это время: «Уж никто лучше меня не видал во всех концах Аустерлицкое сражение».

— Скажите,— вдруг обратился к нему Piетге,— отчего же, когда центр наш был прорван, мы не могли поставить его меж двух огней⁶.

— Оттого, что некому было приказывать,— отвечал за Ростова Долохов.— Ты бы хорош был на войне,— прибавил он.

Ростов и Долохов засмеялись. Piетге поспешно отвернулся от них, думал [ковыряя в носу].

Когда пили здоровье государя, он так задумался, что не встал, и его сосед толкнул его. Он выпил бокал и встал, оглядываясь. Дождавшись, когда все сели, он сел, [взглядывая] взглянул на Долохова и покраснел. После официальных тостов, Долохов предложил Ростову тост за красивых женщин и с серьезным лицом, но с улыбающимся в углах ртом обратился к Piетг'у. Piетге рассеяннo выпил, не глядя на Долохова. Лакей, раздававший кантату Кутузова, положил листок Piетг'у, как более почетному гостю. Он хотел взять его, но Долохов выхватил из его руки и стал читать. [Дайте] Piетге нагнулся всем тучным телом через стол: — Дайте мне. Это неучтиво,— [сказал] крикнул он.— Полноте, граф,— шепнул сосед Безухову, знавший Долохова за бретера. Долохов удивленно посмотрел на Piетг'a совсем другими, светлыми, веселыми, жестокими, глазами с той же улыбкой, как будто он говорил: «а вот это я люблю».

— Не — дам,— проговорил он отчетливо.

Piетге вдруг засопел [носом], как будто рыдания подступили ему к горлу.

— Вы... вы... негодяй!.. я вас вызываю,— проговорил он, и ни сосед его, ни Несвицкой не могли удержать его. Он встал и вышел из-за стола. [Благодаря шуму конца обеда, немногие заметили эту сцену.] Тут же в клубе Ростов, который согласился быть секундантом, переговорил с

⁵ На полях: *Объяснение Пьера с женой. Разве весело с дураком мужем. Piетге всё пристрастник Бонапарта.*

Князь Андрей знакомит его с Шиллером и Гердером.

⁶ На полях: *Долохов знает грубость жизни, от этого побеждает в жизни. Долохов должен на слово 10 000 Безухову.*

Несвицким, секундантом Безухова, о условиях дуэли. Риегге уехал домой, а Nicolas с Долоховым до позднего вечера просидели в клубе, слушая песенников-цыган.

— Ему невыгодно, — сказал Долохов Ростову [когда они разъезжались]. У него 300 тысяч дохода и скандал во всяком случае, а мне славная вдовушка. Прощай, до завтра в Сокольниках. А мне чутье говорит что я его убью.

(XX)

На другой день в Сокольниках Риегге, такой же рассеянный, недовольный, морщась, смотрел вокруг себя на таящий снег и круги около голых деревьев и на секундантов, которые озабоченно размеряли шаги. Он имел вид человека, занятого какими-то соображениями, вовсе не касающимися до предстоящего дела. И действительно, с утра еще он раскрыл свои карты и сделал распоряжения нового Аустерлицкого сражения, по которому Наполеон был разбит. Он не только не прощался с женою или с кем-нибудь, он по привычке увлекался умственной работою, стараясь забыть про настоящее, только редко вспоминал, что он нынче стреляется с известным стрелком из пистолета и бретером, а сам не умеет стрелять. Приехавший Несвицкий <живо> напомнил ему предстоящее и стал, повторяя вчерашнее, доказывать ему, что он был неправ и, главное, нерасчетлив, вызывая такого стрелка, как Долохов, и давая ему 1-й выстрел.

— Я не хочу вмешиваться, но вообще это глупо, — сказал Несвицкий.

— Да, ужасно, ужасно глупо, — морщась и почесываясь, сказал Риегге.

— Только позволь мне, я так это устрою, — радостно вскакивая, сказал некроважный Несвицкий.

— Что устрою? — спросил Риегге. — Ах, да, дуэль. Нет что ж, всё равно, — прибавил он, — они уже приготовились.

Когда на месте секунданты делали последнюю классическую попытку примирения, Риегге молчал, думал о другом.

— Вы мне скажите только, как, куда ходить, стрелять куда.

Когда сказали, он, добродушно и рассеянно улыбаясь: — Я ведь этого никогда не делал. — И он стал расспрашивать об способе спуска и любовался остроумной выдумкой Шнеллера. Он никогда до сих пор не держал в руках пистолета. Долохов, весело улыбаясь ртом, и светло, и строго смотрел наглыми, прекрасными голубыми глазами.

— Не хочу первого выстрела, — сказал он, — что его, как цыпленка, застрелить. И так всё на моей стороне. — Ростов, как неопытный секундант, согласился, радуясь на великодушие своего нового друга.

Им подали пистолеты и велели сходить на 15 шагов до 20-ти, стреляя кто когда хочет.

— Так и сейчас можно выстрелить? — спросил Риегге.

— Да, как дойдешь до барьера.

Риегге взял своей большой пухлой рукой пистолет осторожно и робко, видимо, боясь не убить себя и, поправив очки, пошел к дереву. Только что он подошел, он, не целясь, [поднял пистолет и весь вздрогнул и шатнулся от звука выстрела] поднял пистолет, выстрелил и весь вздрогнул. Он даже пошатнулся от звука своего выстрела, потом улыбнулся сам своему впечатлению. Долохов упал, уронив пистолет. — Вот дурацкая, — крикнул он сквозь зубы и, схватившись одной рукой за бок, из которого шла кровь. Риегге подбежал к нему. — Ах, боже мой, — проговорил он, становясь перед ним на колени. Долохов оглянулся на него, [страшно] нахмурился и указывая на пистолет: «Подай». Ростов подал ему. Долохов сел на задницу. Левая рука была вся в крови, он обтер ее об сюртук и оперся ею. — [Пожалуйста, — сказал он] [Нет, еще не умру, — проговорил он.] Пожалуйста, проговорил он Riegg'u. — Пожалуйста к [барьеру] к бар...

Piëtte поспешно, с учтивым желанием не заставить его ждать, пошел и стал прямо против Долохова в 10 шагах от него.

— Боком, закрой пистолетом грудь, грудь,— кричал Несвицкой, зажимуясь и открывая глаза. Piëtte стоял, с неопределенной улыбкой сожаления глядя через очки на Долохова. Долохов поднял пистолет, углы губ его всё улыбались, глаза блестели усилием и злобой последних собранных сил. Несвицкий и Piëtte зажмурились. В одно и то же время они услышали выстрел и отчаянный злой крик Долохова.

— Чёрт ее возьми, дрогнула! Несите! Несите!

Piëtte повернулся [назад и, сморщившись], хотел подойти, но потом раздумал и сморщенный пошел к своей карете. Всю дорогу он что-то бурчал, но ничего не отвечал на вопросы: «что» Несвицкого.

«XXI»

Piëtte виделся последнее время с женой лишь по ночам, либо при гостях, которые у них бывали полон дом и в Петербурге и в Москве. В ночь с 4-го на 5 марта он не пошел спать к жене и остался в своем огромном, отцовском, том самом, в котором умирал старый граф, кабинете¹. Он лег, но не спал целую ночь и взад и вперед ходил по кабинету. [Так же как прежде он отгонял от себя впечатления и мысли настоящего, так он теперь, по привычке вспоминая о своих стратегических занятиях, он отгонял их и думал об одном страшном настоящем, стараясь вполне теперь понять его.] Лицо Долохова страдающее, умирающее, злое и всё с притворностью какого-то молодечества, не выходило у него из воображения и требовало, неутомимо требовало, чтобы он остановился и обдумал значение этого лица, значение и участие этого лица в жизни, и всю эту прошедшую жизнь. Памятное прошедшее его начиналось в его воспоминании со времени [смерти своего] женитьбы, а женитьба следовала так скоро после смерти отца (так мало он успел опомниться в своем новом положении тогда), что ему казалось, что и то и другое случилось вместе².

«Чтож было? — спрашивал он сам себя.— В чем же я виноват? Да, всё это ужасное воспоминание, когда я после ужина у князя Василья и сказал эти глупые слова: «Je vous aime»³, я и тогда чувствовал. Я чувствовал тогда, что не то <так и вышло>». Он вспоминал медовый месяц, и ему стыдно стало, как было стыдно тогда и всё первое время. Особенно живо, и оскорбительно, и постыдно было для него воспоминание, как однажды, вскоре после своей женитьбы, он в 12-м часу дня, в шелковом халате, пришел из спальни в кабинет и в кабинете застал главного управляющего, который почтительно встал и поглядел на лицо Piëtt'a, на его халат и слегка улыбнулся, как бы выражая этой улыбкой почтительное сочувствие к счастью своего принцепала. Piëtte краснел всякий раз, как живо вспоминал этот взгляд. Теперь он вспомнил это и охнул. Он вспоминал, как он [искал той точки зрения, чтобы] видел ее еще прекрасною, как она поражала его своей гордостью, спокойствием, умением безыскусственно и изящно обращаться в высших сферах. Как его поражало ее искусство управлять домом и самой быть *grande dame*⁴ и поставить дом на ногу *grand seigneur'a*⁵. Потом он вспоминал, как он, привыкши уже к тем формам изящества, в которые она так умела облачать себя и свой дом, как он стал искать содержания и [к удивлению] не находил его. За блестящими формами не было ничего. Они

¹ На полях: *Стыдно было в халате, втянут в эту жизнь. Элен ночью приходила за ним. Она такт, под которым ничего нет.*

² На полях: *И не стоит того, всё так коротко, так глупо,— говорил себе.*

³ Я вас люблю.

⁴ важной дамой

⁵ аристократическую

были ее целью. И холодность ее всё увеличивалась. Он вспоминал, как он нравственно суживал глаза, чтобы [увидать] найти ту точку зрения, с которой бы он увидел что-нибудь хорошее, какое-нибудь содержание, но ничего и никакого не было. И не было в ней недовольства этим отсутствием. Она была довольна и спокойна в своей штофной гостиной, с жемчугами на прелестных плечах. Анатолий ездил к ней занимать у ней деньги и целовал ее голые плечи. Она отгоняла его от себя, как любовника. Отец, шутя, возбуждал ее ревность; она с спокойной улыбкой сказала, что она не так глупа, чтоб быть ревнива, пусть делает, что хочет.

Pièrre спросил раз [ее, что], не чувствует ли она признаков беременности. Она засмеялась презрительно и сказала, что не дура, чтобы желать иметь детей, и что от него детей у нее не будет. [Он еще ни в чем не мог упрекнуть ее, но это отсутствие всего человеческого в соединении с красотой, самодовольной, еще более возвышенной от условий роскоши, в которой она теперь жила, и, главное, в соединении с сознанием необходимости близости с нею, делали для Pièrre'a часто ее ненавистной. Странно сказать, что более всего она делала его несчастным вульгарностью, ясностью и грубостью мыслей.]

Потом он вспомнил ясность и грубость мыслей и вульгарность ее выражений: «я не дура, поди сам, allez-vous promener»⁶, свойственных ей, несмотря на ее воспитание в высшем, аристократическом кругу. Часто, глядя на ее успех [и обожание между] в глазах старых, молодых мужчин и женщин, Pièrre недоумевал и не мог понять, отчего он не любит ее. Вспоминая себя за всё это время, Pièrre помнил в себе только чувство ошалелости, зажмуренности, с которыми он шел и не позволял руководить себя, чувство удивления, равнодушия и нелюбви к ней, и постоянно чувство стыдливости за не свое место, за глупое положение счастливец, обладателя красавицы, когда он встречался даже с своим камердинером, выходя из спальни жены в шелковом шитом ярком халате, который она подарила ему. Потом он вспоминал, как незаметно [видо], независимо от его воли, видоизменялись условия его жизни, как он втягивался в ту жизнь барича, праздного аристократа, которую он, напитанный идеями французской революции, так строго судил прежде. Деньги у него брали все, со всех сторон, и у него требовали денег, и обвиняли в чем-то его. Время его всё было занято. От него требовали самых пустых вещей, визита, выезда, обеда, но эти требования без перерыва следовали одно за другим. И требования эти делались так просто, с таким сознанием, что это так должно быть, что ему не могло прийти в голову отказать. Но вот в Петербурге перед отъездом он получил анонимное письмо, что Долохов любовник его жены, что очки плохо видели. Он бросил письмо, сжег его, но, не переставая, думал о нем. Долохов действительно был ближе всех с его женой. Когда он приехал в Москву, на другой же день он увидел за обедом в клубе Долохова, и теперь Долохов — вот он сидел на снегу перед ним и насильно улыбался и умирал с проклятиями.

Pièrre был один из тех людей, которые, несмотря на свою внешнюю, так называемую, слабость характера, не ищут confident⁷ для своей горя. Он перерабатывал один в себе свое горе. «Она, во всем, во всем она, без темперамента, без сердца, без ума, она была во всем виновата», — говорил он сам себе. «Но что ж из этого? Зачем я себя связал с нею [зачем я ей навязал себя, — сказал он сам себе. — Я виноват. И я должен нести... но что? пускай она делает, что хочет. Я стоял выше этого и буду стоять выше], зачем я ей сказал этот «je vous aime», который был ложь и еще хуже что-то», — сказал он сам себе. «Я виноват

⁶ убирайтесь

⁷ доверенного

и должен нести... но что? Позор имени, несчастье жизни? Э, всё вздор», — подумал он. «Людовика XVI казнили за то, что он был бесчестен и преступник. Потом Робеспьера казнили. Кто прав, кто виноват? Никто. А жив, и живи. Завтра умрешь, как мог я умереть час тому назад, как умрет этот Долохов. И стоит ли того мучаться, когда жить остается одну секунду в сравнении с вечностью? [Зачем я связал себя с нею] Мне ничего не нужно. Мне довольно себя. Что делать? — опять предстал ему вопрос: Зачем я связался с нею? „Mais que diable allait-il faire dans cette galère?“⁸», — вспомнил он и улыбнулся. [Pierre сказал себе это изречение, обвинявшее его одного нести всю тяжесть положения и потому успокоившее его.]

Утром, когда камердинер, с удивлением заметив, что граф не ложился, вошел в кабинет, Pierre, уже успокоенный, лежал на оттоманке и читал.

— Графиня приказали спросить, дома ли вы? — спросил камердинер.

Но не успел он этого сказать, как сама графиня в белом атласном халате, шитом серебром, и в простых волосах (две огромные косы en diadème⁹ огибали два раза ее прелестную голову) вошла в комнату спокойно, величественно, но на прелестном, мраморном лбе ее была морщинка гнева. Она, с своим всё выдерживающим тактом, не стала говорить при камердинере. Она знала о дуэли и пришла говорить о ней. Она дождалась, пока камердинер уставил кофе и величественным жестом указала ему дверь. Pierre, как пойманный школьник, робко через очки смотрел на нее. Для того, чтобы дать себе известное положение, он начал есть, хотя ему этого не хотелось. Она не села.

— Как вы смели это сделать? — сказала она.

— Я?.. Что я... — сказал [чавкая] Pierre.

— Что сделать? Компрометировать жену. Кто тебе сказал, что он мой любовник, — заговорила она по-французски с своей грубостью речи, выговаривая выворачивающее всю внутренность Pierre слово «любовник», как и всякое другое слово.

— Он — не любовник, а ты дурак. Теперь я посмешище всей Москвы из-за того, что ты, пьяный, не помня себя, вызвал на дуэль человека, который тебе ничего не сделал.

— Я знаю... но...

— Ничего ты не знаешь. Ежели бы ты был умнее и приятнее, то я бы с тобой сидела, а не с ним, а, разумеется, мне приятнее быть с умным человеком, чем с тобой. Лучше ничего не выдумал, как взял и убил человека, который лучше тебя в 1000 раз.

[— Hélène, нам лучше расстаться, — сказал Pierre. Вы сами называете...]

— Не говорите, — сказал Pierre, краснея и отходя от нее. — Довольно. Что вам надо?

— Да, лучше вас. И редкая та жена, которая с таким мужем не взяла бы себе любовников (des amants).

— Au nom du ciel, taisez-vous, madame, il vaut mieux nous séparer¹⁰, — умоляющим голосом проговорил Pierre.

— Да, расстаться, чтобы мне остаться без ничего и с срамом, что меня бросил муж. Никто не знает, какой это муж. [Дурак и рыба] [Дурак, развратник]

Нелёне была [красна и зла, какую никогда не видал ее Pierre] красна и с таким выражением злобы в глазах, какого никогда не видал в ней Pierre.

— [Но всё прекрасно] Расстаться. Извольте, только ежели вы отдадите мне всё состояние. [Я беременна. И не от вас.]

⁸ «Но какого чёрта понесло его на эту галеру?»

⁹ диадемою

¹⁰ Ради бога, замолчите, сударыня, нам лучше расстаться.

— А-ах! [Уйди или] я тебя убью! — закричал Риегге [и, схватив доску с мраморного стола, швырнул в нее]. И всё лицо отца отразилось в нем, и, схватив со стола мраморную доску, с неизвестной еще ему силой, он сделал шаг к ней [тотчас повернулся и выбежал из комнаты] и замахнулся на нее. Hélène вдруг зарыдала. Лицо ее исказилось, и она бросилась бежать. Риегге бросил доску, разбил [В тот же вечер] [Риегге через неделю] [Риегге, выдав жене полную доверенность на управление всеми имениями, уехал за границу] и, схватив себя за волосы, стал ходить по комнате. Через неделю Риегге выдал жене доверенность на управление всеми великорусскими имениями, что составляло больше половины всего состояния, и один уехал в Петербург.

«XXII»

Прошло два месяца после получения известий в Лысых Горах о Аустерлицком сражении и о гибели князя Андрея¹, и, несмотря на все розыски, тело его не было найдено [что хуже всего], и, несмотря на все письма через посольства, его не было в числе пленных. Что хуже всего, оставалась [надежда, которую] всё-таки надежда, что он был поднят жителями на поле сражения и, может, лежал [умирающий] выздоравливающий или умирающий один среди чужих и не в силах дать о себе вести. В газетах [было очень мало], из которых впервые узнал старый князь об Аустерлицком поражении [сражении], было написано весьма кратко и неопределенно, что русские должны были отступить [после], но отступили в порядке. Но старый князь понял и из этого официального известия, в чем было дело. И хотя ничего еще не знал о сыне, он был убит этим известием. Он три дня не выходил из кабинета и целые дни, как видел Тихон, писал письма и отправлял кучи конвертов на почту ко всем значительным лицам. Спать он ложился в обыкновенный час, но усердный Тихон ночью вставал с своего войлока в офицантской и, подкрадываясь к двери кабинета, слышал, как в темноте старый князь [ходил взад и вперед по своей комнате] шарил и ходил в своей комнате, побрякивая и бурля что-то про себя.

Через неделю после газеты, принесшей известие об Аустерлицкой битве, пришло письмо Кутузова, который, не дожидаясь вопроса, сам извещал князя о участи, постигшей его сына.

«Ваш сын в моих глазах, — писал Кутузов, — с знаменем в руках, впереди полка, пал героем, достойным своего отца и своего отечества. Жив ли он или нет, я [не мог узнать] до сих пор, несмотря на все меры, предпринятые мною, не мог узнать. [Я льщу себя] Себя и вас надеждой я льщу, что он жив, ибо в противном случае в числе найденных на поле сражения офицеров, о коих список мне подан через парламентаров, и он бы находился.

Получив это известие [старый князь закричал так громко, что Тихон вбежал к нему: «Мерзавцы! Подлецы!» — кричал] поздно вечером, когда он был один в своем кабинете, старый князь никому ничего не сказал. Как и обыкновенно, на другой день он пошел на свою прогулку, был молчалив с приказчиком, садовником и архитектором и, хотя и был гневен на вид, ничего никому не сказал. Когда в обычное время княжна Марья вошла к нему, он стоял за станком и точил, но, как обыкновенно, не оглянулся на нее. Он сделал движение головой к ней, но потом как будто не решился.

— А! Княжна Марья! — вдруг сказал он неестественно и бросил стамеску. Колесо еще вертелось от размаха. Княжна Марья долго помнила этот замирающий скрип колеса, который слился для нее с тем, что последовало. Княжна Марья подвинулась к нему, увидела его лицо,

¹ На полях: *Князь Андрей прятался от всех у Гернгутеров.*

и что-то вдруг опустилось во всей ей (это было счастье, интерес, любовь к жизни. Мгновенно этого ничего не стало), глаза ее задержались. Она по лицу отца [увидала], по лицу не грустному, не убитому, но злему и неестественно над собой работающему лицу, она увидела, что вот, вот над ней повисло и задавит ее страшное несчастье, [еще] худшее в жизни несчастье, еще не испытанное ею, несчастье непоправимое, непостижимое, — смерть того, кого любишь.

— Mon père! André!² — сказала она, неграциозная, неловкая княжна, с такой невыразимой грацией и прелестью печали и самозабвения, что отец не выдержал ее взгляда, отвернулся.

— Il n'est plus³. Убит, — [сказал] крикнул он пронзительно, как будто желая прогнать княжну этим криком.

Княжна не упала, с ней не сделалось дурноты [даже лицо]. Она была уже бледна, но когда она услышала эти слова, лицо ее изменилось, и изменилось, не выражая худшее — страдание, но, напротив, — что-то просияло в ее лучистых, прекрасных глазах, как будто радость, высокая радость разлилась сверх той сильной печали, которая была в ней. Она забыла весь страх к отцу (самое сильное чувство [в жизни] в ее душе). Она [думала только о нем, о брате] подошла к нему, взяла его за руку и потянула к себе. Она поднимала уже другую руку, чтобы обнять его за сухую, жилистую шею.

— Mon père, — сказала она. [Я...] Не отвертывайтесь от меня, будемте плакать вместе. Слезы стояли в ее глазах.

Старик сердито дернулся от нее. Она не⁴

— Мерзавцы! Подлецы! — закричал он. — Губить армию, губить людей! За что? Поди, поди, скажи Лизе.

— Да, я скажу ей.

Княжна, не в силах стоять, села в кресло и плакала, не утирая слез. Она видела теперь его в ту минуту, как он прощался с ней и с Лизой с своим презрительным видом. Она видела его в ту минуту, как он [добро] нежно и насмешливо надевал образок на себя. «Верил ли он? Раскался ли он в своем неверии? Там ли он теперь? — думала она.

— Mon père, скажите мне, как это было? — спросила она сквозь слезы.

— Иди, иди; убит в сражении, в котором повели убивать русских лучших людей и русскую славу. Идите, княжна Марья.

Она встала и пошла. Но, вспоминая положение невестки, она мучалась, пыталась начать, пыталась скрыть и не могла ни то, ни другое. Перед обедом князь прислал Тихона с записочкой к княжне, спросить, объявлено ли? Получив отрицательный ответ, он сам пошел к ней.

— Au nom du ciel, mon père⁵, — закричала княжна, бросившись к нему. — Не забудьте, что она в себе носит теперь!

Князь посмотрел на нее, на невестку и вышел. [В первый раз про] Но он не пошел к себе, а, затворив дверь в маленькую диванную, где сидели женщины, стал ходить взад и вперед по гостиной.

Княжна Марья не решилась объявить Лизе в это утро именно оттого, что никогда она не видала ее такой тихой, доброй и грустной.

Когда княжна Марья вернулась от отца, маленькая княгиня сидела за работой и с тем особенным выражением внутреннего и счастливо-спокойного взгляда беременных женщин посмотрела на княжну Марью.

— Marie, — сказала она, отстраняясь от пялец и переваливаясь назад, — дай сюда твою руку. — Она взяла руку княжны и положила ее себе на живот. Глаза ее улыбались, ожидая, губка с усиками поднялась и так детски-счастливо осталась. — Перестал, надо подождать... вот он... слы-

² Батюшка! Андрей!

³ Его нет больше.

⁴ Так в автографе.

⁵ Ради бога, батюшка.

пишь? Как он там? маленький, маленький. Коли бы только не так страшно, Мари. Но я все-таки буду любить его. Очень, очень даже буду любить. Что ты? Что с тобой?

Мари упала на колени и рыдала. Она сказала, что так ей сделалось грустно об Андрее, но не могла решиться сказать. Несколько раз в продолжение утра она начинала плакать. Слезы эти, которых причину она не говорила, встревожили Лизу, как ни мало она была наблюдательна. Она ничего не говорила, но беспокойно оглядывалась, отыскивая. Но, когда вошел старый князь, которого она и всегда так боялась, теперь, с этим беспокойным злым лицом, она всё поняла. Она бросилась к Мари, не спрашивая ее уже о том, что такое, но спрашивая и умоляя ее сказать ей, что André жив, что это неправда. Княжна Марья не могла сказать этого. Лиза вскрикнула и упала в обморок. Старый князь [взглянул] отворил дверь, взглянул на нее и, как бы убедившись, что операция кончена, ушел в свой кабинет и с тех пор выходил только утром на свою прогулку, но не ходил в гостиную и в столовую. <Уроки математики продолжались.> Ночи он не спал, как слышал Тихон, и [здоровье] силы его вдруг изменили ему. Он [не ел] не похудел, а напротив, пожелтел и стал пухнуть как будто, и по утрам чаще стали находить на него минуты злобы, в которые он не помнил, что делать, и убегал к себе в присутствие одного Тихона, которого он бил чаще прежнего, но с которым по вечерам он говорил с одним только, приказывал ему садиться и рассказывать [Тихон знал, что рассказывать надо было про князя Андрея] про то, что делалось на дворе и в деревне. Старый князь не хотел надеяться, он объявил всем, что князь Андрей убит, заказал [склеп в часовне, где была похоронена его жена и послал чиновника в Австрию отыскивать тело] памятник своему сыну, для которого он назначил место в саду, но он всё еще надеялся, он послал в Австрию чиновника разыскивать следы князя Андрея. Он ждал и надеялся, и поэтому ему было тяжелее всех. Княжна Марья и Лиза переносили каждую горе по-своему. Лиза, хотя физически и перенесла горе безвредно, опустилась, говорила, что она знает, что умрет родами.

Княжна Марья молилась богу, ходила за Лизой и пыталась обратить отца на путь религии и слез, но всё было тщетно.

Прошло два месяца со дня получения известия. Старый князь заметно таял, несмотря на все усилия вступить в старую жизнь. Маленькой княгине подходило время. Княжна Марья напомнила отцу о просьбе князя Андрея об акушере, и послано было в Москву с требованием привезти лучшего акушера.

(XXIII)

— Ma bonne amie¹, — сказала маленькая княгиня утром 19 марта после завтрака², и губка ее с усиками поднялась по старой привычке; но, как и во всех не только улыбках, но звуках речей, даже походках [была всегда] в этом доме со дня получения страшного известия была печаль, так и теперь улыбка маленькой княгини была такая, что она еще больше напоминала об общей печали.

— Ma bonne amie, je crains que la fruschtique (comme dit³ Фока — повар) de ce matin ne m'aie fait du mal⁴.

— А что с тобой, моя душа? Ты бледна. Ах, ты очень бледна, — испуганно сказала княжна Марья, своими тяжелыми мягкими шагами подбегая к [золовке] невестке.

¹ Милый друг

² На полях: В доме суетня. Таинство совершается, самое радостное человеческое таинство, все ждут, трепещут. Князь ожил, ходит.

³ Дружочек, боюсь, что от нынешнего фриштика, как называет его

⁴ мне бы не было дурно.

— Ваше сиятельство, не послать ли за Марьей Богдановной? — сказала одна из бывших тут горничных (Марья Богдановна была акушерка из соседнего города, жившая тут 2-ю неделю).

— И в самом деле, — подхватила княжна Марья, — может быть, точно. Я пойду. *Courage, mon ange!*⁵ — Она поцеловала.

— Ах, нет, нет! — И, кроме бледности, физического страдания на лице маленькой княгини выразился [ужас] страх неотвратимого отчаяния.

— *Non, c'est l'estomac... dites, que c'est l'estomac, dites, Marie, dites...*⁶ — но Marie, увидав, как маленькая княгиня начала себе ломать руки и плакать, поспешно выходила из комнаты.

— *Mon Dieu! Mon Dieu! Oh!*⁷ — слышала она сзади себя и все-таки не вернулась и бежала за Марьей Богдановной.

Потирая полные небольшие белые руки, ей навстречу, с значительно-спокойным лицом, уже шла Марья Богдановна.

— Ничего, княжна, не беспокойтесь, — сказала она.

Через пять минут княжна из своей комнаты услышала, что несут что-то тяжелое. Она высунулась — официанты несли кожаный диван для чего-то в спальню. На всех лицах было что-то торжественное и тихое. Долго сидела княжна одна в своей комнате, отворила дверь, то садилась в свое кресло, то [становилась] бралась за молитвенник, то становилась на колена перед киотом. Но, к несчастью и удивлению своему, она [видела] чувствовала, что молитва не утишала ее волнения. Ее мучала мысль [для чего], как умер, перестал быть князь Андрей и как, когда начнет быть новый князь Николай Андреич. (Она [была] и все в доме были уверены, что будет сын.) [Она взяла] [Но будет ли он, не умрет ли?] [За страдания Лизы] Она опять села в кресло, раскрыла Псалтырь и стала читать 104 псалом.

Во всех концах дома было разлито и владело всеми то же чувство, которое испытывала княжна Марья, сидя в своей комнате. По поверию, что, чем меньше людей знает о страданиях родильницы, тем меньше она страдает, все старались притворяться незнающими, никто не говорил об этом, но во всех людях, кроме обычной степенности и почтительности хороших манер, царствовавших в доме князя, видна была одна общая забота, смягченность сердца и сознание чего-то великого, непостижимо-го, совершающегося в эту минуту. Старая нянька, 100-летняя старуха, еще старого князя мамка, сердито крикнула на босоногую девчонку, прислуживавшую ей, за то, что та быстро убежала в комнату, и, достав еще князеву венчальную свечу, велела ей зажечь ее перед иконами и, закрыв глаза, что-то всё шептала. [Старая] Няня другая вошла к княжне.

— Ничего, андел мой, не убивайся. Бог милостив, — сказала она, поцеловав в плечико. — Молись. Я с тобой посижу. И она села у княжны.

В большой девичьей не слышно было смеха. В официантской все люди сидели и молчали наготове чего-то. Старый князь, услышав суетню, послал Тихона к Марье Богдановне спросить что. Марья Богдановна вышла из комнаты, из которой слышались крики, и сказала, посмотрев значительно на посланного:

— Доложи князю, что роды начались. — Тихон пришел и доложил князю.

[Князь точил. Посидев в официантской и заметив, что станок замолк]

— Хорошо, — сказал князь, и Тихон не слышал более ни малейшего звука в кабинете, как он ни прислушивался. Хотя свеча горела, Тихон вошел в кабинет, как будто для того, чтобы поправить свечи, и [заметив,

⁵ Не бойся, мой ангел!

⁶ Нет, это желудок... скажи Мари, что это желудок...

⁷ Боже мой! Боже мой! Ох!

что князь, услышав его шаги, вскочил с дивана, притворяясь, что он не лежал] увидал, что князь лежал на диване. Тихон, забыв свой страх, посмотрел на князя, на его расстроенное лицо, [молча] покачал головой, молча приблизился к нему и, поцеловав его в плечо, вышел, не поправив свечи и не сказав, зачем он приходил. На дворне до поздней ночи жгли лучины и свечи и не спали [и бегали в дом]. Тайнство, торжественнейшее в мире, продолжало совершаться. Прошел вечер, наступила ночь. И чувство ожидания и смягчения сердечного перед непостижимым не падало, а возвышалось. Никто не спал. [В комнате, где сидели женщины] Князь вышел из кабинета, прошел через официантскую мимо всех с опущенной головой в гостиную, диванную и остановился в темноте. Он услышал из-за отворенных в ту минуту одних дверей далекие стоны [и крик, но один крик уже]. Он повернул, быстрыми шагами вернулся к себе [захлопнул дверь] и велел позвать приказчика. В этот самый день ждали акушера. Он ходил по кабинету и останавливался, чтобы прислушаться, нет ли звука колокольчика. Но ничего не слышно, кроме гула <1 нрзб> ветра и дрожания рам. Была одна из тех мартовских ночей, когда зима как будто хочет взять свое и высыпает с отчаянной злобой свои последние снега и бураны. Князь послал верховых людей с фонарями встречать акушера и продолжал ходить. Княжна Марья [читала, перечитывала псалом, сердце ее росло в ней с каждой минутой, и, когда пришло умиление, восторг и обожание величия бога дошло в ней до той высшей степени, когда человек забывает, что он плоть] сидела молча, устремив лучистые глаза на огонь лампадки, когда вдруг отчаянный порыв ветра налег на одну из рам ее окон (княжна выставляла по одной раме везде с жаворонками) и отбил [задвижку] плохо задвинутую задвижку, затрепал <суконною?> гардиной и пахнул холодом, белым выпавшим снегом, и задул свечу. [«Это сон,— думала она. Да, это сон». Что-то говорили несколько голосов.] Княжна очнулась. «Нет, еще нужен был весь ужас смерти,— подумала она,— что <1 нрзб> в чистую славу Всевышнего. Она встала испуганно. Няня бросилась запирать окно.

— Княжна, матушка, едут по прешпекту кто-то,— сказала няня, высунувшись, чтобы поймать откинутую раму.— С фонарями, должно, дохтур...

Княжна Марья накинула шаль и побежала навстречу ехавшим. Когда она вышла на крыльцо, карета с фонарями стояла у подъезда. Толпа официантов на нижней площадке отделяла ее от приехавшего. Что-то говорил рыдающий голос Тихона.— Батюшка, Андрей Николаич, а вас похоронили. [Князь иссох.] И вдруг голос, оплаканный, и, что было ужаснее всего, веселый голос князя Андрея отвечал: — Нет, еще проживем, Тихон. Батюшка здоров, сестра, княгиня? — сказал голос, дрогнув слегка. Получив ответ Тихона на ухо, что княгиня в <муках?>, князь Андрей крикнул своему ямщику отъезжать. Его карета была карета акушера, которого он встретил на последней станции, и ехал с ним. Официанты засуетились, увидав сзади себя княжну Марью, и дали ей дорогу. Она испуганно смотрела на брата. Он подошел, обнял ее. Она должна была верить, что это был он. Да, это был он, но бледный, худой и с измененным, странно смягченным и счастливым выражением лица⁸.

— Вы не получали моего письма? — спросил он и, не дожидаясь ответа, которого бы он и не получил, потому что княжна не могла говорить, он вернулся и вместе с акушером быстрыми шагами [перепрыгивая через две ступеньки] вбежал на лестницу и пошел к жене. Он не заметил даже, в то время как он проходил по коридору, голова старика в белом халате с страшно остановившимися глазами высунулась из двери официантской и молча, неподвижно смотрела на него до тех пор, пока

⁸ На полях: Лицо его дрогнуло, он испугался <1 нрзб> взял на себя.

он не прошел. Князь Андрей, не слушая никого, прошел прямо к жене.

— Ну? Что? — спрашивал он беспокойно.

Она лежала на подушках в белом чепчике (страдания только что отпустили ее, черные волосы прядями вились у воспаленных, вспотевших щек, румяный, прелестный ротик с губкой с усиками был раскрыт) и радостно, детски улыбалась. Блестящие глаза смотрели детски и говорили [«Что вы со мной сделали. Ах, что вы со мной сделали!»]: «Я вас всех люблю, но за что я страдаю, помогите мне!»

Князь Андрей поцеловал ее и заплакал.

[— Courage, courage, mon ami⁹.]

— Душенька моя, — сказал он слово, которое никогда не говорил ей [но она поняла только]. Она вопросительно детски-укоризненно посмотрела на него. «Я от тебя ждала помощи и ничего, ничего и ты тоже». Она не удивилась, что он приехал. Муки вновь начались, и его вывели из комнаты. Акушер остался с ней. [Князь Андрей сидел в соседней комнате и не видел никого — ни m-lle Bourienne, ни сестры, которая стояла, он трясся всем телом.] Князь Андрей пошел к отцу, но княжна Марья остановила его, сказав, что отец велел сказать, чтобы он не ходил к нему, чтобы он оставался с женой. Они поговорили с сестрой, но всякую минуту разговор замолкал. Они ждали и прислушивались.

— Allez, mon ami!¹⁰ — сказала княжна Марья и сама убежала. Князь Андрей остался один и слышал шум ветра в окна, и ему стало страшно. Вдруг страшный крик — не ее крик — она не могла так кричать, — раздался в соседней комнате. Он подбежал к ее двери, крик замолк, но послышался другой крик, крик ребенка. «Зачем принесли туда ребенка», — подумал князь Андрей [с удивлением]. Дверь отворилась, с засученными руками вышел акушер без сюртука, бледный и с трясущейся челюстью. Князь Андрей обратился к нему, но акушер злобно взглянул и, ни слова не сказав, ушел. Испуганная женщина выбежала и, увидав князя Андрея, замялась на пороге. Он вбежал в комнату жены. Она, мертвая, лежала в том же положении, в котором он видел ее 5 минут тому назад, и то же выражение, несмотря на остановившиеся глаза и на бледность щек, было на этом прелестном, детском, робком личике с губкой, покрытой черными волосиками. «Я вас всех любила и никому дурного не делала, и что вы со мной сделали! Ах, что вы со мной сделали!»

В углу комнаты хрюкнуло, как поросенок, что-то маленькое [в красных], красное в белых руках Марьи Богдановны.

Через два часа всё так же было темно и так же гудел ветер. Князь Андрей тихими шагами вошел в кабинет к отцу. Старик [лежал] всё уже знал. Он лежал на диване. Князь Андрей подошел к нему ближе. Старик спал или притворился спящим. Князь Андрей сел к нему на диван. Старик дрогнул глазами.

— Батюшка...

[Ха-а-ха-ха-ха, — страшным хохотом захохотал старик и обхватил]

Старик молча и старческими, жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребенок и <1 нрзб>.

Через три дня отпевали маленькую княгиню. Князь Андрей [рыдал и плакал как ребенок, когда подошел] [подошел к ступеню¹¹] взобрал на ступеню гроба и увидал опять то же лицо, хотя и с закрытыми глазами. «Ах, что вы со мной сделали?», — и он почувствовал, что в душе его оторвалось что-то, что он виноват в вине, которую ему не поправить и не забыть. Он не мог плакать. Старик тоже вошел и поцеловал ее руку, и ему она сказала: «Ах, что и за что вы это со мной сделали?» И старик 2-й раз в жизни зарыдал и заплакал.

⁹ Не падай духом, мой друг.

¹⁰ Иди, мой друг!

¹¹ Так в автографе.

Через 5 дней еще крестили молодого князя Николая Андреича¹². Мамушка бородой придерживала пеленки, дули, и плевали, и вощечок расплескивали, чтоб он не потонул, и мокрого носили вокруг жестяной помятой купели¹³.

(XXIV)

Еще не успело пройти впечатление первой войны с Наполеоном, как наступила 2-я, кончившаяся Тильзитским миром. В начале 1806-го и в 1807 году чувство вражды к Буонапартию, как его называли, уже глубже, чем в 1805 году, проникало уже до сердца русского народа¹. Пол-миллиона ратников, два набора в один год, проклятия врагу рода человеческого и антихристу Буонапартию, слышавшиеся во всех церквях, и слух о приближении его к русской границе не шутя заставлял ошечиваться против него все сословия.

Ростов после несчастной дуэли, в которой он участвовал, повез [умирающего] раненого Долохова на его квартиру. Ростов знал Долохова по холостой жизни у цыган, на попойках, но никогда не бывал у него и даже никогда не думал о том, какой может быть дом у Долохова. Ежели был дом у Долохова, то, вероятно, это была, по предположениям Ростова, какая-нибудь закуренная, загроможденная комнатка, [с кроватью] с бутылками, трубками и собакой, в которой он держал свои чемоданы и ночевал изредка. [Но у Долохова был не только дом, но дорогой, уважаемый семейный очаг, к которому он не любил никого подпускать из своих светских приятелей. Долохов жил в доме, купленном им, у Николая Явленного, в переулке, купленном им на выигрышные деньги на имя своей матери. Он жил в этом доме с матерью и двумя незамужними сестрами, которых он один содержал своими деньгами. Во время переезда Долохов несколько раз терял сознание, но перед домом, узнав Арбат, он приподнялся и взял за руку Ростова. — Ради бога не к матери, она не перенесет... Обожаемая, бесценная матушка, что я сделал! Ростов, брось меня, беги к ней, приготовить ее. Бог мой, что я сделал! Ростов, исполни тяжелое поручение.] Но Долохов сказал ему, что он живет в собственном доме у Николая Явленного со старушкой матерью и двумя незамужними сестрами.

Во время переезда Долохов молчал, видимо делая над собой усилия, чтобы не стонать, но перед домом, узнав Арбат, он приподнялся и взял за руку Ростова, и на лице его выразилось страстное, восторженное отчаяние, какого никак не ожидал от него Nicolas.

— Ради бога, не к матери, она не перенесет... Ростов, брось меня, беги к ней, приготовить ее. Этот ангел не перенесет.

Домик был хорошенький, чистенький с цветами и <половиками?>. Марья Ивановна Долохова была почтенная на вид старушка. Она испуганно выбежала в переднюю навстречу Ростову.

— Федя, что с Федей? — вскрикнула она, как только Ростов сказал, что Долохов прислал его и что совсем здоров.

— Он умер. Где он? <И она упала без чувств.> Сестры, некрасивые девушки, выбежали и окружили мать. Одна из них шёпотом спросила у Ростова, что с Федей, и он сказал ей, что Долохов легко ранен. Ростов не мог перенести раздирающего душу вида отчаяния матери и сестер, когда вынес Долохова. Он вышел под предлогом поездки за доктором, освободив себя от вида свидания матери с сыном.

[Были крики, слезы, истерики, но всякое горе] [После криков отчаяния, истерик, уже когда Долохов был уложен на турецкий ковер в своем

¹² В автографе ошибочно: А. Н. (прим. составителя).

¹³ См. Варианты, № 3.

¹ На полях: *Фармазон приезжает. Старый князь (главнокомандующий) милиции. Лопухин. Семейная жизнь Долохова — сестры, мать.*

кабинете, мать, сестры, и Nicolas, и доктор, не отходя, чередовались у его постели. Мать не впускали первые дни, боясь слишком сильного волнения для нее и для раненого. Nicolas присутствовал при первом свидании матери с сыном и, глядя на них, плакал и рыдал так, что должен был выбежать из комнаты. Через 2 недели Долохову стало лучше. Доктор вынул пулю и объявил, что он будет жив. Ростов еще прежде с Шенграбенского костра чувствовал влечение к этому странному, мужественному, решительному и привлекательному человеку, теперь, увидав его в его семье, узнав его неожиданную, восторженную, страстную нежность и любовь к матери, полюбил Долохова всей силой своего пылкого и ничем не занятого сердца.]

Когда Ростов возвратился с доктором, Долохов уже был уложен в своем коврами и дорогим оружием увешанном кабинете на полу, на медвежьей шкуре, и мать на низенькой скамеечке, более бледная, чем ее сын, сидела у его изголовья. Сестры хлопотали по задним комнатам и коридору, но не смея войти в комнату. Долохов перенес боль зондирования раны и вынимания пули так же, как и самую рану. Он даже не морщился и улыбался, как только в комнату входила его мать. Все усилия его, видно, были устремлены на то, чтобы успокоить старушку. Чем ближе узнавал Ростов Долохова, тем более он чувствовал себя к нему привязанным. Все в нем было [необыкновенно], начиная от его привычки лежать на полу и до его [правила] [страсти] тщеславия своими дурными наклонностями и скрытности в хороших, — всё было необыкновенно, не так, как у других людей, и всё было решительно и ясно. Первое время Марья Ивановна враждебно смотрела на Ростова, связывала его с несчастием сына, но, когда Долохов, заметив это, прямо сказал ей: «Ростов мой друг и прошу вас, обожаемая матушка, любить его», Марья Ивановна [стала] действительно полюбила Nicolas, и Nicolas ежедневно стал бывать в домике у Николы Явленного. Несмотря на шутки домашних, на упреки светских знакомых, он целые дни проводил у выздоравливающего, то разговаривая с ним, слушая его рассказы, ловя каждое его слово, движение и улыбку, и безусловно во всем соглашался с ним, то с Марьей Ивановной Долоховой, разговаривая с ней о ее сыне. От нее он узнал, что Федя содержал ее и сестер, что это был лучший сын и брат в мире. Марья Ивановна была убеждена, что ее Федя был образец всех совершенств мира. (Мнение это разделял Ростов, особенно, когда ее слушал или видел самого Долохова.) Она даже [не понимала] не допускала, чтобы возможно было иметь сколько-нибудь другое мнение о ее сыне. — Да он слишком благороден, высок и чист душою, — говорила она, — для нашего нынешнего развращенного света. Добродетель никто не любит, — она всем глаза колет. Ну, скажите, граф, справедливо это, честно это со стороны этого Безухова, а Федя по своему благородству любил его, а теперь никогда ничего дурного про него не скажет. В Петербурге эти шалости — с квартальным там что-то пошутили — ведь они вместе делали. Что же, Безухову ничего, а Федя всё на своих плечах перенес. Ведь что он перенес. Положим, возвратили, да ведь как же не возвратить. Я думаю таких, как он, храбрецов и сынов отечества немного там было. Что ж теперь эта дуэль. Есть ли чувства, честь у этих людей. Зная, что он единственный сын, — вызвать на дуэль и убить. Хорошо, что бог помиловал нас. И за что же? Ну, кто же в наше время не имеет интриги. Что ж, коли он так ревнив, я понимаю, ведь он прежде мог дать почувствовать, а то ведь год продолжалось. И что ж, вызвал на дуэль, полагал, что Федя не будет драться, потому что он ему должен. Какая низость! Какая гадость! Я знаю, вы Федю поняли, мой милый граф, оттого-то я вас душой люблю. Верите мне, его редкие понимают, это такая высокая небесная душа...

Долохов сам во время своего выздоровления [был необыкновенно тих] и в своем доме был часто особенно кроток и восторжен. Ростов

бывал почти влюблен в него, когда этот мужественный, <железный> человек, обессиленный теперь раной, обращал к нему свои яркие голубые глаза и всё прекрасное лицо, слегка улыбался и говорил [высказывая свои самые задушевные мысли], высказывая ему свою дружбу.

— Верь мне, мой друг,— говорил он,— на свете есть [три] 4 сорта людей: одни никого не любят, никого не ненавидят — [этих до Москвы не перевешаешь] [Эти все дураки такие] эти самые счастливые, другие, которые всех [любят] ненавидят,— это Картуши, злодеи, третьи, [такие, как я] которые любят того, кто на глаза попадает, а к другим равнодушны, этих до Москвы не перевешаешь, это всё дураки, и такие есть, как я.— Я люблю кого, того люблю так, что жизнь отдаю, а остальных передавалю всех, коли мне на дороге или на дороге любимых людей. У меня есть обожаемая, неопценная мать, сестры, два-три друга, ты в том числе, а остальных я всех ненавижу, изо всех крошку сделаю для того, чтобы моим избранным было хорошо.— И он, улыбаясь, пожал руку Ростову.— Да, душа моя,— продолжал он,— мужчин я встречал любящих, <честных>, благородных, возвышенных,— он опять приласкал взглядом Ростова,— но женщин, кроме продажных тварей,— графинь или кухарок — всё равно — нет женщин. Нет этой чистой души, которая любила бы одной душой, как бедная Лиза любила Эраста. Ежели бы я нашел такую женщину, я бы жизнь отдал за нее. А эти...— Он сделал презрительный жест.— Ты знаешь ли, зачем я вызывал, то есть заставил Безухова вызвать меня. Она мне надоела. Это — рыба. Она не любила меня, она боялась. А мне любопытно было. Любовь есть высшее блаженство, и оно еще не далось мне.

Большей частью он был кроток, но один Ростов видел его в том припадке бешенства, в котором он дельвал свои страшные поступки. Это было уже при конце его болезни. Он снял повязку, велел слуге подать чистую [Слуга замешкался], чистой не было, и слуга побежал к прачке, которая взялась гладить бинты. Минут с 5 Долохов пробыл в ожидании. Он, стиснув зубы и хмурясь, сидел [на кровати] на постели, потом привстал, [сполз] достал стул и придвинул его к себе.— Егорка! — начал кричать он, равномерно останавливаясь и дожидаясь. Ростов хотел развлечь его, но Долохов не отвечал ему. Ростов пошел за Егоркой и привел его с бинтами. Но только что Егорка вошел, как Долохов бросился на него, смял его под ноги и начал [убивать] [ударяя стулом по его голове] бить стулом. Кровь хлынула из раны. [Прибежала мать, сестры и <начали?>] Несмотря на усилия Ростова и прибежавших матери и сестер, Егора не могли отнять до тех пор, пока Долохов сам не упал от изнеможения и потери крови.

<XXV>

Как ни строг был в то время государь для дуэлянтов, родные Hélène и Ростова замяли это дело, и никто не был наказан. Еще Долохов был слаб и едва ходил, когда его новый друг Nicolas ввел его в дом родителей. [Долохова приняли как и всех] Всех принимали в доме Ростовых с распростертыми объятиями. Но Долохова приняли еще радужнее, во-первых, за дружбу его к Nicolas, во-вторых, за его страшную и блестящую репутацию. Приезда его тщетно ждали несколько дней. Графиня несколько робела, барышни волновались, несмотря на то, что Соня была вся поглощена своей любовью к Nicolas, Вера к Бергу, который приезжал в отпуск и опять уехал, и Наташа вполне довольна своим обожателем Денисовым. Ни одна из них не захотела бы, чтоб Долохов влюбился в нее, [ни одна бы не пошла за него замуж] но все подробно расспрашивали у Nicolas и, между собой говоря о нем, посмеивались таким смехом, который очевидно должен был скрыть их волнение и страх. [Наконец]

На 3-й день ожидания подъехала карета, барышни подбежали и отбежали от окон, узнав Долохова, и Nicolas ввел своего друга. Долохов был [хорошо воспитан] учтив. Он говорил мало (что говорил, то было оригинально) и внимательно вглядывался в женские лица. [Он обедал. Вечером он подсел к Соне и начал говорить с ней [о театре, о бале, об общих знакомых] [о чувствах] о бедной Лизе и о возвышенных чувствах любви. Наташа вопросительно поглядывала на него и Соню и наблюдала. На другой день он приехал опять, на третий, на четвертый, и всякий раз он говорил и сидел с Соней. В манере его не было ничего необыкновенного. Очень скоро он сделался своим, домашним человеком.] Все ждали от него чего-нибудь необыкновенного, но он ничего необыкновенного не сказал и не сделал. Одно, что было в нем не совсем обыкновенного, это то, что в его манере нельзя было найти и тени того стеснения и замешательства, которое, как бы оно ни было скрываясь, всегда заметно в молодом холостом мужчине в присутствии молодых [женщин] барышень. Долохов, напротив, пользуясь преимуществом, которое давала ему его рана и предполагаемая от нее слабость, свободно развалившись, сидел в вольтеровских креслах, которые ему предложили, и принимал те мелкие услуги, которые ему оказывали. Он понравился всем домашним Ростовых [и более всех Соне, которая видела], Соня видела в нем друга, и, считая то за большую важность, с самоотвержением старалась сделать для него приятным дом его друга. Она спрашивала, какой он любит чай, играла ему на клавинохордах пьесу, которая ему нравилась и показывала ему картины в зале. [Лиза] Вера рассуждала, что он не такой человек, как все, и потому хороший. Наташа первые два часа его присутствия не спускала с него [глаз] любопытных вопросительных глаз (так, что старая графиня несколько раз потихоньку заметила, что это ей неучтиво). [но после обеда она стала] [но после обеда она вдруг решила] После обеда она стала петь, очевидно для него, и Васька Денисов уже говорил, что волшебница забыла своего карлика (так он себя называл) и хочет очаровать нового принца. Она смеялась, но, спев свою песенку в зале, она, беспокойно поглядывая на Долохова, вернулась в гостиную, где он сидел, и присела у стола недалеко от него, высматривая на его лице впечатление, произведенное ею, не спуская с него глаз, и ожидала похвалы. Долохов не обращал на нее ни малейшего внимания и рассказывал что-то Лизе¹ и Соне, обращаясь преимущественно к последней. Беспокойство Наташи и желание, чтоб ее [«заметил?»] похвалили, было так заметно, что старая графиня, улыбаясь, переглянулась с Nicolas, указывая глазами на Наташу и Долохова. Они поняли, чего ей нужно было.

— Вы любите музыку? — спросила графиня у Долохова.

— Да, очень, но я признаюсь, что ничего подобного не слышал песням цыган и что ни одна итальянская певица, по мне, не может сравниться с Акулькой.

— Вы слышали, как я пою? — спросила вдруг Наташа, краснея. — Хорошо? Лучше Акульки-цыганки.

— Ах, да, очень хорошо, — холодно учтиво и ласково, как с ребенком, сказал Долохов, улыбаясь своей светлой улыбкой.

Наташа быстро повернулась и ушла. С этой минуты Долохов существовал для нее как мужчина менее, чем лакей, подававший кушанье.

Вечером, как это часто бывало, графиня к себе в спальню завала свою любимицу и смеялась с ней тем заливающимся смехом, которым редко, но зато неудержимо смеются добрые старушки.

— Чему вы, таташ, — спросила Соня из-за ширмы.

— Соня, он (Долохов) не в ее вкусе, и графиня закатывалась сильнее прежнего.

¹ Так в автографе.

— Вы смеетесь, а не в моем вкусе,— повторяла Наташа, стараясь обидеться и не в силах удержаться от смеха.

— Что за божественное существо твоя кузина Софи,— сказал Долохов Nicolas, когда они увиделись на другой день.— Да, счастлив тот, кто назовет другом такое неземное создание. Но, не будем говорить про это.

Больше они не говорили о Соне, но Долохов стал ездить каждый день, и Марья Ивановна Долохова со вздохом и тайно от сына иногда расспрашивала у Nicolas о его кузине Соне².

На вопрос, который задают себе семейные люди при сближении с молодым человеком, было весьма скоро отвечено всеми домашними, что Долохов ездил для Сони и был влюблен в нее. Nicolas с гордым чувством самодовольства и уверенности представлял Долохову случаи видения с Соней и твердо был уверен, что Соня и вообще женщина, раз полюболюбившая его, не может изменить ему. Раз он сказал Соне, что это была хорошая партия. Соня заплакала:

— Вы злой человек,— Соня говорила ему,— вы,— только сказала она ему.

Старый граф и графиня шутили с Соней, ну, и серьезно поговаривали: «Чтож, это партия недурная, женится — переменится». Соня с удивлением и упреком только смотрела на них, на Николю и самого Долохова и, как бы находясь в нерешительности, хотя и польщенная вниманием Долохова, с страстным любопытством ожидала, что будет. [Неожиданно в конце года Соня получила письмо]³

Месяц после знакомства с Долоховым горничная барышень, расчесывая огромную косу Сони, [шёпотом сказала ей] выждала время, когда Наташа вышла из комнаты, и шёпотом сказала:— Софья Александровна, вы не рассердитесь, меня один человек,— и [стала] вся раскрасневшая стала доставать что-то рукой из-за пазухи. Это было [письмо] любовное письмо от Долохова. Испуганная и обрадованная Соня кошачьим движением вырвала письмо и, еще более красная, чем горничная, [побежала] пошла в спальню [и там прочла письмо, прежде чем], там задумалась, следовало ли ей или не следовало читать это письмо. Она знала, что это было объяснение. «Да, ежели бы я была дочь татап (она так называла графиню), мне бы следовало показать ей письмо, но, бог знает, что ожидает меня. Я люблю Nicolas и буду его женой или ничьей, но я не дочь и мне, одинокой сироте, нельзя отвергать любви или дружбы этого Долохова». Она распечатала и прочла: «Обожаемая Софи, я вас люблю, как никогда ни один мужчина не любил женщину. Моя судьба в ваших руках. Я не смею просить руки вашей. Я знаю, что вас, чистого ангела, не отдадут мне, человеку с репутацией, которая заслужена мною. Но с того мгновения, как я узнал тебя, я другой, я увидел небо. Ежели ты любишь меня, хоть в $\frac{1}{100}$ столько, как я, то ты поняла меня. Софи, отдайся мне, и я буду твой раб. Ежели ты любишь, напиши «да», и я найду минуту свиданья».

Наташа застала Соню за чтением письма и узнала в чем дело.— Ах, какая ты счастливая,— закричала она.— Что ж ты ответишь ему?

— Нет. Я не знаю, что мне делать, я не могу теперь видеть его.

Через неделю после этого письма, на которое Долохов не получил ответа и во время которой Соня упорно избегала оставаться с ним наедине, Долохов приехал рано утром к Ростовым. Он попросил видеть графиню и сказал, что он просит руки Софьи Александровны. Графиня изъявила условное согласие и послала Соню. Соня, красная и трепещущая, обнявшись с Наташей, вошла мимо любопытных глаз дворни, уже

² На полях: *Nicolas, музыкальный вечер, восторг.*

³ На полях: *Страстное письмо Долохова. Соня бежит его.*

знавшей в чем дело и радостно ожидавшей свадьбы барышни, в комнату, где ожидал ее Долохов, к затворившимся за ней дверям тотчас же прильнули любопытные головы. [— Софья Александровна, обожаемая Софья Александровна,— сказал Долохов,— я был порочен, я заблуждался, я был во мраке пока, не] Долохов покраснел, как только вошла еще более покрасневшая и испуганная Соня, быстро подошел к ней и взял ее за руку, которую она не могла отнять от [ужаса] страха, охватившего ее. «Как это может быть, чтобы он любил меня»,— думала она.

— Софья Александровна, я обожаю вас, вам нечего говорить. Вы поняли уже, что вы сделали с моим сердцем. Я был порочен, я был во мраке, пока я не знал тебя, обожаемая, несравненная Софи. Ты ангел, осветивший мою жизнь. Будь моей звездой, будь моим ангелом хранителем.— Его прекрасно-звучный голос задрожал, когда он говорил это, и он обнял ее и хотел прижать к себе.

Соня дрожала от страха и казалась потерянною, капли пота выступали у нее на лбу, но, как скоро он дотронулся до нее, кошечка проснулась и вдруг выпустила когти. Она отскочила от него. Всё, что она приготовила сказать ему, не сказалось. Она почувствовала его привлекательность, его власть над собою и ужаснулась. Она не могла быть ничьей женою, кроме Nicolas.

М.-г Долохов, я не могу... я благодарю вас... ах, уйдите, пожалуйста.

— Софи, помните, что моя жизнь, будущая жизнь в руках ваших. Но она с ужасом оттолкнула его.

[— Софи, скажите, говорите, убивайте меня, вы любите? — Да.— Кого вы любите. Верьте моей чести, это умрет со мной. Кого?]

— Софи, скажи, ты любишь уже? Кого? Я убью его.

— Своего кузена,— сказала Соня.

Долохов нахмурился и вышел, хлопнув дверью. Долохов быстрыми, твердыми шагами, с тем особенным выражением злобной решительности, которое иногда принимало его лицо, прошел залу.

В зале старый граф встретил Долохова и протянул к нему обе руки.— Ну что, поздравить...— начал он, но не договорил — его ужаснуло злое лицо Долохова.

— Софья Александровна отказала мне,— сказал Долохов дрогнувшим голосом.— Прощайте, граф.

— Не думал я, не думал, я бы за честь счел племянником назвать тебя. Ну, мы поговорим еще, *mon cher*, с ней. Я знаю, что, знаю, мой Кокко... с детства *cousin* и *cousine*, постойте.

— [Вы не считаете своего сына] Да,— сказал Долохов,— вы Софью Александровну не считаете достойной своего сына, и он тоже. Она же считает меня недостойным себя. Да, это в порядке. Прощайте, я вас благодарю за это,— и он вышел. Встретившемуся Nicolas он не сказал ни слова и отвернулся от него. Через два дня Nicolas получил от Долохова записку следующего содержания: «Я у вас в доме больше не буду, и ты знаешь почему. Я еду послезавтра, и ты скоро, как я слышал. Приезжай нынче вечером, помянем Москву гусарской пирушкой. Я кучу у Яра».

Ростов из театра в одиннадцатом часу приехал к Долохову и нашел у него переднюю полную плащами и шубами и из отворенных дверей услышал гул мужских голосов и звуки перекидываемого золота. Три небольшие комнаты, занимаемые Долоховым, были красиво убраны и ярко освещены. Гости чинно сидели вокруг столов и играли. Долохов ходил между ними и радостно встретил Ростова. О предложении и вообще о семействе ни слова не было сказано. Он был ясен и спокоен, больше чем обыкновенно, но в глазах его Ростов заметил ту черту холодного блеска и нагло-го упорства, которая была в нем в ту минуту, как он на клубном обеде вызывал Безухова. Ростов не играл во всё время пребывания своего в Москве. Отец просил его несколько раз не брать карты в руки, и Долохов

несколько раз, смеясь, говаривал ему «играть в карты на счастье можно только дураку, коли играть, то играть наверное».

— Разве ты станешь играть наверное, — говорил ему Ростов.

Долохов странно улыбнулся на эти слова и сказал: — Может быть. Теперь после ужина Ростову вспомнился этот разговор, когда Долохов, сев на диван между двух свечей и выкинув из стола мешок с червонцами, ширококостными, мускулистыми руками распечатал игру и вызывающими приятными глазами оглянул присутствующих. Глаза его встретились с взглядом Ростова. Ростов боялся, чтобы он не подумал, что он вспоминает в это время о бывшем между ними разговоре об игре наверное, и искал и не находил в уме своей шутки, которая бы доказала ему противное, но, прежде чем успел он это сделать, Долохов, уставив свой стальной взгляд прямо в лицо Ростова, медленно и с расстановкой, так, что все могли слышать, сказал ему:

— А помнишь, мы говорили: дурак, кто на счастье хочет играть, а играть надо наверное, и я хочу попробовать.

«Попробовать на счастье играть или наверное?» — подумал Ростов.

— Или ты боишься меня? Да и лучше не играй, — прибавил он и, треснув разорванной колодой, сказал: — Банк, господа! — И, подвинув вперед деньги, приготовился метать. Ростов сел подле него и сначала не играл. Долохов презрительно взглядывал на него.

— Что ж не играешь? — сказал он. И странно, Nicolas почувствовал необходимость взять карту и, поставив на нее значительный куш, начать игру.

Долохов не обращал ни малейшего внимания на игру своего друга и просил его самого записывать. Но ни одна карта Ростову не давалась.

— Господа, — сказал он, прометав несколько времени, — прошу класть деньги на карты, а то я могу спутаться в счетах.

Один из игроков сказал, что он надеется, что ему можно поверить.

— О, конечно, — отвечал Долохов и, не глядя на Ростова, прибавил:

— Ты не стесняйся, мы с тобой сочтемся.

Игра продолжалась... Лакей не переставая разносил шампанское. Ростов отказался от налитого ему в третий раз стакана, тем более, что он был занят в это время поставкой большой карты. Все карты его бились, и на него было написано до 800 рублей. Он написал было над одной картой 800 рублей, но в то время, как подавали ему шампанское, он раздумал и написал опять обыкновенный куш, 20 рублей. Долохов, не смотревший на него, видел, однако, его нерешительность.

— Оставь, — сказал он, — скорей отыграешься. Другим даю, а тебе бью. Или ты меня боишься? — прибавил он.

Ростов поспешно оставил написанные 800 и поставил семерку червей с заломанным углом. Он хорошо ее после помнил. Он поставил семерку червей, написав над ней отломанным мелком 800 круглыми, прямыми цифрами; выпил поданный стакан согрешшегося шампанского, улыбнулся на слова Долохова и в первый раз с замиранием сердца в игре, ожидая семерки, с нетерпением стал смотреть на руки Долохова, державшие колоду.

В воскресенье на прошлой неделе граф Илья Андреич дал своему сыну 2000 рублей, и он, никогда не любивший говорить о денежных затруднениях, сказал ему, что деньги эти были последние до мая и что потому он просил сына быть на этот раз поэкономнее. Никола засмеялся и сказал, что он дает честное слово не брать больше денег до осени.

Теперь из этих денег оставалось 1200 рублей. Стало быть, семерка червей означала не только проигрыш 1600 рублей, но и необходимость изменения данному слову. Он с замиранием сердца смотрел на руки Долохова и думал: «Ну, скорей, дай мне эту карту, и я беру фуражку, уезжаю и отправляюсь домой петь с Денисовым, и Наташей, и уж верно никогда в руках моих не будет карта». И в эту минуту прелесть песни, дома —

Денисов, Наташа, Соня, и беседы, и даже спокойной постели в Поварском доме с такою силой и ясностью представлялась ему, что он не мог допустить, чтобы глупая случайность, заставившая семерку лечь прежде направо, чем налево, могла бы лишить его всего этого счастья и повергнуть в такую пучину еще не испытанного и неопределенного несчастья. Это не могло быть, но он все-таки ожидал с замиранием движения рук Долохова, но руки эти спокойно положили колоду карт и взялись за подаваемый стакан и трубку.

— Так ты не боишься со мной играть, — повторил Долохов, и как будто для того чтоб ему рассказать веселую историю, он положил карты, опрокинулся на спинку стула и медлительно с улыбкой стал рассказывать:

— Да, господа, мне говорили, что в Москве распушен слух, будто я шулер, поэтому советую вам быть со мною осторожным.

— Ну, мечи же! — говорил Ростов.

Долохов с улыбкой взялся за карты.

Семерка, которая была нужна ему, уже лежала вверх, первой картой в колоде.

— Однако ты не зарывайся, — прибавил он Ростову и продолжал метать.

Чрез полтора часа времени большинство игроков уже шутя смотрели на свою собственную игру. Вся игра сосредоточилась на одном Ростове. Вместо 1600 рублей за ним была записана длинная колонна цифр, которую он считал еще до 10-й тысячи и которая, как он предполагал, превышалась до 15 тысяч, в сущности же превышала 20 тысяч. Запись эту Долохов, несмотря на свою выдаваемую рассеянность, помнил до последнего рубля. Он решил продолжать играть до тех пор, пока запись эта возрастет до 42 тысяч. Число это было выбрано им потому, что 42 составляло сумму сложенных его годов с годами Софьи Александровны. Ростов, опершись головою на обе руки, ничего не видел, не слышал. «600 рублей, туз, угол, девятка... отыгаться невозможно, а как бы весело было у Елены... валет на пе, это не может быть... И зачем же это он делает со мной?» Иногда он ставил большую карту, но Долохов отказывался бить ее и сам назначал куш. Николя покорялся ему и то молился богу, как он молился на поле сражения на Энском мосту, то загадывал, что та карта, которая первая попадется ему под столом в руку, та спасет его; то рассчитывал, сколько было шнурков на его куртке, и с столькими же очками карту пытался ставить на весь проигрыш; то за помощью оглядывался на других играющих; то вглядывался в холодное теперь лицо Долохова и старался проникнуть, что в нем делалось. «Ведь он знает, — говорил он сам себе, — что значит этот для меня проигрыш. Не может он желать моей гибели. Но и он не виноват: что ж ему делать, когда ему везет счастье, и я не виноват, — говорил он сам себе. — Я ничего не сделал дурного. За что же такое ужасное несчастье! И когда оно началось? Еще так недавно, когда я подходил к этому столу с мыслью выиграть 100 рублей и ехать к Елене, я так был счастлив, хотя и не умел ценить того счастья. Когда же это кончилось и когда началось это новое, ужасное состояние? Чем ознаменовалась эта перемена. Я всё так же сидел на этом месте, у этого стола, и так же выбирал и выдвигал карты; когда же это совершилось, и что такое совершилось? Когда я здоров, силен и всё тот же, и всё на том же месте. Нет, этого не может быть, и, верно, всё это ничем не кончится». Он был красен, весь в поту, несмотря на то, что в комнате не было жарко. И лицо его было страшно и жалко, особенно по бессильной борьбе казаться спокойным.

Запись дошла до рокового числа. Ростов приготовил карту, которая должна была идти углом от 3000 рублей, только что данных ему, когда Долохов стукнул колодой, отложил ее и, взяв мел, начал быстро подводить итог записи Ростова. Николя понял в то же мгновение, что всё было кончено; но он равнодушным голосом сказал:

— Что же, не будешь еще. А у меня славная карточка притовлена. — Как будто более всего его интересовало веселье процесса самой игры.

«Всё кончено, я пропал, — думал он. — Теперь пуля в лоб — одно остается», — и вместе с тем веселым голосом говорил:

— Ну, еще одну карточку.

— Хорошо, — отвечал Долохов, окончив итог, — хорошо! 21 рубль идет, — сказал он, указывая на цифру 21, разрознившую ровный счет тысяч, и, взяв колоду, приготовился кидать. Ростов, в покорность, отогнул угол и вместо приготовленных 6000 старательно написал 21.

— Это мне всё равно, — сказал он, — мне только интересно знать, убьешь ты или дашь мне эту десятку.

Долохов, не улыбаясь, удовлетворил его интересу. Десятка была дана.

— За вами сорок две тысячи, граф, — сказал он и, потягиваясь, встал из-за стола. — А устаешь, однако, так долго сидеть, — сказал он.

— Да, и я тоже устал, — сказал Ростов.

Долохов, как будто напоминая ему, что ему неприлично было шутить, теперь перебил его.

— Когда прикажете получить деньги, граф?

Ростов вопросительно взглянул на него.

— Завтра, господин Долохов, — сказал он и, побыв несколько времени с другими гостями, вышел в переднюю, чтобы ехать домой. Долохов остановил его и отозвал в маленькую комнатку, в которую выходила другая дверь из передней.

— Послушай, Ростов, — сказал Долохов, схватив за руку Nicolas и глядя на него страшно нахмуренным лицом. Ростов чувствовал, что Долохов не столько озлоблен, сколько хочет казаться страшным в настоящую минуту.

— Послушай, ты знаешь, что я люблю Софи и люблю так, что я весь мир отдам за нее. Она влюблена в тебя, ты ее держишь, уступи ее мне, и мы квиты в 42 тысячи, которые ты не можешь заплатить мне.

— Ты с ума сошел, — сказал Nicolas, не успев оскорбиться, так неожиданно было это сказано.

— Помоги мне увести ее и овладеть ею, и мы квиты.

Ростов почувствовал в эту минуту весь ужас своего положения. Он понял удар, который он должен был нанести отцу, прося у него эти деньги, весь свой стыд, и понял, какое бы было счастье избавиться от всего этого и быть квит, как говорил Долохов, но только что он понял это, как вся кровь поднялась в нем.

— Вы подлец, коли вы могли сказать это, — крикнул он, с бешенством бросаясь на Долохова. Но Долохов схватил его за обе руки.

— Идите, смирно.

— Всё равно, я дам вам пощечину и вызываю вас.

— Я не буду с вами драться, она вас любит.

— Завтра вы получите деньги и вызов.

— Я не приму последнего.

Сказать «завтра» и выдержать тон приличия было нетрудно, но приехать одному домой с страшным воспоминанием случившегося, проснуться на другой день, и вспомнить, и идти к щедрому, кроткому, но запутанному делами отцу, признаваться и просить о невозможном — было ужасно. О дуэли он не думал. Надо было прежде заплатить, а драться — нетрудно.

Дома еще не спали. Входя в залу, он услышал громкий хриплый голос Денисова, его хохот и хохот женских голосов.

— Коли этого требует моя богиня, я не могу отказаться... — кричал Денисов.

— И прекрасно, отлично, — кричали женские голоса.

Все они стояли в гостиной около рояля.

Две сальные свечи горели в комнате, но при тысяче восковых свечей

нельзя было быть блестяще Наташи. Нельзя было блестяще рассыпаться серебряным смехом.

— А! вот и Nicolas! — закричали голоса. Наташа подбежала к нему.

— Какой ты умник, что рано приехал! Нам так весело! М-г Денисов остался для меня и мы его забавляем.

— Ну, хорошо, хорошо, — закричал Денисов, подмигивая Nicolas и не замечая его расстроенности. — Наталья Ильинична, за вами barcarolla. Ну-с.

— Nicolas, садись, аккомпанируй, а потом он сделает всё, что я велю.

Nicolas сел за рояль, никто не заметил, что он расстроен. Да и трудно было заметить что-нибудь, потому что он сам еще ясно не отдавал себе отчета в том, что он сделал и что предстоит ему. Он сел и сыграл прелюдию любимой баркароллы. Баркаролла эта, привезенная недавно из Италии графиней Перовской, только что была понята и разучена в доме Ростовых. Это была одна из тех музыкальных вещей, которые напрашиваются в ухо и чувство, [предста] неотразимо привлекая к себе первое время и исключая всякое другое музыкальное воспоминание. Спать ложисься, просыпаешься, — всё в ушах повторяются музыкальные фразы, кажется всё пустяки, вяло, скучно, и изысканно в сравнении с этими фразами. Запоет ли хороший голос эту мелодию, слезы навертываются на глаза, и всё кажется легким и ничтожным, и счастье так близким и возможным. Правда, такие мелодии, как эта баркаролла, скоро надоедают, делаются столь же невыносимыми, сколько они были неотразимыми первое время.

Nicolas взял первый аккорд прелюдии и хотел встать.

— Боже мой, что я делаю, — подумал он. — Я бесчестный, я погибший человек. Пулю в лоб — одно, что остается. И что делать? Как выйти из этого? Нет выхода. А я хочу петь с ними.

— Nicolas, что с вами? — спросил взгляд Сони, устремленный на него. Она одна видела, что что-нибудь нехорошо с ним. Он сердито отвернулся. Ему оскорбительно было за нее, ее участие. Он считал себя столь низко упавшим человеком, что он срамил всех людей, которые любили его. [Между тем Наташа, счастливая восхищением]

Наташа с своей чуткостью тоже мгновенно заметила состояние своего брата. Она заметила его, но ей самой было так весело в эту минуту, так далека она была от горя, грусти, упреков, что она (как это часто бывает с молодыми людьми), [обманула] нарочно обманула себя. «Я слишком счастлива в эту минуту и слишком большое удовольствие предстоит мне, чтобы его портить [из-за] сочувствием горю», — почувствовала она и сказала себе: — «Нет, я, верно, ошибаюсь, он должен быть весел, так же как я».

— Ну, Nicolas, — сказала она и вышла на самую середину зала, где, по ее мнению, лучше всего был резонанс. Она сначала, гордо приподняв голову, грациозно опустив руки и энергическим движением переступая с каблучка на цыпочки, прошла по середине комнаты и остановилась.

«Вот она я! — как будто говорила она. — Ну-ка, кто останется равнодушным ко мне. Посмотрим». Ей всё равно было: два, три человека смотрели на нее. Она вызывала весь мир этим взглядом. Добрый, восхищенный взгляд Денисова встретился с ее взглядом. «Однако, какая вы злодейская кокетка будете», — сказал его взгляд. «Да еще какая, — отвечали ее взгляд и улыбка. — А чтож, разве это дурно? Ну-с».

Nicolas машинально ударил первый аккорд. «И что они делают глупости — поют, — думал он, — когда тут человек — я, погибаю. Не об этом думать надо, а о том, как спасти себя. А это всё глупо, детство, и старый Денисов любезничает, противно».

Наташа взяла первую ноту, горло ее расширилось, грудь выпрямилась, глаза приняли серьезное выражение. Уже она не думала ни о ком, ни о чем в эту минуту, и из в улыбку сложенного рта полились звуки, те звуки, которые может производить в те же промежутки времени и в те

и скавал предъ и попла-
 ка своимъ братавшимъ Знака-
 лившимъ отыскивать зурину
 сущиу, когда онъ втринуе въ
 25. Касяса са камердинера на
 мимъ за нимъ дежот. Вал
 въ кабинетъ у себя мамей
 свина неграждан на двант
 и махавшая по въ похоро-
 зима другое дело отъ себя выкидъ а въ раз. 10. не похоро-
 реденъ мейнъ по дромъ делъ в. пох. въ дромъ
 даиъ ~~расторъ~~ ~~в. пох. въ дромъ~~
 Грейр да мейнъ Н. Раста,
 утхана въ свой поухъ ти-
 хий задумчивый и негражданъ
 ни прастившимъ ни са кма,
 ннъ едомъ биестемннъ Зна-
 комый и проведннъ послидъ
 все время въ камнате на
 рмшенъ не тмевъ ииъ амъ
 башеъ етмевннъ мнуръ-
 ка. Старой графъ на
 бравъ учитеиъ и цвертанеъ
 носитъ отъ тогда сама въ ро-
 жт переманъ въ деревню
 сажеъ тмевннъ каке
 снъ думалъ етановишеъ
 не обкладннъ вннъ дствнъ
 совершеннаго разетраиъ ства

СТРАНИЦА РУКОПИСИ 103

Текст под диктовку рукой Е. А. Берс с правкой Толстого. На полях план романа с указанием объема в печатных листах (автограф)

же интервалы всякий, но которые 1000 раз оставляют вас холодным, а в 1001 раз [выворачивают всё неземное, что есть в душе вашей] заставляют вас содрогаться и плакать. Весь мир для Nicolas мгновенно сосредоточился в ожидании следующей фразы, всё сделалось разделенным на три темпа, в котором была написана ария, которую она пела. Раз, два, три, раз, два, три, раз... «Эх, жизнь наша дурацкая, — подумал Nicolas. — Всё это несчастие, и Долохов, и злоба, и деньги, и долг, и честь, — всё это вздор... а вот оно — настоящее... Ну, Наташа, как она это si возьмет... Отлично». — И он невольно взял полной грудью вторую и третью высокой ноты — раз, два, три, раз...

Давно уже не испытывал Nicolas такого наслаждения от музыки, как в этот день. Но прошло время, и он опять вспомнил и ужаснулся. Старый граф, веселый и довольный, приехал из клуба. Nicolas не имел духа сказать ему в тот же вечер.

На другой день он не выезжал из дому и не решался объявить отцу о своем проигрыше. Несколько раз подходил к двери кабинета и с ужасом отбегал назад. Но не было выхода из этого положения. Изменял ли он своему слову в отношении Долохова, лишал ли он себя жизни, как он думал об этом неоднократно, или объявлял обо всем, без тяжелого удара своим старикам, дело это не могло обойтись. Он пришел перед обедом к отцу; вместо того, чтобы сказать, что было нужно, с веселым видом начал говорить, сам не зная почему, о последнем бале. Наконец, когда отец взял его под руку и повел пить чай, он вдруг самым небрежным тоном, как будто он просил экипажа съездить в город, сказал ему:

— Папà, а я к вам за делом приходил. Я было и забыл. Мне денег нужно.

— Вот как,— сказал отец, находившийся в особенно веселом духе.— Я тебе говорил, что неостанет. Много ли?

Очень много,— краснея, и с глупой, небрежной улыбкой, которую долго потом не мог себе простить Nicolas.— Я немного проиграл,— сказал он,— то есть много, даже очень много, 42 тысячи.

— Что? Полно, не может быть...

Когда сын рассказал, всё как было, и главное то, что он обещал заплатить нынче же вечером, старик схватил себя за голову, и не думая упрекать сына и жаловаться, бросился из комнаты, только приговаривая: «Как же ты мне не сказал прежде», и поехал к своим знатым знакомым отыскивать нужную сумму⁴. Когда он вернулся в 12 часу с камердинером, неспшим за ним деньги, он в кабинете у себя нашел сына, лежавшего на диване и плакавшего навзрыд, как ребенок.

Денисов на другой день отвез деньги и вызов Долохову, но получил отказ. [Денисов ехал на другой день в полк, Nicolas остался дома, сам не зная для чего, месяц.]

Через две недели Николай Ростов уехал в свой полк — тихий, задумчивый и печальный, не простившись ни с кем из своих блестящих знакомых и проведенный последнее время в комнате барышень, исписав их альбомы стихами и музыкой. Старый граф, набрав учителей и гувернанток, после отъезда сына вскоре переехал в деревню, где его присутствие, как он думал, становилось необходимо вследствие совершенного расстройств дел, произведенного преимущественно последним неожиданным долгом — 42 тысячи.

(XXVI)

Два дни после объяснения своего с женою Пьер уехал в Петербург с намерением получить паспорт и ехать за границу¹, но война была уже объявлена и паспорта не выдавались. Остановившись не в своем доме, не у тестя, князя Василья, ни у кого из многочисленных знакомых, он жил в Аглицкой гостинице, не выходя из комнаты и никому не дав знать о своем приезде. Целые дни и ночи он проводил, лежа на диване и задремывая или читая или расхаживая по своей комнате, или слушая разговоры

⁴ На полях:

В Петербурге	}	 9 л.	}	28
В Москве				
В деревне				
За границей				
В Петербурге	}	 7 л.		
В деревне				
В Москве				
Аустерлиц				
В Москве	}	 4 л.		
В деревне				
В деревне	}	 5 л.		
В деревне				
В деревне	}	 3 л.		
В деревне				

<i>В Москве</i>	}	3 л.
<i>В Петербурге</i>		
<i>в деревне</i>		
<i>Тильзит</i>		
<i>Письмо</i>	}	5 л.
<i>В Петербурге</i>		
<i>В деревне</i>		
<i>В Турции</i>		

¹ На полях: *Письма.*

г-на Благовещенского, — единственное лицо, которое он видел в Петербурге. Благовещенский был хитрый, подобострастный и глупый делец, который ходатайствовал по делам еще покойного графа Безухова. Pierre послал за ним, чтобы поручить ему взять паспорт, и с тех пор он приходил каждый день и сидел молча целые дни перед Pierr'ом, считая это сиденье в комнате графа весьма хитрым с своей стороны маневром, долженствовавшим принести ему большие выгоды. [Pierre <говорил>] Pierre же привык к этому глупому и подобострастному лицу, не обращал на него никакого внимания, но любил, когда он сидит тут.

— Приходите же, — говорил он ему, прощаясь.

— Слушаю-с. Всё изволите читать, — говорил Благовещенский входя.

— Да. Садитесь, чаю, — говорил Pierre.

Pierre жил так более двух недель. Он не знал, когда какое число, какой день и каждый раз, просыпаясь, [не знал] спрашивал себя, вечер это или утро. Ел он то в середине дня, то в середине ночи. Прочел он в это время и все романы *m-me Suza* и *Radcliff* и «*Escrit des lois*» *Montesquieu* и скучные волюмы «*Correspondance*» *Rousseau*, которые он не читал до сих пор, и всё ему казалось одинаково хорошо. Как только он оставался без книги или без Благовещенского, рассказывающего о выгоде службы в Сенате, он начинал думать о своем положении, и всякий раз как повторялся в его голове весь, всё тот же самый, путь тысячу раз повторенных скверных мыслей и приводил его всё к тому же *cul de sac*² отчаяния и презрения к жизни; он говорил себе и всякий раз вслух и по-французски: «Э, разве не всё равно. Стоит ли думать об этом, когда вся жизнь такая короткая глупость».

Только когда он читал или слушал Благовещенского, ему урывками приходили прежние мысли то о том, как глуп Благовещенский, полагая, что быть сенатором верх славы, когда слава [есть] египетского героя, и та нечистая слава, то, читая про любовь какой-нибудь *Amelie*, о том, как бы он сам полюбил и отдал бы себя любви женщине, то читая *Montesquieu* о том, как односторонне судит писатель этот о причинах духа законов и как, ежели бы он дал себе труд подумать, он, Pierre, написал бы об этом предмете другую лучшую книгу и т. д.

Но как только он останавливался на этой мысли, ему приходило в голову то, что с ним было и он говорил себе, что всё это вздор и всё равно, и не стоит того вся глупая жизнь, что <бы> чем-нибудь заниматься. Как будто свернулся тот винт, на котором стояла вся его жизнь.

«Что я, для чего я живу, что творится вокруг меня, что надобно любить и что надобно презирать, что я люблю и что я презираю, что дурно, что хорошо?» — были вопросы, которые, не получая ответа, представлявшиеся ему³. И отыскивая ответы, он лично, одиноко, несмотря на свое малое изучение философии, проходил по тем путям мысли и приходил к тем же сомнениям, по которым проходила и старая философия всего человечества. «Что есть я, что жизнь, что смерть, какая сила управляет всем?» — спрашивал он себя. И единственный, не логический ответ на все эти вопросы удовлетворял его. Ответ этот: «только в смерти возможно спокойствие». Всё в нем самом и вокруг его во всем мире представлялось ему столь запутанным, бессмысленным и безобразным, что он боялся одного, как бы люди не втанули его опять в жизнь, как бы не вывели его из этого презрения ко всему, в котором одном находил он временное успокоение.

В одно утро он лежал, положив ноги на стол, с раскрытым романом, но погруженный в этот тяжелый, безвыходный ход мыслей, всё повертывая и повертывая этот свинтившийся винт мысли, всё так же повертывавшимся и ничего не захватывавшим³. Благовещенский сидел [против]

² безвыходному положению

³ Так в автографе.

в уголке и Риегге смотрел на его чистенькую фигуру, как смотрят на угол печи. «Ничего не найдешь, ничего не придумаешь»,— говорил себе Риегге. Всё гадко, всё глупо, всё наыворот. Всё, из чего бьются люди, гроша не стоит. А знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это высшая степень человеческого премудрости. «Не глупа эта аллегория о невозможности вкушения плода с дерева познания добра и зла»,— думал он. [Но <когда?>]

— Захар Никодимыч! — обратился он к Благовещенскому. — Когда вас учили в семинарии, как вам объясняли значение дерева познания добра и зла?

— Уж это я забыл, ваше сиятельство, но профессор был вы<сокого?> ума...

— Ну, расскажите... — Но в это время в передней послышался голос камердинера Риегг'а, не впускающего кого-то, и тихий, но твердый голос посетителя, говоривший: «Ничего, мой друг, граф меня не выгонит и будет тебе благодарен за то, что ты впустил меня».

«Затворите, затворите дверь!» — закричал Риегге, но дверь отворилась, и в комнату вошел [быстрыми шагами] невысокого роста, худой, старый человек в парике и пудре, чулках и башмаках, с белыми, седыми бровями, особенно резко отделявшимися на его чистом [желто-бледном] старческом лице. В приемах человека этого была приятная уверенность, учтивость человека высшего света. Пьер растерянно вскочил с дивана и с невольной улыбкой вопросительно обратился к старику. Старик, печально улыбнувшись Пьеру, оглянул беспорядочную комнату и тихим ровным голосом назвал свою нерусскую известную Риегг'у фамилию, объяснив, что он имеет переговорить с ним с глазу на глаз. При этом он взглянул на Благовещенского так, как глядят только люди, имеющие власть. Когда Благовещенский вышел, старик [усадил подле себя] сел подле Риегг'а и долго, пристально, ласкающим взглядом, молча посмотрел ему в глаза⁴.

Вокруг Риегг'а были разбросаны по полу и стульям бумаги, книги и платья. На столе валялись остатки завтрака и чая. Сам Риегге был неумытый, небритый и взлохмаченный, в грязном халате. Старик был так чисто выбрит, так облегал высокий жабо его шею, так обрамлял пудренный парик его лицо [так] и чулки его сухие ноги, что [всё это] он, казалось, не мог быть иным.

— *Mais le comte*, — сказал он удивленно глядящему на него и испуганно запахивающему свой халат Риегг'у. — Несмотря на ваше совершенно законное удивление видеть меня, незнакомца, у вас, я должен был утрудить вас. И ежели вам угодно будет дать мне короткую аудиенцию, вы узнаете в чем дело.

Риегге почему-то с невольным уважением вопросительно смотрел чрез очки на старика и молчал.

— Слышали ли вы, граф, про братство свободных каменщиков, — сказал старичок. — Я имею счастье принадлежать, и братья мои предписали мне прийти к вам. Вы меня не знаете, но мы знаем вас. Вы любите бога, то есть истину, и любите добро, то есть ближнего, братьев своих, и вы в несчастии, унынии и горе. Вы в заблуждении и мы пришли помочь вам, открыть вам глаза и вывести на путь, который ведет к вратам обновленного Эдема.

— Ах да, — с виновной улыбкой сказал Пьер [которому хотелось поскорее отделаться от посетителя, — но, признаюсь, в настоящую минуту мало интересуюсь чем.]. Очень вам благодарен... я... — Риегге не знал, что ему сказать, но лицо и речи старичка успокоительно-приятно действовали на него⁵. Лицо старичка, оживившееся и принявшее оживленное вы-

⁴ На полях: *Письмо его к Андрею о новой жизни.*

⁵ На полях: *Он видел веру и твердое убеждение, а оно-то убеждает больше всего. Да и потом, что за беда — всё равно.*

ражение, в то время как он начал говорить о каменщичестве, опять стало холодно и сдержанно учтиво.

— Очень благодарен... но оставьте меня в покое, — сказал старичок, по-своему доканчивая фразу Pierr'a. Он улыбнулся и вздохнул, своим твердым, полным жизни взглядом упорно глядя в растерянные глаза Пьера, и, странно, Пьер в этом взгляде почувствовал надежду на успокоение. Он чувствовал, что для этого старичка мир не был безобразною толпою, не освещенный светом истины, но, напротив, стройным величественным целым.

— Ах, нет, совсем нет, — сказал Pierre. — Напротив, я только боюсь, насколько я слышал и читал о масонстве, что я очень далек от понимания его.

— Не бойтесь, брат мой. Бойтесь одного всемогущего Творца. Говорите прямо все свои мысли и сомнения, — сказал старичок, спокойно и строго, опять покидая тон учтивости и входя в тон одушевления. — Никто один не может достигнуть до истины, только камень за камнем, с участием всех, миллионами поколений от праотца Адама и до нашего времени воздвигается храм Соломона, который должен быть достойным жилищем великого Бога. Ежели я знаю что-нибудь, ежели я дерзаю, сам ничтожный раб, приходить на помощь ближнему, то только оттого, что я есть составная часть великого целого, что я есмь звено невидимой цепи, начало которой пропадает в небесах.

— Да... я... да отчего же?... — сказал Pierre. — Я бы желал знать, в чем состоит истинное франкмасонство [спросил]. Какая цель его? — спросил Pierre.

— Цель? Воздвижение храма Соломона — познание [мудрости] природы. Любовь к богу и любовь к ближнему. — Старичок замолчал с таким видом, что надо долго обдумывать сказанные слова. Они помолчали минуты 2.

— Но это цель христианства, — сказал Pierre. Старичок не отвечал.

— И какое же познание природы? [Отчего оно достигается обществом, а не единично? [Никогда] Я бы был более способен, — сказал Pierre, — понять и полюбить учение, которое бы мне показало стройность мира. Как теперь я сомневаюсь, и мучаюсь и сомневаюсь теперь, — говорил он, поощряемый выражением кроткого и снисходительного участия, которое было на лице его собеседника. [— Скажите мне ясно и прямо, что такое масонство]] И какими путями вы дошли до того, чтобы достигать в мире осуществление вашей троякой цели — любви к Богу, к ближнему и к истине? [тогда как в моих глазах мир представлен, сколько я ни стараюсь видеть иначе, представляется собранием сил, сталкивающихся друг с другом и пожирающих одна другую]. Мне кажется, это невозможно.

Старичок кивал головой, как бы одобрявая каждое слово Pierr'a. На последних словах он остановил Pierr'a, входившего в умственное, раздраженное одушевление.

— Разве ты не видишь в природе, что силы эти не пожирают одна другую, а сталкиваясь, производят гармонию и благодать.

— Да, но, — начал Pierre.

— [Вижу. Да, но гармония всё же это только внешняя, частная, да, элементы сходятся.] Да, но в мире нравственном, — перебил его старичок, — ты не видишь этой гармонии, ты видишь, что элементы сходятся, чтобы произвести произрастание, произрастание служит для того, чтобы напитать животное, а животные без цели и следа пожирают одно другое. И человек, кажется тебе, губит вокруг себя всё для удовлетворения своей похоти и под конец всё не знает своей цели, к чему и зачем он живет.

— Да, нет, да, — сказал Pierre, — всё более и более чувствуя уважение к этому старичку, угадывавшему и высказывавшему его мысли.

— Живет, чтобы понять Бога, своего творца — сказал старичок, опять молчанием подчеркивая свои слова.

— Я... вы не думайте, что это так из моды... я не верю, не то, что не верю, я не знаю Бога,— с сожалением и с усилием сказал Pierre, чувствуя необходимость сказать всю правду и пугаясь, что он говорит.

Старичок улыбнулся, как улыбнулся бы богач, держащий в руке 1000-чи, бедняку, который бы сказал ему, что нет у него, у бедняка, 5 рублей и он чувствует, что невозможно достать их.

— Да, вы не знаете его, граф,— сказал старичок, переменяя тон и покойно усаживаясь и доставая табакерку.— Вы не знаете его, оттого вы и несчастны, оттого мир для вас есть грудa развалин, валящихся и разрушающихся одни на другие.

— Да, да,— сказал Pierre тоном нищего, который подтверждает заявление богача о его бедности.

— Вы не знаете его, граф, вы очень несчастны, а мы знаем его и служим ему и в этом служении обретаем высочайшее блаженство не только в загробной жизни (которой вы тоже не знаете), но и в этом мире. Многие говорят, что знают его, но они еще не вступили на первую ступень этого знания. Ты не знаешь его. А он здесь, он во мне, он в моих словах, он в тебе и даже в тех кощунствующих речах, которые ты произнес сейчас,— дрожащим голосом сказал старичок. Он помолчал. Но познать его трудно. Мы работаем для этого познания и в работе этой находим высшее счастье на земле.

— Но в чем же состоит она, эта работа?

— Ты сказал сейчас, что цель наша есть та же, что и цель христианства. Отчасти это справедливо, но цель наша определена еще до воплощения Сына Божия. Мастера нашего ордена были у египтян, халдеев и древних евреев.

Как ни странно было то, что говорил старичок, как в душе своей ни смеялся прежде Pierre над этим родом масонских суждений, которые ему прежде доводилось слышать с упоминанием халдеев и таинств натуры, но теперь он с замиранием сердца слушал старичка и уже не спрашивал его, а верил тому, что он говорил. Он верил не тем разумным доводам, которые были в речи старичка, а верил, как верят дети интонациям убежденности и сердечности, которые были в его речи. Он верил тому дрожанию голоса, с которым старичок выразил сожаление о незнании Бога Pierre'ом, он верил этим блестящим старческим глазам, состарившимся на том же убеждении, он верил тому спокойствию и жизнерадостности, которые светились из всего существа старичка, которые особенно сильно поражали его в сравнении с своей опущенностью и безнадежностью. Он верил той силе огромного общества людей, связанных веками одной мыслью, которой старичок был 30-летним представителем.

— Открыть профану таинство нашего ордена невозможно. Невозможно потому, что знание этой цели достигается только работами, медленно подвигающими истинного каменщика от одной ступени знания к другой, более высокой. Постигнуть всё — значит постигнуть всю мудрость, кою обладает орден. Но мы давно следили за тобой, несмотря на жалкое твое невежество и мрак, застилающий свет души твоей. Мы решили избрать тебя и спасти от самого себя. Ты говоришь, что мир состоит из падающих и давящих одна другую развалин. И это справедливо. Ты один есть сия развалина. Что ты? — И старичок начал излагать Пьеру всю его жизнь, его обстановку и его свойства, ничего не скрашивающими прямыми и сильными словами.— Ты богат, десять тысяч человек зависят от твоей воли. Видел ли ты их, узнал ли ты об их нуждах, позаботился ли, подумал ли о том, в каком положении находятся их тело и душа, помог ли ты им, в чем состояла твоя прямая и священная обязанность найти пути для достижения царства божия? Осушил ли ты слезы вдов и сирот; любил ли ты сердцем их хоть одну минуту? Нет. Пользуясь плодами их трудов, ты предоставил их воле своекорыстных и невежественных людей, и ты говоришь, что мир есть падающая развалина. Ты женился и взял на себя

а сие опасши и спасающе
не таковы преступники и не
та. Мелк играет и мал
в Даворова то знаешь что
наши братья и мастера наши
по ордену Иудея назывались
таковы врачевания Кеовичская
тама пасианд банд наши по
тему как та скитается саво
фривод и ванд итаанд ту
менты наши. Старики же
тама французское племени
прарод св. Во племени описи
ваисае, что племени Даворо
ва которое было почти беззак
онно, теперь же предмет
идеет банде никакой опасно
сти. Каренегенте прибавили
что же исаеет попытки
св нравственности врачевания
Эта Даворова во иракоду
ни, банд совершенно туго
Ванд разнота иудея
саванд и наши описианд ама
отписывающе.

*Emapurex praedraux amb Pa
coba unpaq na naxoxera de rina m
deu naxoxera de rina m
naxoxera de rina m
naxoxera de rina m
naxoxera de rina m*

СТРАНИЦА РУКОПИСИ 103

Текст под диктовку рукой Е. А. Берс с поправкой Толстого. Вставка на полях — автограф

ответственность в руководстве молодого и неопытного существа, и что же ты сделал, думая только об удовлетворении своих радостей?..

Как только старичок упомянул о жене, Ригге багрово покраснел и начал сопеть носом, желая перебить его речь, но старичок не допустил.

— Ты не помоги ей найти пути истины, а свергнул ее в пучину лжи и разврата. Человек оскорбил тебя, и ты убил его или хотел убить его. Общество, отечество твое дало тебе счастливейшее и высшее положение в государстве. Чем ты отплатил ему за эти блага? Старался ли ты в судах держать сторону правосудия или достигать близости к престолу царя для того, чтобы защищать правду и помогать ближнему? Нет, ты ничего этого не сделал, ты отдался самым ничтожным страстям человеческим, окружил себя презреннейшими лстецами, и когда несчастье показало тебе всю ничтожность твоей жизни, ты обвиняешь не себя, а премудрого Творца, которого ты не признаешь, для того, чтобы не бояться Его.

Риеге молчал. Описав мрачными красками его прошедшую жизнь, старичок перешел к описанию той жизни, которую должен был вести:

и устроить Пьер, ежели бы он хотел следовать правилам масонов. Огромные имения его должны были быть все объезжены, во всех должны были быть сделаны материальные благодеяния крестьянам, везде должны были <быть> учреждены богадельни, больницы, школы. Огромные средства должны были быть употреблены на распространение просвещения в России, издание книг, воспитание духовных лиц, собрание библиотек и т. п. Сам он должен был занимать видное служебное место и помогать благодетельному Александру искоренять в судах лихоимство и неправду. Дом его должен был быть местом сборища всех единомыслящих людей, стремящихся к той же цели. Так как он имеет склонность к занятиям философским, то свободное от службы и управления имением время должно было употребляться на приобретение знаний таинств природы, в котором высшие мастера ордена ему не отказали бы в своем пособии.

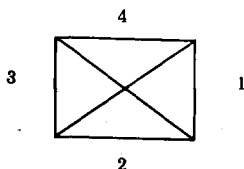
— Тогда бы,— заключил он,— знание того, который бы руководил тобою в ведении таковой жизни, которого помощь и благословение ты чувствовал бы всякое мгновение, тогда бы знание это пришло само собою.

Pierre молча сидел перед ним и слезы стояли в его больших, умных, внимательных глазах. [Pierre почувствовал] Он чувствовал себя вновь обновленным.

— Да, всё, что вы говорите мне, было моими единственными желаниями, моими мечтами,— сказал Пьер,— но я в жизни не видел ни одного человека, который бы не посмеялся над такими мыслями. Я думал, что это невозможно, ежели бы...

Старичок перебил его.— Почему же мечтания эти не осуществились,— сказал старичок, видимо увлекаясь спором, на который Pierre не вызывал его, но который в других случаях часто представлялся ему.— Я тебе скажу это, отвечая на тот вопрос, который ты мне сделал прежде. Ты сказал, для чего масонство учит тому же самому, чему учит и христианство. Христианство есть учение, масонство есть сила. Христианство не поддержало бы тебя, оно отвернулось бы от тебя с презрением, как скоро бы ты произнес те кощунственные слова, которые ты произнес сейчас при мне. Мы же не признаем различия вероисповеданий, как и не признаем различия наций, сословий; мы считаем всех равно своими братьями, всех тех, которые любят человечество и истину. Христианство не пришло и не могло прийти к тебе на помощь, а мы спасали и спасаем не таких преступников, как ты. Тебя мучает мысль о Долохове. Так знай же, что наш брат и мастер нашего ордена, глубоко познавший тайны врачевания человеческого тела, послан был нами к тому, кого ты считаешь своей жертвой, и вот что он пишет нам. Старичок достал французское письмо и прочел его. В письме описывалось, что положение Долохова, которое было почти безнадежно, теперь не представляет более никакой опасности. Корреспондент прибавлял, что, к несчастью, попытки его нравственного врачевания, этой закоренелой во мраке души, были совершенно тщетны. Вот разница между христианством и нами.

Старичок замолчал, подвинул к себе лист бумаги и карандашом нарисовал квадрат, перекрестив его двумя диагоналями, и на каждой стороне квадрата поставил №-а от 1-го до 4.

Против 1 он написал — бог, против 2-го — человек, против 3 — плоть, против 4 — смешанное и, подумав над этим, подвинул бумагу к Pierre'у. Мы не знаем, граф, и поэтому я вам открываю многое, чего мы не знаем

и не можем открыть неофитам. Вот оно, масонство. Человек должен стремиться быть центром. Стороны этого квадрата заключают все...

Старичок просидел от двенадцати часов утра до позднего вечера у Пьера. Они переговаривали обо всем. Риегге замечал, что старичок не только не боялся, не признавал его безверие, как бы говори, что он уверен, что эта минутная ошибка мысли скоро пройдет.

Через неделю был назначен прием Безухова в [ложу Северного сияния] Петербургскую ложу <1 нрзб.> Ищущих Манн.

«XXVII»

Дело Риегг'а с Долоховым было замято, и, несмотря на строгость государя в то время в отношении дуэли, ни оба противника, ни их секунданты не пострадали. Но история дуэли, подтвержденная разрывом Пьера с своей женой, разглашалась в обществе и дошла до слуха самого государя. Пьер, на которого смотрели снисходительно, покровительственно, когда он был незаконным сыном, которого ласкали и прославляли, когда он был лучшим женихом в Российской империи, после своей женитьбы, когда невестам и матерям нечего было ожидать от него, сильно потерял во мнении общества, тем более, что он не умел и не желал заискивать общего благоволения¹. Теперь его одного обвиняли в происшедшем, говорили, что он бестолковый ревнивец, подверженный таким же кровожадным бешенствам, как и его отец. Князь Василий уже по письмам дочери из Москвы узнал, что его зять в Петербурге, отыскал его и написал записку, призывая к себе. Пьер ничего не ответил и не поехал. Князь Василий сам приехал к нему вскоре после посещения масона. Пьер всё это время никого не видел, кроме итальянца, новых друзей своих масонов и целые дни проводил за чтением их книг, перейдя от состояния апатии к страстному любопытству узнать, что же такое было это масонство. Он был принят Comragne², он прошел испытание, он давал пожертвования, он слышал речи, и хотя и не мог ясно понять, чего они хотели, он чувствовал душевное успокоение [и, главное], надежду совершенствования, главное, подчинение чему-то и кому-то неизвестному и освобождение от своей необузданной воли. Он ждал только последствий четвергового собрания ложи, для того чтобы прочесть свои предположения о работах в деревне, и собирался ехать приводить их в исполнение. Он был занят переписыванием набело своей речи, когда вошел князь Василий.

— Мой друг, ты в заблуждении,— это были первые слова, которые он сказал ему, входя в комнату.— Я всё узнал и могу тебе сказать верно, что Элен невинна перед тобой, как Христос перед жидами.— Пьер хотел отвечать, но он перебил его.— Я всё понимаю, я всё понимаю,— сказал он,— ты вел себя как прилично человеку, дорожающему своею честью; может быть, слишком поспешно, но об этом мы не будем судить. Одно ты пойми, в какое ты ставишь положение ее и меня в глазах всего общества и даже двора,— прибавил он, понизив голос.— Полно, мой милый,— он потянул его вниз за руку,— всякому греху прощение; будь добрым малым, каким я тебя знал. Напиши сейчас со мною письмо, и она приедет сюда, и все эти толки кончатся, а то я тебе скажу, ты очень легко можешь пострадать, мой милый. Мне из хороших источников известно, что вдовствующая императрица принимает живой интерес во всем этом деле. Ты знаешь, она очень любила Элен еще в девушках.

Несколько раз Пьер собирался говорить, но, с одной стороны, князь Василий не допускал его до этого, поспешно перебивая разговор, с другой стороны, сам Пьер боялся начать говорить не в том тоне решительного отказа и несогласия, в котором он твердо решил ответить своему тестю. Он морщился, краснел, вставал и опускался, работая над собою в самом

¹ На полях: *Pierre главное весел и рассеян.*

² в члены Общества

трудном для него в жизни деле — сказать неприятное в глаза человеку, сказать не то, что ожидал этот человек, кто бы он ни был. Он чувствовал, что от первого слова его зависела теперь его судьба. Он так привык по-виноваться этому тону небрежной самоуверенности князя Василия, что и теперь он чувствовал, что не в силах он будет противостоять ей. Он чувствовал, однако, что от того, что он скажет сейчас, будет зависеть вся дальнейшая судьба его: пойдет ли он по старой, прежней дороге, или по той новой, которая так привлекательно была указана ему и на которой, он твердо верил, что найдет возрождение к новой жизни.

— Ну, мой милый, — шутливо-весело и самоуверенно сказал князь Василий, — скажи же мне «да», и я от себя напишу ей, и мы убьем жирного тельца. — Но князь Василий не успел договорить своей шутки, как Пьер с бешенством в лице, которое действительно напоминало его отца, не глядя в глаза собеседнику, проговорил тихим шепотом.

— Князь, я вас не звал к себе, идите, идите! — Он вскочил и отворил для него дверь. — Идите же! — повторил он, сам себе не веря и радуясь выражению смущенности и страха, показавшемуся на лице князя Василия.

— Что с тобой? Ты болен.

Идите! — еще раз проговорил угрожающий голос. И князь Василий должен был уехать, не получив никакого объяснения.

На другой день Пьер получил записку от Анны Павловны Шерер, приглашавшую его непременно побывать к ней³ нынче вечером между 7 и 8 часами для очень важных переговоров и сообщения ему радостного известия о князе Андрее Болконском. Пьер и все в Петербурге считали князя Андрея убитым.

В записке приписывалось, что, кроме его, у Анны Павловны никого не будет⁴. Пьер догадался вследствие этой приписки, что Анне Павловне уже было известно его вчерашнее свидание с тестем, что нынешнее свидание имело целью только продолжение вчерашнего, и что известие о князе Андрее была только приманка; но, убедив себя тем, что при новой его жизни ему не нужно бояться людей, что, вероятно, что-нибудь и правда о известии, касавшемся князя Андрея, он в первый раз после своей дуэли выбрился, надел фрак и поехал в далекое общество. Он был весел и сдержан. Как бы подтрунивая над всем миром, зная истину.

С того первого вечера, как Пьер так неуместно защищал Наполеона в гостиной Анны Павловны, прошло много времени. Первая коалиция была уничтожена, сотни тысяч людей погибли под Ульмом и Аустерлицем. Буонапарте, столь возмущавший Анну Павловну своей дерзостью присоединения Генуи и надевания себе на голову сардинской короны, Буонапарте этот с тех пор посадил своих двух братьев королями в Европе, предписывал законы всей Германии, был признан императором всеми европейскими дворами, кроме России и Англии, уничтожил в две недели прусскую армию под Иеной, вступив в Берлин, взял понравившуюся ему шпагу Фридриха Великого и отослал ее в Париж (это последнее обстоятельство более всех других раздражало Анну Павловну) и, объявив войну России, обещался уничтожить ее новые войска, так же как и под Аустерлицем. Анна Павловна же давала в свободные дни у себя такие же вечера, и точно так же, как и прежде, подшучивая над Наполеоном, и недоумевающе гневалась на него и на всех европейских государей и полководцев, которые, как ей казалось, нарочно согласились потворствовать Наполеону, чтобы сделать ей и вдовствующей императрице эту нравственную неприятность и огорчение. Но Анна Павловна и ее высокая покровительница считали себя выше такого поддразнивания. — Тем хуже для них, — говорили они и все-таки высказывали приближенным свой на этот счет непритворный образ мыслей.

³ Так в автографе.

⁴ На полях: *Hélène уже в Бартештейне. Государь обласкал ее на бале и спрашивал о нем. Он бы мог сделать карьеру. Pierre весело отшучивается.*

В тот вечер, когда Пьер взойшел на крыльцо Анны Павловны, его встретил тот же придворный лакей, с тем же значительным и торжественным видом отворил дверь и провозгласил его имя, когда он входил по ковру в ту же бархатную масака гостиную, в которой на том же кресле, с тем же безучастным видом сидела безмолвная тетушка, во всех своих чертах и позе олицетворяя тихую и преданную печаль о безбожных успехах Буонапарты.

Анна Павловна, столь же твердая и несомненная в своих приемах, вышла к Пьеру и особенно ласково подала ему свою желтую, сухую руку.

— О! как вы переменялись,— сказала она ему,— и к лучшему, значительно к лучшему. Очень благодарна, что вы приехали. Вы не будете раскаиваться в том, но прежде, чем я скажу вам ту новость, которою должна обрадовать вас, я еще должна прочесть вам проповедь.

— Жив он? — нетерпеливо спросил Пьер и на лице его отразилось то выражение молодой любви и счастья, которого не было на нем со времени его женитьбы.

— После! После! — шутливо проговорила Анна Павловна. — Если вы будете послушны к моим проповедям, то я вам скажу эту новость.

Пьер нахмурился. — Я не могу этим шутить, — сказал он. — Вы не знаете, что для меня этот человек. Жив ли он?

— Пилад ваш жив, — с легким презрением сказала Анна Павловна, — но помните, с каким условием я говорю вам это и скажу еще все подробности о нем. Вы должны меня слушать, как духовника, и исполнить мои советы, но надеюсь, что вы не такой страшный спорщик, как бывали прежде. Женитьба, по моим наблюдениям, весьма формирует характер людей, надеюсь, что и на вас она подействовала также, особенно зная характер нашей милой Элен.

Пьер же, к удивлению своему, почувствовал себя необыкновенно твердым и спокойным ввиду предстоящих увещаний. Сознание того, что у него есть цель и надежды в жизни, давали ему эту твердость. Он в первый раз после принятия своего в братство примеривал себя к обыденным условиям жизни и чувствовал себя необыкновенно выросшим. Он не боялся на себя влияния Анны Павловны, притом он был радостно возбужден неожиданным известием о возвращении к жизни своего друга.

— Вот Экзард, — сказал он, улыбаясь своей доброй улыбкой, — ожидаю речи. Пьера занимала вместе с тем мысль, каким образом придворная Анна Павловна коснется запрещенной и строго осуждаемой при дворе дуэли. Он удивился, каким образом Анна Павловна могла с ним говорить так кротко и дружелюбно после его столь не придворного поступка. Он не понимал еще того, что, хотя Анна Павловна знала все малейшие подробности его дуэли, она игнорировала их, то есть признавала эту дуэль не существовавшей. Она говорила только об отношении Пьера к жене. Когда Пьер неосторожно заметил ей, что он готов подвергнуться всем последствиям своего поступка, но что он не изменит своему решению расстаться с женой, она с вопросительным недоумением посмотрела на него, как бы спрашивая его, о каком он говорит поступке, и поспешно прибавила: — Мы, женщины, не можем и не хотим⁵ знать ни о каких других поступках, как о тех, которые делаются в отношении нас. Несмотря на трогательные увещания и доводы Анны Павловны, как убит старик отец князь Василий, как предана своей судьбе и наклонностям молодая женщина, оставленная мужем, какой вред репутации его делает эта разлука, которая не может быть вечна, потому что Элен заставит его воротиться к себе. На все эти доводы Пьер [отвечал], краснея и нерешительно улыбаясь, решительно отвечал одно, что он не в силах и не может переменить своего решения.

⁵ Так в автографе.

Пьер, удерживаемый своим прирожденным уважением к женщине, соединившимся у него с некоторым презрением к ней, не мог [Пьер не сердился, но, невольно впадая в придворный, светский тон французской болтовни, более отшучиваясь, чем серьезно, отвечал на доводы Анны Павловны. Притом, как видно, и Анна Павловна не интересовалась успехом своей негоциации. Ее увещания кончились тем, что она просила Пьера не говорить, что он никогда не сойдется с женой, не распускать слух о их размолвке и еще подумать.] рассердиться, но ему становилось тяжело.

— Оставимте этот разговор, он ни к чему не приведет нас.

Анна Павловна задумалась.

— Ах! подумайте, мой друг,— сказала она, подняв глаза к небу.— Подумайте, как страдают и переносят свои страдания лица, особенно женщины, и очень высокопоставленные,— сказала она, принимая то грустное выражение, которое сопутствовало ее речам о высочайших особах.— Ежели бы вы, так же как и я, могли видеть целую жизнь некоторых женщин или скорее ангелов неба, страдающих, но не рошущих от несчастья брака,— и слезы выступили на ее восторженные глаза.— Ах, мой милый граф, вы имеете дар увлекать меня,— сказала она слова, которые она говорила всем, кого хотела обласкать, и протянула ему руку.— Я бог знает, что говорю,— сказала она, как бы смеясь над своею восторженностью и опоминаясь. Пьер обещался ей подумать, не разглашать своего разрыва, но умолял сообщить всё то, что она знала о его друге. Родные Лизы Болконской получили известие, что он был ранен, лечился от своей раны в немецкой деревне и, совершенно выздоровев, ехал в деревню. Известие это обрадовало Pierre'a тем более теперь, когда он, воскреснув к новой жизни, не раз грустил о потере лучшего друга, с которым он так желал разделить новые мысли и взгляды на жизнь. «Это и не могло быть иначе,— подумал он.— Такой человек как André не мог погибнуть. Ему еще столь многое предстояло».

Pierre хотел откланяться, но Анна Павловна не отпустила его и из уединенного уголка, в котором происходил их разговор, заставила вместе с ней присоединиться к гостям [в гостиной у чайного стола], собранным тремя кружками, из которых два очевидно были составлены кое из кого, а один, у чайного стола, составлял центр, в котором сгруппировано было всё высшее и значительнейшее. Там были звезды, эполеты и посланник. В первом кружке Pierre нашел больше пожилых людей, между которыми один незнакомый ему мужчина заставлял себя слушать больше других. Pierre был знаком со всеми, и все его встретили так, как будто они его видели вчера. С незнакомым Анна Павловна познакомила Pierre'a, назвав иностранную фамилию и шепнув: «un homme de beaucoup d'esprit très profond»⁶.

Речь шла о только что полученной в Петербурге просьбе Каменского главнокомандующему об отставке.

— Каменский совершенно сошел с ума,— говорилось тут.— Бенигсен и Буксгевден на ножах, ссорятся, армией управляет один бог. Чего же вам лучше⁷. Вот что он пишет к государю [и он продиктовал письмо, ходившее по рукам в Петербурге]: «Стар я для армии, ничего не вижу, ездить верхом почти не могу, но не от лени, как другие, мест на ландкартах отыскивать совсем не могу, а земли не знаю. Дерзаю поднести на рассмотрение малейшую часть переписки в шести бумагах состоящую, которую должен был иметь одним днем, чего долго выдержать не могу, для чего дерзаю испрашивать себе перемены».— И это главнокомандующий.

⁶ человек большого и очень глубокого ума

⁷ На полях: *Разговор о табакерке алмазной Гарденбергу с азартом. Пруссия изменила в 1805. Австрия теперь. Наполеон есть явление, чтобы уничтожить власть, протекающую не от бога, говорит масон.*

— Но кого же было назначить, — перебила Анна Павловна, как бы защищая от нападков, которые на нее делали. — Где же у нас люди. Как будто отсутствие людей было тоже одно из подразниваний, направленных против Марии Федоровны. — Кутузова? — сказала она, и улыбка ее навсегда уничтожила Кутузова. — Он хорошо показал себя. — Прозоровский? У нас нет людей. Кто виноват в этом?

— Quo vult perdere — dementat⁸, — сказал l'homme à l'esprit profond⁹. — У нас много причин, чтобы не иметь людей, — сказал он. — Одни молоды чином, другие низки званием, третьи не успели получить милость государя, а там наружу вызваны лучшие силы революции¹⁰.

— Так вы говорите, — подхватила Анна Павловна, — что силы революции должны восторжествовать над нами, защитниками старого порядка.

— Избави меня бог это думать, — отвечал мудрец, — но очень может быть, что значение Буонапарте, еще темное для нас, будет яснее для потомства. Он призван для того, может быть, чтобы уничтожить те царства, которые не угодны были богу, и показать нам ясно, как тщетно величие мира сего. — И l'homme à l'esprit profond стал говорить о предсказаниях Юнга Штиллинга о значении апокалипсического числа четыре тысячи четыреста сорок четыре и о том, что в Апокалипсисе именно предсказано явление Наполеона, и что он есть антихрист.

[Pierre, уже готовившийся сделать масонский знак сочинителю, раздумал, услышав эти рассуждения. «Я спрошу в своей ложе благодетеля», — подумал он¹¹.]

— Я не по книгам дошла до этого, — возразила Анна Павловна, — но сначала поняла чувством, что он не человек, и я в вольнодумстве своем часто сомневалась в том, не противоречит ли христианскому учению обряд проклятия его, но теперь чувствую, что мои мольбы и проклятия от всей души сливаются с проклятиями, которые предписаны теперь читать в церквах; да, это антихрист, я верю этому, и когда подумаю, что это страшное существо имело дерзость предлагать нашему императору вступить с ним в союз и переписываться, как любезный брат... Об одном молю бога, что ежели не дано Александру как Георгию подавить главу этого змия, чтобы никогда, по крайней мере, не унизились мы до признания его равным себе. Я знаю, по крайней мере, что я не перенесу этого¹². — И с этими словами, кивнув, Анна Павловна перешла к другому кружку преимущественно дипломатическому, в котором Pierre узнал Mortemart'a теперь уже в русском гвардейском мундире, [Mortemart уже 8-й месяц собирался проливать кровь.] Mortemart на днях собирался ехать

⁸ Кого бог хочет погубить — лишает разума (лат.).

⁹ человек глубокого ума

¹⁰ На полях: *Vienne trouve les bases du traité de Bartenstein hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité des succès les plus brillants et elle met en doute les moyens qui pourraient nous les procurer.*

Донесение графа Разумовского, rédigé par Bilibine, or 24 мая. Répétez à chaque occasion que l'empereur entièrement persuadé que ce n'est que la force qui puisse ramener Bonaparte (изменение Билибина после Венского моста привилось) à la raison ne ralentira pas ses efforts dans la présente guerre, quand même la convocation du Congrès en question devrait avoir lieu.

Pour le Roi de Prusse.

«Вена находит основания договора в Бартенштейне до того невозможными, что достигнуть их нельзя даже рядом самых блестящих успехов, и она сомневается в средствах, которыми можно добиться этих успехов.

«Донесение графа Разумовского», отредактированное Билибиным, от 24 мая. Повторяйте при каждом случае, что император, убежденный, что только сила может образумить Бонапарта, («изменение Билибина после Венского моста привилось») не ослабит напряжения в настоящей войне, если даже и состоится конгресс, о котором идет речь.

Для прусского короля.)

¹¹ На полях: *Pierre всё ищет, как между ними устроить братство.*

¹² На полях: *Письмо князя Андрея. Гердер. Желчь отчаяния и раскаяния.*

У князя Андрея свое имение недалеко. Отец отделил женино. Он отстроился, но в 7-м году переехал.

в русскую армию, Ипполита, недавно прибывшего из Вены, и Бориса, того самого, который так понравился ему своим откровенным объяснением в Москве. Борис за это время своей службы, благодаря заботам Анны Михайловны и свойствам своего приятного умеренного характера, успел поставить себя в самое выгодное положение по службе. Он находился при князе Волконском, и теперь был послан в армию и только что возвратился оттуда курьером. Он имел несколько возмужавший, [но тот же] но еще более приятный, спокойный вид. Он, видимо, вполне усвоил себе эту понравившуюся ему неписанную субординацию, по которой прапорщик мог стоять без сравнения выше генерала. И теперь он в востинной Анны Павловны посреди чиновных и важных лиц, несмотря на свой малый чин и молодые года держал себя необыкновенно просто и достойно. Pierre радостно поздоровался с ним и прислушался к общему разговору. Речь шла о последних известиях, полученных из Вены, и на Венский кабинет, отказывавший нам в содействии, сыпались укоризны.

— *Vienne trouve les bases de traité proposé tellement hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité de succès les plus brillants, et il mêt en doute les moyens qui pourraient nous les procurer*». C'est la phrase authentique du Cabinet de Vienne¹³, — говорил первоприсутствующий в дипломатическом кружке шведский chargé d'affaires¹⁴.

— C'est le doute qui est flatteur¹⁵, — сказал он <с> тонкой улыбкой.

— Il faut distinguer entre le cabinet de Vienne et l'empereur d'Autriche¹⁶, — сказал Mortemart. — L'empereur n'a jamais pu penser une chose pareille, ce n'est que le cabinet qui le dit¹⁷.

— Eh, mon cher Vicomte, — нашла нужным вмешиваться Annette, — l'Europe¹⁸ (она почему-то выговаривала l'Urope, как особенную тонкость французского языка, которую она могла себе позволить, говоря с французом), — l'Urope ne sera jamais notre alliée sincère. Le roi de Prusse ne l'est que pour le moment. Il tend une main à la Russie et de l'autre il écrit la fameuse lettre à Bonapart, dans laquelle il lui demande s'il est content de la réception qu'il a reçu au palais de Potsdame. Non, ça me passe, c'est inouï¹⁹.

«Все то же, как и два года тому назад», — подумал Pierre, в то время как ему захотелось высказать Анне Павловне свое мнение на этот счет, но то обстоятельство, что тон и смысл разговоров был всё тот же, удержало его. Он, внутренне смеясь, обратился к Борису, желая переулыбнуться с кем-нибудь, но Борис как бы не понял его взгляда и не ответил ему улыбкой. Он внимательно, по-ученически, вслушивался в разговор старших.

Как только произнесено было слово roi de Prusse²⁰, Ипполит начал морщиться и волноваться, собираясь что-то сказать и останавливаясь.

— Cependant c'est un allié²¹, — сказал кто-то.

— Le roi de Prusse? — спросил Ипполит и засмеялся.

— Voilà le jeune homme qui a vu de ses propres yeux les restes de

¹³ Вена находит основания предлагаемого договора до такой степени невозможными, что достигнуть их нельзя даже рядом самых блестящих успехов, и она сомневается в средствах, которыми эти успехи могут быть достигнуты. Таково подлинное мнение Венского кабинета.

¹⁴ поверенный в делах

¹⁵ Это сомнение лестно.

¹⁶ Необходимо различать венский кабинет и австрийского императора.

¹⁷ Император никогда не мог этого думать, это говорит только кабинет.

¹⁸ Ах, мой милый виконт, Европа

¹⁹ Европа никогда не будет нашею искреннею союзницей. Прусский король лишь временно наш союзник. Он протягивает России одну руку, а другой пишет свое знаменитое письмо Бонапарте, в котором спрашивает, был ли он доволен приемом, оказанным ему в Потсдамском дворце. Нет, разум отказывается в этом разобраться, это невероятно.

²⁰ прусский король

²¹ Однако это союзник

l'armée prussienne, peut vous dire que ce n'est moins que rien²², — сказала Анна Павловна, указывая на Бориса. Борис, на которого обратились глаза, спокойно подтвердил слова Анны Павловны и даже на минуту завладел общим вниманием, рассказав то, что он видел в крепости Глогау, куда он был послан²³.

Разговор замаялся на мгновение. Анна Павловна уже начала что-то говорить, когда Ипполит перебил ее и извинился. Она уступила ему слово, но он опять извинился и, смеясь, замолчал.

— C'est l'épée de Frédéric le Grand²⁴, — начала было Анна Павловна, но Ипполит опять перебил ее словами: «le roi de Prusse» и опять извинился. Анна Павловна решительно обратилась к нему, прося его высказать. Ипполит засмеялся.

— Non, ce n'est rien, je voulais dire seulement... — он засмеялся, повторяя шутку, которую он слышал в Вене и которую он целый вечер собирался поместить, — je voulais dire que nous avons tort de faire la guerre pour le Roi de Prusse²⁵ (по-французски faire la guerre pour le Roi de Prusse значит: из-за пустяков²⁶).

Pierre сморщился: глупое лицо Ипполита так болезненно напоминало ему Hélène. Кое-кто засмеялся. Борис осторожно улыбнулся так, что его улыбка могла быть отнесена к насмешке или к одобрению шутки, смотря по тому, как будет принята она.

— Il est très mauvais votre jeu de mot. Très spirituel, mais injuste, — грозя желтым [пальцем] пальчиком, сказала Анна Павловна. — Nous ne faisons pas la guerre pour le roi de Prusse, mais pour les bons principes pour la legion. Ah, le méchant ce prince Hippolyte²⁷, — сказала она и отошла к главнейшему кружку, уведя за собой Pierre, которого она не отпускала от себя. Борис последовал за ними. Pierre [знал] давно не был в свете, и ему интересно было узнать то, что делалось теперь. Ежели он узнал много интересного из разговоров этих двух кружков, то, подходя к третьему, центральному, и замечая то оживление, с которым шел в нем разговор, он [был убежден] надеялся тут услышать всё самое важное и интересное.

— On dit que Gardenberg recevra une tabatière ornée de diamants, le comte N. le grand cordon Sainte Anne²⁸, — говорил один.

— Je vous demande pardon: une tabatière avec le portrait de l'Empereur est une récompense, mais point une distinction et c'est pourquoi²⁹, — говорил другой.

— L'Empereur envisage la chose autrement³⁰, — строго перебил другой. — Et puis il y a eu des antécédents, je vous citerai le comte Schwarzenberg à Vienne³¹.

— Mais M-r le comte, c'est impossible³², — возразил ему другой. [В одно и то же время одушевленные голоса говорили о том же событии <пожалования> алмазной табакерки прусскому министру.]

²² Вот молодой человек, который видел собственными глазами остатки прусской армии, он может вам сказать, что от нее ничего не осталось.

²³ Так в автографе.

²⁴ Это шпага Фридриха Великого

²⁵ Нет, ничего, я только хотел сказать, я хотел сказать, что мы воюем напрасно.

²⁶ В автографе (Рукопись 103, вставка к л. 206) это замечание вынесено в подстрочное примечание. При переписке (л. 258об.) С. А. Толстая вписала это в основной текст в скобках, и Толстой, правя рукопись, внес ее исправление — оставил эти слова в тексте.

²⁷ Ваша игра слов не хороша, очень остроумна, но несправедлива. Мы не воюем pour le roi de Prusse, а за добрые начала. О, какой злой этот князь Ипполит.

²⁸ Говорят, что Гарденберг получил табакерку, украшенную брильянтами, граф Н. Анненскую ленту 1-й степени.

²⁹ Извините, табакерка с портретом императора есть награда, а не отличие.

³⁰ Император иначе на это смотрит.

³¹ Были примеры и в прошлом, назову вам графа Шварценберга в Вене.

³² Но, граф, это невозможно.

— Oui, c'est positif³³, — грустно вмешалась Анна Павловна, присаживаясь, и все горячо заговорили вдруг. На Pierr'a нашло в это время одно из тех заблуждений чувств, что [все говорящие перед вами только тени, картины, а не живые люди, что стоит закрыть] кажется, что спишь, что всё совершающееся есть сновидение, что стоит открыть глаза, и их не будет, и что можно попробовать, сон ли это или действительность, тем чтобы сделать что-нибудь необыкновенное — ударить кого-нибудь или закричать диким голосом. Он попробовал закричать, и крик его, начавшийся громко, заставил его очнуться. Он переделал крик в кашель и, не обратив на себя особенного внимания, встал и еще раз оглянулся на Бориса, желая передать кому-нибудь свое весело-насмешливое состояние [оглянул оживленное собрание. «Они ли все уроды или я урод, но мы чужие», — так думал он. Он взглянул]. Молодой Друбецкой³⁴ [Стал за то прошедшее время] достойно и почтительно сидел несколько позади посланника и чуть заметно осторожно улыбался его шуткам. Pierr'e вспомнил живо свой спор в этой гостиной 2 года тому назад, [и ему грустно] и он сам себе поправился в прошедшем. Он вспомнил тоже тут бывшего Андрея, их дружбу, их вечер за ужином. «Слава богу, что он жив. Пойду домой и напишу ему». И, незамеченный, он тихо вышел из комнаты. И в карете всё время тихо улыбался своей радостной [жизни] и полной интересов жизни.

«XXVIII»

Pierr'e в 1807 году собрался, наконец, в свое путешествие по деревням с целью весьма ясно определенной: благодетельствования своих 20 тысяч душ крестьян. Цель эта подразделялась на три отдела: 1) освобождения, 2) улучшения физического благосостояния: богадельни, больницы и 3) нравственного благосостояния: школы, улучшение духовенства. Но [достигнуть того, чего он желал, было невозможно] как только он приехал в деревню, увидал дело на месте, переговорил с управляющим, он увидал, что это дело невозможно. И невозможно преимущественно от недостатка средств.

[В 1809 году, в тот самый приезд князя Андрея в Петербург, о котором писала княжна Марья, Pierr'e жил безвыездно в Петербурге, занимал довольно видное место в Комиссии составления законов. После принятия его в масонскую ложу для Pierr'a началась новая жизнь — деятельности и довольства собою] [Вскоре после своего разрыва с женою и принятия в масонскую ложу Pierr'e, желая исполнить свои давнишние намерения относительно своих крестьян, поддержанный теперь своими братьями масонами, он поехал по своим имениям.] Несмотря на богатство графа Безухова, все имения были заложены, и потому [трудно] невозможно было отпустить на волю всех крестьян, как он это намерен был сделать. Заплатить же долг было невозможно, так как его 600 000 ассигнациями валового дохода не только все расходились, но каждый год он чувствовал необходимость еще занимать. [Он никогда не чувствовал себя столь бедным и стесненным, как теперь, с тех пор как он получил это наследство 800 тысяч. Тысячи раз он перебирал весь свой бюджет и ничего не мог придумать для изменения его.] Он чувствовал себя теперь гораздо менее богатым, чем когда он получал свои 10 тысяч от покойного графа.

В общих чертах он смутно чувствовал следующий бюджет:

В совет платилось 80 тысяч по всем имениям. Жалования управляющим по всем имениям 32 тысячи. Князю Василию было дано 200 тысяч. Мелких долгов бездна. Содержание московского дома и княжен 30 тысяч. Подмосковной — 17 тысяч. Пенсий — 16 тысяч. На богоугодные заведения и просьбы — 10 тысяч. Графине за границу — 160 тысяч. Проценты за

³³ Да, это факт.

³⁴ В автографе: *Трубецкой* (прим. составителя).

долги — 73 тысячи. На постройку начатой церкви — <115>. Другая половина, громадная половина, 300 тысяч, расходилась, он сам не знал как¹. Как в московском доме, так и во всех имениях он нашел людей старых, с большим семейством по 20 лет живших на счет его отца и ставящих в заслугу продолжительность срока жизни. Невозможно было изменить этого положения. Хотел ли он уменьшить конюшни в Москве, он видел старого, заслуженного кучера (важного) еще в [Очакове] [Измаиле] Туретчине бывшего с покойным [баринном] графом.

— Мне много лошадей, к чему мне? — говорил Pierre, полагая, что кучер войдет в его планы простоты. Но кучер почтительно говорил: «как прикажете» и «мне идти?» И на лице его выражалось огорчение и ядовитый упрек [выблядку] недорослю, незаконному, не умевшему соблюдать свое достоинство, ценить людей и поддерживать честь дома графа Безухова. То же было с садовником, с княжнами, с дворецким. Pierre морщился, кусал ногти и говорил: Ну, хорошо, я подумаю. Всё: и конюшня, и сад, и оранжереи, и княжны — оставалось по-старому, и всё, независимо от воли графа, жило своей старой жизнью, стоя Pierre половину его доходов. Прежде еще боялись [его], как бы он не переменял чего, но потом узнали его и старались только выказать огорчение и готовность к несчастью, в которое он безвинно ввергал их, и знали, что он всё оставит по-старому².

[Теперь, когда он с своими филантропическими мыслями поехал по имениям, все эти заслуженные люди выказали огорчение, что он, изменяя порядки, хочет опять лишить их законного. Главный управляющий, весьма глупый, но очень хитрый и деловой человек, очень, казалось, вним в его планы, но, вникнув, всякий раз как бы сочувствуя, показывал, что всё [это], что хотел делать Pierre, было невозможно. Преимущественно невозможно было отпустить на волю, пока имения в залоге. И по этому случаю Pierre решился быть экономнее. Но это трудно было ему. Он всё боялся обидеть и обмануть ожидания и купца, присылающего товары, и извозчика, и клубного казначея, и занимающих деньги. [Но, что было] А возможно — это были больницы и школы, которые он начал строить, и которые остались пустыми и на которых нажились все. Однако, учредив это и уехав от <всех>, он был счастлив и по намерению заехал к князю Андрею в деревню.]

[В 1807 году] [Проездом из Петербурга Pierre с своим готовым] Приехав в главные свои орловские имения, с готовым [проектом] и одобренным в ложе и Благодетелем (так называли великого мастера ложи) проектом освобождения крестьян и улучшения их физического и нравственного мира, Pierre вызвал к себе [всех], кроме главного управляющего, и всех управляющих имениями и прочел им свой проект и развил в длинной и умной речи свои мысли. Он говорил им, что немедленно будут приняты меры для совершенного освобождения крестьян от крепостной зависимости, что до тех пор крестьяне не должны быть отягчаемы работами, что женщины с детьми не должны посылаться на работы, что крестьянам должна быть оказываема помощь, что наказания должны быть употребляемы увещательные, а не телесные, что в каждом имении

¹ На полях: В 1808 [свадьба Берга и] Андрей едет к Кутузову в Турцию. В 1809 Указ о камер-юнкерах и экзаменах и Указ Государственного совета. Мысли на Красном крыльце.

Nicolas степная жизнь.

1809. В Москве князь Болконский с княжной Марьей (1 нрзб). В Петербурге Лористон. [Сперанский]. Старый Ростов ищет места, свадьба. В Москве приезд государя. Pierre с женой. Борис, Долохов, Анатоль. В 1811. В деревне Анатоль.

² На полях: Князь Андрей. В Петербурге разговор с Pierr'ом, философия. Я смирился (неправда), гражданская служба. (Свадьба). Анна Павловна пилит его. Он смеется. Pierre в Москву с женою. Приезд государя. Борис, Долохов, Анатоль (Дон-Жуаны). — Князь Андрей в Крыму, философия. Намеренье жениться. Между тем Анатоль в деревне, охота, соблазняет. Война. Князь Андрей ничего не знает. Он не знал мужиков и не думал, что нужно их знать, как теперь.

должны быть учреждены больницы, приюты и школы и т. д. Некоторые из управляющих (тут были и мужики-бурмистры) слушали испуганно, предполагая смысл речи в том, что молодой граф недоволен их замолотом и утайкой хлеба, другие [находили смысл] после первого страха находили забавным шепелявание Pierr'a и новые неслыханные ими слова, третьи находили просто удовольствие послушать, как говорит барин, 4-е, самые умные, в том числе и главноуправляющий, поняли из этой речи, что [барин] с барином обойтись можно. После общей речи Pierrge с главноуправляющим каждый день *занимался*. Но, к удивлению своему, он чувствовал, что занятия его ни на шаг вперед не подвигают дела. Он чувствовал, что его занятия происходят независимо от дела, что они не цепляют за дело и не заставляют его двигаться. С одной стороны, управляющий, выставляя дела в самом дурном свете, показывал Pierr'у необходимость уплачивать долги и предпринимать новые работы силами крепостных мужиков, на что Pierrge не соглашался. С другой стороны, Pierrge требовал приступления к делу [построек больниц и школ] освобождения, на что управляющий выставлял необходимость прежде уплатить долг Опекунскому совету и потому невозможность быстрого исполнения. Управляющий не говорил, что это совершенно невозможно, он предлагал для достижения этой цели продажу лесов Костромской губернии, продажу земель низовых и крымского имения; но все эти операции в речах управляющего связывались с такою сложностью процессов снятий запрещений, истребования разрешений и т. п., что Pierrge терялся и только говорил ему: «Да, да, так и сделайте». Прошло две недели и дело освобождения ни на шаг не подвинулось вперед. Pierrge бился, хлопотал, но смутно чувствовал, что он не имеет той практической цепкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дело и вертеть колеса. Он стал сердиться, угрожать управляющему и требовать. Управляющий, считавший все эти затеи молодого графа почти безумством, невыгодными для себя, для него, для крестьян, сделал уступку. Продолжая дело освобождения представлять невозможным, он распорядился постройкой во всех имениях больших зданий школ, больниц и приютов — и научил крестьян прийти к барину с благодарностью за его милости. Pierrge разговаривал раза два с крестьянами и расспрашивая их о их нуждах, убедился еще больше в необходимости для них затеваемых им преобразований. Он нашел в их речах подтверждение всех своих планов, точно так же как управляющий [во всех] в их речах находил оуждение³ и доказательство бесполезности всех планов графа. Но Pierrge не знал, что в неопределенности речи народа можно найти подтверждение всему, как в словах орacula, и был очень счастлив, когда ему говорили мужики, как они век за него будут бога молить, за его больницы и школы. Pierrge, объехав все орловские деревни, видел своими глазами поднимающиеся кирпичные стены новых зданий больниц и школ.

«Вот она куда проникла и закипела жизнь, вдохнутая мне нашим священным братством», — думал он радостно, глядя на копошащихся каменщиков и плотников, около новых строений. Видел Pierrge отчеты управляющих о барщинских работах, уменьшенных на бумаге (в сущности работы прибавились, так как в барщинах везде прибавилась постройка своими больниц и школ). Управляющий сказал Pierr'у, что народ благовословляет его и теперь, что оброчные, которым был убавлен оброк, строят придел во имя его ангела. Управляющий увещевал графа оставить свои планы освобождения, так как и теперь уже крестьяне вдвое облагодетельствованы против прежнего, и на решительные требования Pierr'a продавать леса и крымское имение с тем, чтобы приступить к выкупу, обещал ему употребить все силы для исполнения воли графа. [Pierrge уехал счастливый и даже]

³ Очевидно, ошибка в автографе: по смыслу должно быть «осуждение» (прим. составителя).

«XXIX»

После трехнедельного пребывания в деревнях, о котором он послал отчет в ложу, Риегге, счастливый и довольный, уехал назад в Петербург, но, не доезжая Москвы, сделал в 150 верст крюк, чтобы заехать к князю Андрею, которого он не видал до сих пор. Риегге [приехал] узнав, что князь Андрей живет в Богучарове, вновь отведенном ему отцом в 40 верстах от Лысых Гор, поехал прямо к нему. Это было весной 1807 года.

Усадьба, дом, сад, двор, надворные строения — всё было такое же новенькое, как и первая трава, и первые березовые листья весны. Дом еще не был оштукатурен, плотники (крепостные) работали ограду, мужики, грязные, оборванные, в одноколках привезли песок, босоногие бабы рассыпали его под руководством садовника (немца), представляя резкой контраст своей грязи с чистотою и изяществом двора, фасада дома и цветников. Мужики, поспешно сдергивая шапки, посторонились перед въезжавшим дормезом Риегг'а. Навстречу ему вышла не дворянка в казачьих средних бар, не в пудре и чулках, как у него было по старине, а лакей во фраке на новый английский манер.

— Князь дома?

— Кушают кофе на террасе. Как прикажете доложить? — [Спросил лакей с новыми высшесветскими привычками] почтительно сказал лакей. В Риегг'е было что-то, несмотря на его [робость] неловкость или скорее вследствие этого, что-то очень внушающее уважение.

Риегг'а поразила противоположность изящества всего окружающего (которое надо было обдумать) с представлением о убитости и горе своего друга. Он поспешно вошел в чистый, с иголочки новый, пахнущий еще сосной, нештукатуренный, но до малейших подробностей изящно и необыкновенно отделанный дом и, пройдя кабинет, подходил к двери террасы, на которой за окном виднелись белая скатерть, прибор и спина в бархатной шубке.

День был один из тех ранних, жарких апрельских дней, когда всё так быстро растёт, что боишься, слишком рано пройдет эта радость весны.

Резкий, неприятный голос послышался с террасы:

— Кто там. Захар! Прости в угольную. — Захар остановился, но Риегге обогнал его и, отдуваясь, быстрыми шагами вошел на террасу и ухватил за руку снизу Андрея так скоро, что на лице князя Андрея еще не успело пройти выражение досады, а Риегге уже, подняв очки, целовал его и близко смотрел на него.

— [Здравствуй] Это ты, голубчик, [милый] — сказал князь Андрей. — И при этих словах Риегг'а поразила происшедшая перемена в князе Андрее. Слова были ласковы, улыбка была на губах, лице князя Андрея, но взгляд был потухший, мертвый, [которым, видно, не мог управлять князь Андрей] которому, несмотря на видимое желание, князь Андрей не мог придать радостного и веселого блеска. Риегге, расспрашивая и рассказывая, не переставал наблюдать и удивляться происшедшей перемене. Не то, что он похудел, побледнел, возмужал, но [взгляд этот выражал одно] сосредоточение на чем-то одном, отрешенном] взгляд этот, и морщинка на лбу выражали сосредоточение на чем-то одном, долго поражали, пока он не привык, отчуждая, поражали Риегг'а.

При свидании после долгой разлуки, как это всегда бывает, разговор долго не мог установиться; они спрашивали и отвечали коротко о таких вещах, о которых они сами знали, что надо было говорить долго. Наконец разговор [остановился, как это всегда бывает, на одном из самых мало интересных для обоих предметов. О масонстве] стал понемногу оттаиваться на прежде отрывочно сказанном, на вопросах о прошедшей кампании, о ране, о болезни, о планах на будущее (о смерти жены Андрей не говорил), на вопросах князя Андрея о женитьбе, разрыве, дуэли

и масонстве. (Они не писали друг другу, не умели. Как князю Андрею наполнить пол-листика? Один только раз Риегге писал рекомендательное письмо Долохову).

Та сосредоточенность и убитость, которую заметил Риегге во взгляде князя Андрея, теперь выражалась еще сильнее в суждениях князя Андрея, [к которым часто примешивалась едкая насмешка над всем, что есть жизнь: желания и надежды. Риегге перед ним стыдился иногда своего счастья и восторженности, в которых он находился после своих добродетельных поступков.] к которым часто примешивалась грустная насмешка над всем, что прежде составляло его жизнь — желания, надежды счастья и славы. И Риегге начинал чувствовать, что перед князем Андреем восторженность, мечты, надежды на счастье и на добро неприличны. Ему известно было высказывать все свои новые масонские мысли и поступки, и он сдерживал себя.

— Служить я больше не буду никогда, — сказал князь Андрей. — Я ли не гождусь для нашей службы или служба не годится для меня — я не знаю, но мы не пара. Я даже думаю, что не гождусь я. — Он улыбнулся. — Да, мой дружок, много, много мы изменились с тех пор. Гордости ты во мне не найдешь теперь. Я смирился. Не перед людьми, потому что они большей частью хуже меня, [потому что, кроме разбойников и дураков, за малым исключением, я не встречал] но перед жизнью смирился. Сажать деревья, воспитывать ребенка, для забавы упражняться в умственной игре, коли это забавляет кое-как меня (вот видишь, читая Монтескье, делаю выписки. Зачем? Так, время убиваю). Вот они, — он указал на мужиков, — с песком то же делают и хорошо.

— Нет, вы не изменились, — сказал Риегге, подумав. — Ежели у вас нет гордости честолюбия, у вас та же гордость ума. Она-то и есть гордость, и порок и добродетель.

— Какая же гордость, мой друг, чувствовать себя виноватым и бесполезным, а это я чувствую и не только не ропщу, но доволен.

— Отчего виноватым? — Они были уже в кабинете в это время. Андрей указал на чудесный портрет маленькой княгини, которая, как живая, смотрела на него. [Он был размягчен близостью свежей молодости и любви Риегг'a]

— [Вот отчего, — сказал он, — и губа его задрожала] Вот отчего, — сказал он, размягченный присутствием милого ему человека: губа его задрожала, он отвернулся.

Риегге понял, что Андрей раскаивался в том, что он мало любил свою жену, и понял, как в душе князя Андрея это чувство могло дорасти до [такой] страшной силы, [но он одного не понял] но он и не понимал, как можно было любить женщину. [Он никогда не любил] Он замолчал.

— Ну, вот что, моя душа, — сказал князь Андрей, чтоб переменить разговор. — Я здесь на биваках. Я приехал только посмотреть. Я ныне еду опять к старику и к моему мальчишке. Он там у сестры. Я тебя познакомлю [с отцом] с ними. Мы поедем после обеда. [О браке Риегг'a Андрей сказал, что всё <случилось?>]

За обедом зашел разговор о женитьбе Риегг'a и о всей истории разрыва. Андрей спросил его, как это случилось. Риегге покраснел багрово, опять так же, как он краснел всегда при этом, и торопливо заговорил:

— После, после, я вам расскажу когда-нибудь. — Он задыхался, говоря это. Андрей вздохнул и сказал, что то, что случилось, должно было ждать, что счастливо, что так кончилось, и что удержал еще какую-нибудь веру в людей [твой beau-père <тесть> — это старый лакей. Заметь, как ничтожество успевает, — прибавил он, — не от того, что ничтожество нужно, а от того, что все ничтожны и всё ничтожно. О дуэли и раскаянии за дуэль он говорил, что не стоит того].

— Да, мне очень, очень жаль тебя.

— Да всё это кончено,— сказал Piетге,— и какое счастье, что я не убил этого человека. Этого бы я век не простил себе.

Князь Андрей [улыбнулся] смеялся.

— Э, на войне бьют таких же людей [Только бы не было раскаяния],— сказал он.— И все находят это очень справедливым. А убить злую собаку даже очень хорошо. Eh, mon cher, то, что справедливо и несправедливо — не дано судить людям. Люди вечно заблуждались и будут заблуждаться и ни в чем больше, как в том, что они считают справедливым и несправедливым. Надо только жить так, чтоб не было раскаяния. Правду Joseph Maistre сказал: «Il n'est dans là que deux maux bien réels: c'est le remords et la maladie. Et il n'est de bien que l'absence de ces maux»¹.

[Piетге чувствовал, как ослабились его крылья, когда он слушал Андрея. На его распоряжения по имениям Андрей говорил: — Народ — животное, и едва ли не одно счастье — животное, зачем разрушать его? Умереть лучше, чем мучаться с помощью медицины 10 лет. Знание — к чему? Труд им необходим, как нам праздность. Я думал о них, говорил с ними, они [животные] лошади.— Андрей высказывал всё свое горькое и злое с особенным увлечением, как человек, долго не говоривший. Но ему становилось легче, чем больше он говорил. Ему часто хотелось, чтоб Piетге дал ему аргумент неопровержимый. Когда они прекрасным [летним] весенним вечером сели в коляску, впереди, уже в княжьем хуторе, была подстава <1 нрзб>. Он сам уже стал расспрашивать Piетг'a о его судьбе и объяснении того, что он сказал, что масонство переродило его. Piетге стал излагать с жаром значение масонства.

— Да это иллюминаты и они уничтожены,— сказал князь Андрей.

— Всё равно я понимаю так.

— Да, хорошо бы было, коли бы так мог оживить меня человек, когда он сам не знает, что он, зачем он.

— Как не знает? — с жаром заговорил Piетге.— Разве я не чувствую в своей душе, что я часть этого целого, что я ступень (Гердер)? На пароме всё говорил Piетге, удивляя перевозчиков, и он удивился и себе не поверил.

Андрей, облокотившись на коляску, смотрел вдоль разлива, и в глазах его светилась жизнь.

— Да, ежели бы это было так,— сказал он. Но видно было, что он знает, это было так.

У старого князя разговор зашел о политике. Князь Андрей еще раз рассказал при отце свое свидание с Бонапартом, как много увлекаешься. Piетге поддерживал Бонапарта, старик спорил, но не сердился, ему нравился Piетге, он смеялся. Заговорили о масонстве, старик признал, что был иллюминатом.

— Молодец,— поджигает меня. Другие умные речи говорят, а и слушать не хочется и говорить еще меньше, а с ним всё вспомнил, и с отцом твоим походы. Гм... х... х... х... Что князь Василий хорош?.. Piетге добродушно засмеялся. Княжна Марья светила глазами, глядя на Piетг'a. Вечеру с ней завязал разговор о религии, о странниках и монахах. Piетге говорил банальности, что монахи не приносят пользы, что странники и попы не знают Евангелия, и сердил княжну Марью. Они ссорились, улыбаясь. Они сами не знали, что они верят одному и тому же. Piетге уехал, оживленный, к своим добрым делам. Для князя Андрея это был первый толчок жизни.]²

¹ В жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол.

² Далее конспективные записи:

Князь Андрей не соглашается с ним — спорит, но, возвратившись домой, начинает действовать.

Старик отец шутит над ним: экономку возьми.

[Piетге рассказывает о проекте вечного мира.]

— Жить для себя, избегая только для себя этих двух зол, вот вся моя мудрость теперь.— князь Андрей замолчал.

— Нет, я жил только для себя,— начал Риегге,— и этим я только погубил свою жизнь. Нет, я с вами не могу согласиться. Нет, только теперь я начинаю понимать всё значение христианского учения любви и самопожертвования.— Андрей молча глядел своими потухшими глазами на Риегг'a и кротко, насмешливо улыбался.

— Поедем скорее к сестре, к княжне Марье, с ней вы сойдетесь³. Вот, душа моя, какая разница между нами, ты жил для себя,— сказал он,— и чуть не погубил свою жизнь и узнал счастье, только когда стал жить для других, а я испытал диаметрально противоположное. Я жил для славы (ведь что ж слава? та же любовь к другим, желание сделать для них что-нибудь, желание их похвалы). Так я жил для других и [этим погубил] не почти, а совсем погубил свою жизнь и с тех пор стал спокоен, как живу для одного себя.

— Как для одного себя, а сын, сестра, отец? — сказал Риегге.

— Да это всё тот же я,— это не другие,— [сказал] продолжал Андрей. А другие, ближние, le prochain, как вы с княжной Марьей называете этот источник заблуждения и зла, le prochain — это те твои орловские мужики, от которых ты сейчас приехал и которым ты хочешь делать добро.— И он посмотрел на Риегг'a насмешливо-вызывающим взглядом. Он, видимо, как человек, не вполне еще убедившийся в своих новых взглядах и не имевший еще случая их высказать, вызывал Риегг'a.

— Вы шутите,— можно ли это говорить? — сказал Риегге, оживляясь.— Какое же может быть заблуждение и зло в том, что несчастные люди — наши мужики, [вырастающие] люди, такие же, как мы, вырастающие и умирающие без другого понятия о боге и правде, как образ и бессмысленная молитва, будут поучаться в [истинах] утешительных истинах, верованиях будущей жизни, возмездия, награды, утешения? Мы можем думать иначе, но им это другое дело. Какое же зло и заблуждение, что люди умирают от болезни, от родов без помощи, когда так легко материально помочь им, и я им дам лекаря, и больницу, и приют старику? И разве не ощутительное, несомненное благо то, что он не имеет дн<я>, ночи покоя, и что я дам отдых и досуг?..— говорил Риегге, оживляясь и шепелявя.— И я это сделал. И вы не только меня не разуверите, что это не благо, но не разуверите, чтоб вы сами этого не думали.

Андрей всё молчал и улыбался.

— А главное,— продолжал Риегге,— наслаждение делать это добро есть естественное счастье жизни.

— Да, это другое дело,— начал князь Андрей.— Я строю беседку в саду, а ты больницы. И то, и другое может служить препровождением времени. Но, что справедливо, что добро, предоставь судить тому, кто всё знает, а не нам. Ты говоришь: школы,— продолжал он, загибая палец,— поучения и так далее, то есть ты хочешь вывести его из его животного состояния и дать ему нравственные потребности. А мне кажется, что единственно возможное счастье есть счастье животное, а ты его-то хочешь лишить его. Я завидую ему, а ты хочешь его сделать мною, но

Марья Герасимовна обиделась.

Разговор о Бонапарте. Старик просто ругает (он не может понять нового взгляда), Риегге защищает, хотя и делает упреки за измену революции. Андрей говорит, что он — человек, только умеющий презирать людей и избежавший ошибок от нового устройства, которое дала революция. У нас пучина зла и мерзости. Воспоминания о прованте, интригах, а величие — ложь. Аркольский мост — грязь.

Старик требует его адъютант(ом). Вечером на прощанье Андрей изливает свою душу.

У Ростовых в деревне веселый отпуск — Борис. Отказ Наташи. Сватовство Берга. Старик посылает к Ростовым, они едут с Риеггом. Старик несчастен от крепостного (права). Риегге уехал. Андрей стал делать в имени то же.

³ На полях: Князь Андрей говорит, что ты иной, раздвинул <ожерелье?>. — Да, я пробовал молиться.

не дав ему ни моего ума, ни моих чувств, ни моих средств. Другое ты говоришь: облегчить его работу. А по-моему, труд физический для него есть такая же необходимость, такое же условие его существования, как для тебя и для меня труд умственный. Ты не можешь не думать. Я ложусь спать в 3-м часу, мне приходят мысли, и я не могу заснуть, ворочаюсь, не сплю до утра от того, что я думаю и не могу не думать; так он не может не пахать, не косить; иначе он пойдет в кабак. Как я не перенесу его страшного физического труда, я умру через неделю, так он не перенесет моей физической праздности, он растолстеет и умрет. Третье... что, бишь, еще ты сказал?

Князь Андрей загнул 3-й палец.

— Ах, да. Больницы, лекарства. У него удар, он умирает, а ты пустил кровь, вылечил, и он калекой будет ходить 10 лет всем в тягость. Гораздо покойнее и проще ему умереть. Другие родятся, и так их много. Ежели бы ты жалел, что у тебя лишний работник пропал, а то ты из любви к нему его хочешь лечить. А ему этого не нужно. Да и потом, что за воображение, что медицина кого-нибудь и когда-нибудь вылечивала...

Князь Андрей [говорил] высказывал с особенным увлечением свои [разочарованья] мысли разочарованья, как человек, долго не говоривший. И взгляд его оживлялся тем больше, чем безнадежнее были его суждения. Он во всем противуречил Pierr'u, но, противуреча, казалось, сам колебался в том, что он говорил, и рад был, когда Pierre сильно оспаривал его.

— Я не понимаю только — как можно жить с такими [убеждениями] мыслями, — говорил Pierre. — На меня находили такие же минуты, это недавно было, в Петербурге, но тогда я опускаюсь до такой степени, что я не живу, все мне гадко, главное — я сам, я не умываюсь, не ем... ну как же вы...

— Да, такие же мысли, но не совсем такие, — отвечал князь Андрей. — Я вижу, что это так, что всё бессмысленно, гадко, но я живу, — и в этом не виноват; стало быть, надо как-нибудь получше, никому не мешая, дожить до смерти.

— Ну что же вас побуждает жить? С такими мыслями будешь сидеть не двигаясь, не предпринимая...

— То-то и скучно, что жизнь не оставляет в покое. Я бы рад ничего не делать, и вот, с одной стороны, дворянство здешнее удостоило меня чести избрания в предводителя; я насилу отделался. Они не могли понять, что во мне нет того, что нужно, нет этой известной добродушной пошлости, которая нужна для этого. Потом вот этот дом, который надо было построить, чтоб иметь свой угол, где можно быть покойным. Теперь ополчение, в котором меня тоже не хотят оставить в покое.

— Отчего вы не служите?

— После Аустерлица! — мрачно сказал князь Андрей. — Нет, я дал себе слово, что служить [я не буду] в действующей русской армии я не буду. И не буду. Ежели бы Бонапарте стоял тут, у Смоленска, угрожая Лысым Горам, и тогда бы я не стал служить в русской армии. Ну, так я тебе говорил, — успокоиваясь, продолжал князь Андрей, — теперь ополчение, отец назначен главнокомандующим 3-го округа, и единственное средство мне избавиться от службы — это пойти к нему в помощники.

— И вы поступаете?

— Да, я уже утвержден. — Он помолчал немного. — Вот как всё делается, душа моя, — продолжал он, улыбаясь. — Я бы мог отделаться, но знаешь, отчего я пошел. Ты скажешь, что я подтверждаю твои теории [добрею] о делании добра. Я пошел оттого, что, с тобою я буду откровенен, отец мой один из замечательнейших людей своего века. Но он становится стар, и он не то что жесток, но он слишком цельного характера. Он страшен своей привычкой к неограниченной власти и теперь этой властью, данной государем ополченным главнокомандующим. Ежели бы я два часа опоздал

2 недели тому, он бы повесил протоколиста в Юхнове. Ну, так я пошел потому, что, кроме меня, никто не имеет влияния на отца, и я кое-где спасу его от поступка, в котором бы он после мучался.

— А, ну так вот видите...

— Да, *mais se n'est pas comme vous l'entendez*⁴,— продолжал князь Андрей.— Я ни малейшего добра не желал и не желаю этому мерзавцу протоколисту, который украл какие-то сапоги у ополченцев; я даже очень был бы доволен видеть его повешенным, но мне жалко отца — то есть опять себя же.

Князь Андрей в первый раз [во всё время] со времени приезда Pierr'a теперь, после обеда, оживился. Глаза его весело блестели, в то время как он старался доказать Pierr'у, что никогда в его поступке не было участия, желания добра ближнему.

— Ну вот, ты хочешь освободить крестьян,— продолжал он.— Это очень хорошо. Но не для тебя, не для меня. Ты, я думаю, никого не засекал и не посылал в Сибирь, [а это нужно] и еще меньше для крестьян. Ежели их бьют, секут и посылают в Сибирь, то им от этого нисколько не хуже. В Сибири ведет он ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на теле заживут, и он так же счастлив, как был прежде; а нужно это для тех людей, которые гибнут нравственно, наживая себе раскаяние, подавляют это раскаяние, грубеют от того, что у них есть возможность казнить право и неправо. Вот кого мне жалко и для кого я бы желал освободить крестьян. Ты, может быть, не видал, а я видел, как хорошие люди, воспитанные в этих преданиях неограниченной власти, с годами, когда они делаются раздражительнее, делаются жестоки, грубы, знают это, не могут удержаться и всё делается несчастнее и несчастнее.

Андрей говорил это с таким увлечением, что Pierr'e невольно подумал о том, что мысли эти наведены были Андреем его отцом. Он ничего не отвечал ему.

— Так вот кого и чего жалко: человеческого достоинства, спокойствия совести, чистоты, а не их [затылков] задниц и лбов, которых сколько ни секи, сколько ни брей, всё останутся такими же задницами и лбами.

— *Vrai, vrai!*⁵,— закричал Pierr'e, которому понравилось это новое воззрение на занимавшее его дело.

Вечером князь Андрей и Pierr'e сели в коляску и поехали в Лысые Горы. [Князь Андрей молча поглядывал на Pierr'a и изредка говорил ему: Как я тебе рад!] [Князь Андрей казался более оживленным. Pierr'e, напротив, мрачно молчал. Его мучало безнадежное состояние его друга.] Князь Андрей, поглядывая на Pierr'a, прерывал изредка молчание речами, доказывавшими, что находился в очень хорошем расположении духа.

— Как я тебе рад! как рад! — говорил он.

Pierr'e мрачно молчал, отвечая односложно, и казался погружен в свои мысли.

— А ты любишь детей? — спросил он потом после молчания.— Смотри же, скажи мне правду, как он тебе понравится.— Pierr'e коротко обещался.— А как ты странно переменялся,— сказал князь Андрей.— И к лучшему, к лучшему.

[Всё то, про что я спорю с тобой, всё это я люблю в тебе.— Они опять молчали.]

— А вы знаете, отчего я переменялся? — сказал Pierr'e. Лучше я не найду времени говорить с вами.— Вдруг он повернулся [к нему] всем телом в коляске.— Дайте руку,— и Pierr'e сделал ему масонский знак, на который Андрей не ответил ему рукою.— Неужели ты масон? — сказал он.— *Si vous croyez audessus de cela...*⁶.

⁴ но не так, как ты думаешь

⁵ Правильно, правильно!

⁶ Если вы верите в нечто выше этого...

— Не говорите этого, не говорите этого, я сам то же думал. Я знаю, что такое масонство в глазах ваших.

— Нет, отчего же вы думаете,— вдруг начал Риегге, входя в состояние речистого экстаза, в каком он забывал всё, и [как всегда при этом] опускал голову]

Риегге всё не говорил. Он думал о том, что надо ему открыть Андрею учение масонства; но как только он придумывал, как и что он станет говорить, он предчувствовал, что князь Андрей одним словом, одним аргументом уронит всё его учение, и он боялся начать, выставить на возможность осмеяния свою любимую святыню.

— Нет, отчего же вы думаете,— вдруг начал Риегге, опуская голову и принимая вид бодающегося быка,— отчего вы так думаете. Вы не должны так думать.

— Да ты про что?

— Про жизнь, про назначение человека, про царство зла и беспорядка. Это не может быть. Я так же думал и меня спасло, вы знаете что? Масоны. Нет, вы не улыбайтесь, масонство это не религиозная, не обрядная секта, как и я думал, а масонство есть лучшее, единственное выражение лучших, вечных сторон человечества.— И он начал излагать Андрею масонство, как он понимал его, и в чем едва ли согласились бы с ним его братья каменщики. Он говорил, что масонство есть учение мудрости, учение христианства, освободившегося от государственных и религиозных оков, учение, признающее в человеке [только] первенствующими его способность [любить ближнего] [развивать] совершенствования себя, помощь ближнему, искоренение всякого зла и распространение этого учения равенства, любви и знания.

— Да, это было бы хорошо, но это иллюминатство, которое преследуется правительством, которое известно и потому бессильно.

— Я не знаю, что иллюминатство, что масонство,— [восторженно] заговорил Риегге, входя в состояние речистого восторга, в котором он забывался,— и знать не хочу. Я знаю, что это мои убеждения и что в этих убеждениях я нахожу сочувствие единомышленников, которым нет числа [и что в этом обществе только я вижу жизнь и смысл, остальное есть сон] в настоящем, нет числа в прошедшем и которым принадлежит будущее. Только наше святое братство имеет действительный смысл в жизни; всё остальное есть сон,— говорил он.— Вы поймите, мой друг, что вне этого союза всё исполнено лжи и неправды, и я согласен с вами, что умному и доброму человеку ничего не остается, как только, как вы, доживать свою жизнь, стараясь только не мешать другим. Но усвойте себе наши основные убеждения, вступите в наше братство, дайте нам руку, позвольте руководить собой, и вы сейчас почувствуете, как и я почувствовал, себя частью этой огромной, невидимой цепи, которой начало скрывается в небесах.

Князь Андрей, молча глядя перед собой, слушал речь Риегге. Несколько раз он, не расслышав от [толчок] шума коляски, переспрашивал у Риегг'а нерасслышанные слова. По особенному блеску, загоревшемуся в глазах Андрея, и по его молчанию Риегге видел, что слова его не напрасны, что Андрей не перебьет его. Он уже перестал бояться насмешливого или холодного возражения [а только] и желал только знать, как принимаются его слова.

Они подъехали к разлившейся реке, которую им надо было переезжать на пароме. Пока устанавливали коляску и лошадей, они молча прошли на паром и, облокотившись, стояли у перил. Князь Андрей молча смотрел вдоль по разливу, блестящему от заходящего солнца.

— Ну, что же вы думаете об этом? Что же вы молчите?

— Что я думаю? Я слушаю тебя. Всё это так. Но ты говоришь: вступи в наше братство, и мы тебе укажем цель жизни, и назначение человека,

и законы, управляющие миром. Да кто же мы — люди. Отчего же вы все знаете, а я не знаю, и ты, один человек, не знаешь, что ты такое?

— Как не знаю? — с жаром заговорил Pièrre. — Нет, я знаю. Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного гармонического целого. Разве я не чувствую, что я в этом бесчисленном количестве существ, в котором проявляется божество, — высшая сила, как хотите, что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим? Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведет от растения к человеку, то отчего же я предположу, что эта лестница, которой я не вижу конца внизу, она теряется в растениях, полипах. Отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведет дальше и дальше до высших существ. Вы читали Гердера. Это величайший философ и мудрец. Он говорит... — и Pièrre начал излагать всё учение Гердера, тогда бывшее еще совершенно новым учением, которое было до глубины понято и прочувствовано Pièrre'ом.

Коляска и лошади уже давно были выведены на другой берег и заложены, и уж солнце скрылось до половины, и вечерний мороз покрывал звездами лужи у перевоза, а [они] Pièrre, к удивлению лакеев, кучеров и перевозчиков, всё стоял, махая руками, говорил своим шепелявым голосом. Князь Андрей всё в той же неподвижной позе слушал его и, не спуская глаз, смотрел на красный отблеск солнца по синеющему разливу.

[Pièrre кончил. Князь Андрей вздохнул детски, нежным лучистым взглядом он взглянул в раскрасневшее восторженное, но всё робкое лицо Pièrre'a]

— Нет, мой друг, — кончил Pièrre, — есть бог на небе и добро на земле.

Князь Андрей вздохнул детски и лучистым, детским нежным взглядом взглянул в раскрасневшееся, восторженное, но всё робкое перед первенствующим другом лицо Pièrre'a.

— Да, коли бы это так было! — сказал он. — Однако пойдем садиться. И, выходя с паромы, князь Андрей взглянул на высокое, чистое небо, и в первый раз после Аустерлица увидел то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, исходя кровью и умирая. Увидав это небо, он вспомнил и весь тогдашний склад мыслей и удивился, как мог он потом, войдя в старую колею мелких забот жизни, забыть всё это. Pièrre не убедил его. Все разумные доводы Pièrre поражали его только своей холодностью, но любовное оживление Pièrre'a, державшегося за свои убеждения, как за спасительную доску, его видимое желание передать [«своему?»] испытываемое им счастье от этих убеждений своему другу, и более всего эта застенчивость Pièrre'a, в первый раз принявшего тон поучения с человеком, с которым он прежде всегда и во всем соглашался, — всё это в соединении с чудным апрельским вечером и тишиною воды сделали то, что князь Андрей почувствовал опять высокое вечное небо и себя размягченным и с теми силами молодой жизни, бившимися в нем, которые он [не ощущал уже давно] считал уже прожитыми.

— Отчего же? — сказал князь Андрей на настоятельное требование ввести его в мasonicкую ложу, — отчего же? [Это тебе] Ça me conte si peu et ça vous fera tant de plaisir⁷.

(XXX)

В 1807 году жизнь в Лысых Горах мало изменилась. Только на половине покойной княгини была детская, и вместо нее жил там маленький князек с Бурьен и нянькой англичанкой. Княжна кончила свои математические уроки и ходила только здороваться по утрам в кабинет отца, когда он бывал дома. Старый князь был назначен одним из 8-ми главнокомандующих по ополчению, определенных тогда по всей России. Старый князь настолько оправился после возвращения сына, что не счел себя

⁷ Мне это нетрудно, а вам доставит большое удовольствие.

вправе отказаться от должности, в которую был определен самим государем¹. Он был всё такой же, но только чаще в последнее время по утрам, натошак, и перед обедом находили на него минуты бешенства, в которых он был ужасен для подчиненных и невыносимо тяжел для домашних².

На церковном кладбище возвышался над могилой княгини новый памятник, часовня с мраморной статуей плачущего ангела. Старик князь однажды зашел в эту часовню и, сердито засморкавшись, вышел оттуда. Князь Андрей тоже не любил смотреть на этот памятник, ему казалось, вероятно, также и отцу, что лицо плачущего ангела было похоже на лицо княгини, и лицо это говорило то же: «Ах, что вы со мной сделали! Я всё отдала вам, что могла, а вы что же со мною сделали»³. Только княжна Марья охотно и часто ходила в часовню, стараясь передавать свои чувства ребенку, водила с собою маленького племянника и пугала его своими слезами.

Старый князь только что приехал из губернского города по делам службы, и, как это обыкновенно с ним бывало, деятельность оживила его. Он приехал весел и был особенно рад приезду сына с гостем, которого он не знал еще лично, но знал по отцу, с которым он бывал дружен. Князь Андрей ввел Риегга в кабинет к отцу и тотчас же пошел на полковину княжны Марьи и к сыну. Когда он вернулся, старик с Риеггом спорили, и по оживленным старым глазам отца и его крику Андрей заметил с удовольствием, что Риегге пришлось по сердцу старику. Они спорили, как и надо было ожидать, о Бонапарте, о котором всякого нового приезжего как будто экзаменовал князь Николай Андреич. — Старик всё не мог переварить славы *Буонапартия* и доказывал, что он [дурак и мальчишка] плохой тактик. Риегге, хотя и много изменивший свой взгляд на своего прежнего героя, всё еще считал его гениальным человеком, хотя и обвинял его за измену идеям революции. Этого взгляда старый князь вовсе не понимал. Он судил Буонапарте только как полководца. — Что ж по-твоему он умно стал теперь задом к морю, — говорил старик, — как бы не Кусевлены (так он называл Буксгевдена), ему бы жутко стало.

— В этом-то и сила его, — возражал Риегге, — что он презирает предания военные, а во всем действует по-своему.

— Да, по-своему и под Аустерлицом стал между двух огней...

Но в это время вошел князь Андрей и князь замолк.

Он никогда при сыне не говорил об Аустерлице.

— Всё об Бонапарте, — сказал князь Андрей с улыбкой.

— Да, — отвечал Риегге, — помните, как мы 2 года тому назад смотрели на него.

— А теперь, — сказал князь Андрей — теперь для меня ясно, что вся сила этого человека в презрении к идеям и в лжи. Надо всех только уверить, что мы всегда побеждаем, и будем побеждать.

— Расскажи, князь Андрей, про Аркольскую лужу, — сказал старик и вперед захохотал.

Этот рассказ старик слышал 100 раз и всё заставлял повторять его. Рассказ этот состоял в подробности о взятии Аркольского моста <в> 1804 году, который князь Андрей, бывши в плену, узнал от одного бывшего очевидца, французского офицера. В то время еще более, чем теперь, был прославляем и всем известен мнимый подвиг Бонапарте, бывшего еще главнокомандующим, на Аркольском мосту. Рассказывалось, и печаталось, и рисовалось, что французские войска замешались на мосту, обстреливаемые картечью. Бонапарт схватил знамя, бросился вперед на мост, и, увлеченные его примером, войска последовали за ним и взяли мост. Очевидец передал Андрею, что ничего этого не было. Правда, что

¹ На полях: *M-lle Bourienne должна принять подданство. Княжна Марья защищает ее.*

² На полях: *страдает от крепостного права.*

³ Следующий лист утрачен. Текст до конца абзаца восстанавливается по копии.

на мосту замялись войска и несколько раз посылаемые вперед бежали, правда, что сам Бонапарт подъехал и слез с лошади, чтоб осмотреть мост. В то время, как он слез позади, а не впереди войск [адъютант схватил его, умоляя не идти вперед.], войска, бывшие впереди, побежали назад, в это время и сбили с ног маленького Бонапарта, и он, желая спастись от давки, попал в наполненную водой канаву, где испачкался и промок и из которой с трудом вынули, посадили на чужую лошадь и повезли обсушивать. А мост так и не взяли в тот день, а взяли на другой, поставив батареи, сбившие австрийские...

— Вот как слава приобретается французами, — хохоча своим неприятным смехом, говорил старик, — а он в бюллетенях велел написать, что он с знаменем шел на мост.

— Да ему не нужно этой славы, — сказал Pièrre, — его лучшая слава — усмирение террора.

— Ха-ха-ха — террора... Ну да будет. — Старик встал. — Ну, брат, — обратился он к Андрею [вставая и хлопая по плечу Pièrre'a], — молодец твой приятель. Я его полюбил. Разжигает меня. Другой и умные речи говорит, а слушать не хочется, а он всё врет, а так и подмывает с ним спорить. С ним и старину вспомнил, как с его отцом в [в Измаиле] [в Турции] Крыму были. Ну, идите, — сказал он. — Может быть, приду ужинать. Опять поспорю. Ступай, дружок. Мою дуру, княжну Марью, полюби.

Князь Андрей повел Pièrre'a к княжне Марье, но княжна Марья не ожидала их так рано и была в своей комнате с своими любимыми гостями.

— Пойдем, пойдем к ней, — сказал князь Андрей, — она теперь прячется и сидит с своими божьими людьми, поделом ей, она сконфузится, а ты увидишь божьих людей. *C'est curieux, ma parole*⁴.

— *Qu'est-ce que c'est que*⁵ божьи люди, — спросил Pièrre.

— А вот увидишь.

Княжна Марья действительно сконфузилась и покраснела пятнами, когда вошли к ней. В ее уютной комнате с лампадками перед киятами на диване [за чаем] за самоваром сидел рядом с ней молодой мальчик с длинным носом и длинными волосами и в монашеской рясе. На кресле, подле, сидела старушка в черном [и платье вроде <1 нрзб>] платке на голове и плечах.

— *André, pourquoi ne pas m'avoir prévenu*⁶, — сказала она с кротким упреком, становясь перед своими странниками, как наседка против коршуна. — *Charmée de vous voir. Je suis très contente de vous voir*⁷, — сказала она Pièrre'у, в то время как он целовал ее руку. Она знала его ребенком, и теперь дружба его с Андреем, его несчастье с женой и, главное, его доброе, [робкое] несмелое лицо расположили ее к нему. Она [радостно] смотрела на него своими прекрасными, лучистыми глазами и, казалось, говорила: «Я вас очень люблю, но, пожалуйста, не смейтесь над *моими*».

— А, и Иванушка опять тут, — сказал Андрей, указывая улыбкой на молодого странника, в то время как сестра его говорила с Pièrre'ом.

— *André!* — умоляюще сказала княжна Марья.

— *Il faut que vous sachez que c'est une femme*⁸, — сказал Андрей Pièrre'у.

— *André, au nom de Dieu*⁹, — повторила княжна Марья.

Видно было, что насмешливое отношение князя Андрея к странникам и бесполезное заступничество за них княжны Марьи было привычное, установившееся между ними отношение.

⁴ Это курьезно, право.

⁵ Что это такое

⁶ Андрей, почему ты не предупредил меня?

⁷ Рада вас видеть. Очень рада.

⁸ Ты знаешь, это женщина.

⁹ Андрей, ради бога!

— Mais, [ma chère] ma bonne amie, — сказал князь Андрей, — vous devriez au contraire m'être reconnaissante de ce que j'explique ainsi votre intimité avec ce jeune homme¹⁰.

— Vraiment? — сказал Пьерге, любопытно и серьезно (за что особенно благодарна ему была княжна Марья) вглядываясь через очки в лицо Иванушки, который [была женщина], поняв, что речь шла о нем, хитрыми глазами оглядывал всех.

Княжна Марья совершенно напрасно смутилась за *своих*. Они несколько не робели. Старушка тем мерным голосом, в себя, особенно, когда она говорила о святости, разговаривалась с князем Андреем. Иванушка-женщина, стараясь говорить басом, попивал чай, тоже не смущаясь, отвечал князю Андрею.

— Так в Киеве была? — спрашивал старуху князь Андрей.

— Была, отец, — отец Амфилохий благословил. [Ослабел и ручка] Очень ослабел, матушка, — обратилась она к княжне Марье. — Кажется, в миру спасется. Худой-прехудой, а к благословенью подойдешь, ручка ладаном пахнет. В пещеры ходила. Нынче в пещерах вольно стало. Монахи знают меня. Дадут ключ, [я и хожу по пещерам. А слышала, матушка, в Калязине, матушка, Мать Пресвятая Богородица открылась, миро из щёчки] я и хожу, угодникам прикладываюсь, всем помолюсь, слава тебе, господи.

Все молчали, одна странница говорила мерным, спокойным голосом.

— А еще где была? — спросил князь Андрей. — У матушки была?

— Полно, Андрей, — сказала княжна Марья. — Не рассказывай, Пелагеюшка.

— И, что ты, матушка, отчего ж не рассказывать. Ты думаешь он смеется. Нет, он добрый, богобоязненный, он мне, благодетель, 10 рублей дал, я помню. В Калязине была. В Калязине, матушка, Пресвятая Богородица открылась, уподобилась видеть, чудотворная икона. Вот чудеса, отец, [так] у ней миро из щёчки течёт.

— Ну, хорошо, хорошо, после расскажешь, — краснея, сказала княжна Марья.

— Позвольте у нее спросить, — сказал Пьерге. — Как же миро?

— Так и течет, голубчик, из щечки-то матушки, благовоние такое, отец.

— И вы верите этому? — сказал Пьерге.

— Как же не верить-то? — испуганно сказала странница.

— Да ведь это обман.

— Ах, отец [что говоришь, так-то один анарал не верил и ослеп; привели его к ней. Он и прозрел. «Отдаю, говорит, тебе всё, чем царь жаловал». Сама видела, звезда, — она обратилась], что говоришь! — с ужасом сказала Пелагеюшка, обращаясь за защитой к княжне Марье.

— Что ж, он правду говорит, — сказал князь Андрей.

— Господи Иисусе Христе, — крестясь, сказала странница, — и ты тоже. Ох, не говори, отец. Так-то один анарал не верил, сказал: «Монахи обманывают», — да как сказал, так и ослеп. И приснилось ему, что приходит к нему матушка пресвятая богородица и говорит: «Уверуй мне, я тебя исцелю». Вот и стал проситься: повези да повези меня к ней. Это я тебе истинную правду говорю, сама видела. Привезли его, слепого, прямо к ней; подошел, упал, говорит: «Исцели!» — отдаю, говорит, тебе всё, что царь жаловал. Сама видела, звезда в ней так и вделана. Что ж, прозрел! — обратилась она к княжне Марье.

Княжна Марья краснела. Иванушка лукавыми глазами глядел на всех исподлобья.

Князь Андрей не мог удержаться, чтобы не посмеяться — так он привик, любя, дразнить сестру.

¹⁰ Но, мой добрый друг, ты бы должна была бы быть мне благодарна за то, что я объясняю твою интимность с этим молодым человеком.

¹¹ Право?

— Значит в генералы и матушку произвели.

— [А вот и грех тебе, грех] Отец, отец, [умоляюще заговорила Пелагеюшка] грех тебе, у тебя дети,— вдруг злобно и испуганно заговорила странница, вся красная, всё оглядываясь [как бы за помощью] на княжну Марью.— Грех, что ты сказал такое. Бог тебя прости.— Она перекрестилась.— Господи, прости его. Матушка, что ж это? — Она встала и, чуть не плача, стала собирать свою сумочку. Ей, видно, было и страшно и жалко того, кто это сказал, и стыдно, что она пользовалась благодеяниями в доме, где могли говорить это. Теперь княжне Марье не нужно было просить Андрея. Он сам и особенно Pierre старались успокоить странницу и убедить ее, что никто не думал этого, что это с языка сорвалось. Странница успокоилась, и она долго потом рассказывала про счастье ходить одной по пещерам, про благословение отца Амфилохия и т. д. Потом она запела кант.— И княжна Марья, отпустив их почевать, повела брата и гостя к чаю. [Разговор зашел о странницах.]

— Вот, граф,— говорила княжна Марья,— André не хочет согласиться со мной, что странствие есть великое дело. Бросить всё, все связи, радости жизни, и идти, рассчитывая на одну милостыню, по миру, молиться за всех, за благодетелей и за врагов.

— Да,— говорил князь Андрей,— ежели бы это сделала ты [то ты], для тебя бы это было жертва, а для них карьера.

— Нет, ты не так понимаешь. Ты послушай, что они говорят.

— Я слушал, я слышу только невежество, заблуждения и страсть бродяжничать, а ты слышишь всё то, что [есть] тебе хочется слышать и что есть в твоей душе.

— Нет, я согласен с княжной,— говорил Pierre.— Только мне жалки эти заблуждения [о мире и т. п.] суеверий.

— О, ты во всем будешь согласен с княжной Марьей, вы одинаковы.

— И я очень горд этим.

Старый князь вышел ужинать. Это было очевидно для Pierre'a. И был с ним оба дни его пребывания ласков и весел. Когда Pierre уехал и сошлись вместе все члены семьи, кроме Бурьенн, его стали судить, как это всегда бывает, и, как это редко бывает, все говорили про него одно хорошее. Даже Михаил Иванович хвалил его часто, зная, что этим доставит удовольствие старому князю. Княжна Марья часто спрашивала про него и просила Андрея писать ему чаще. Андрей редко говорил про него, но приезд его для него был эпохой. [Всё то, над чем] Все те мечтания Pierre'a, над которыми он почти смеялся и которые он оспаривал в разговоре с ним, все эти предположения он, никому не говоря, начал приветствовать у себя в имении. В Богучарове был отведен флигель для больницы, священнику внушено и дано денег, чтобы он учил детей, барщина уменьшена, и было послано прошение об отпуске богучаровских крестьян на волю¹².

Это было 26-го февраля. Кучера, возившие старого князя, вернулись из города и привезли бумаги и письма князю Андрею. Камердинер, не застав его в кабинете, пошел на половину княжны Марьи, но и там его не было, ему сказали, что он пошел в детскую.

— Пожалуйте, ваше сиятельство, Петруша с бумагами пришел,— сказала одна из девушек, помощниц няньки, обращаясь к князю Андрею, который сидел на маленьком детском стуле и дрожащими руками, хмурясь, капал из стклянки лекарство в до половины налитую рюмку, капал, сердито выливал на пол, потому что накапывал лишнее и требовал еще воды.

¹² Следующий лист утрачен; печатается по копии до слов: *всё дожидалась*; далее — вновь по автографу.

— Мой друг,— говорила княжна Марья от кровати, у которой она стояла,— лучше подождать, после...

— Ах, сделай милость, ты всё говоришь глупости, ты и так всё дожидалась — вот и дождалась,— сказал он ворчливо, видимо желая уколоть сестру.

— Мой друг, право лучше не будить, он заснул.

Князь Андрей нерешительно на цыпочках подошел с рюмкой.

— Или точно ты думаешь не будить,— сказал он. Княжна Марья указала ему на девушку, вызывавшую его. Князь Андрей вышел, проворчав: «чёрт их принес», и, вырвав из рук подаваемые конверты и письма отца, вернулся в детскую. Старый князь на синей бумаге своим крупным, продолговатым почерком, употребляя кое-где титулы, писал следующее: «Весьма радостное в сей момент известие получил через курьера, если не вранье. Бенигсен под Пултуском над Буонапартом якобы полную викторию одержал. В Петербурге всё ликует, и наград послано в армию без конца. Хотя немец — поздравляю. Корчевский предводитель, некий Ростов граф, не постигну, что делает: до сих пор не доставлены добавочные люди и провиант. Сейчас скажи туды и скажи, что я с него голову сниму, чтоб через неделю всё было. О Пултуске сейчас получил письмо от Петеньки — всё правда. Как не мешают, кому мешаться не следует, то и немец побил Буонапарте. Сказывают, бежит весьма расстроен».

Получив это письмо, которое в другое время было бы из самых тяжелых ударов для князя Андрея, и только пробежав его, и понявши сущность его, состоявшую в том, что, 1-е, судьба продолжала подшучивать над ним, устроив так, что Наполеон побежден тогда, когда он сидит дома, напрасно стыдясь Аустерлицкого позора, и, 2-е, что отец требует его немедленного отъезда в Корчеву к какому-то Ростову, он остался совершенно равнодушен к обоим пунктам.

— Чёрт их возьми со всеми Пултусками, и Бонапартами, и наградами,— подумал он о первом.— Нет уж, извините, теперь не поеду, покуда Николенька будет находиться в этом положении,— подумал он о втором, и он с открытым письмом в руке на цыпочках вернулся в детскую и глазами отыскивал сестру.

Была вторая ночь, что они оба не спали, ухаживая за горевшим в жару мальчиком. Все сутки эти, не доверяя своему домашнему доктору и ожидая того, за которым было послано в город, они предпринимали то то, то другое средство. Измученные бессонницей и тревожные, упрекали один другого и ссорились. В ту минуту, как опять входил князь Андрей с письмом в руке, он увидел, что нянька с испуганным видом спрятала что-то от него и что княжны Марьи не было у кровати.

— Мой друг,— послышался ему сзади себя отчаянный, как ему показалось, шёпот княжны Марьи. Как это часто бывает в минуты страшного ожидания, на него нашел беспричинный испуг. Всё, что он видел и слышал, показалось ему, подтверждало его страх.

«Всё кончено, он умер»,— подумал он, сердце его оборвалось, и холодный пот выступил на лбу. Он с потерянными мыслями подошел к кровати, уверенный, что он найдет ее пустою, но хорошенький, румяный ребенок, раскидавшись, лежал в ней. Князь Андрей нагнулся и, как учила его сестра, губами попробовал, есть ли жар у ребенка. Нежный лоб был влажен, он дотронулся рукою — даже волосы были мокры. Какая-то тень виднелась ему подле него под пологом кровати. Он не оглядывался, не помня себя от счастья глядя на лицо ребенка и слушающая его ровное дыхание. Темная тень была княжна Марья, которая неслышными шагами подошла к кровати, подняла полог и опустила его за собою. Под кисейным пологом был матовый полусвет, и они втроем были уединены, казалось, от всего мира.

— Он вспотел,— сказал князь Андрей.

— Я шла к тебе, чтобы сказать это.

Князь Андрей смотрел на свою сестру своими 13-тилетними¹³, ясными и добрыми глазами и виновато улыбался. Лучистые глаза княжны Марьи блестели больше обыкновенного от счастливых слез, которые стояли в них. Они потихоньку, чтобы не разбудить ребенка, пожали друг другу руку, и неловкая княжна Марья этим жестом слегка зацепила за полотно кровати. Они погрозили друг другу, еще постояли в матовом свете потолка, как бы жалея расстаться с этим миром, отдельным, чистым и полным такой любви, и, наконец, путая волосы, вздохнув, вышли и закрыли за собою занавески¹⁴.

На другой день мальчик был совершенно здоров и князь Андрей поехал в Корчеву исполнять поручения своего отца.

〈XXXI〉

Последний долг в 42 тысячи, сделанный для уплаты проигрыша Nicolas, хотя и составлял незначительную сумму относительно всего имения графа Ростова, был тою фунтовою [маленькой] гирькой, которая окончательно перевешивает пудами наложенные весы. Этот последний заем, сделанный графом на честное слово, и уплата по нем окончательно расстроила [его дела] дела Ростовых. К осени должны были поступить ко взысканию векселя и требования Опекунского совета, по которым платить нечем было, не продавая имений. Но старый граф с чувством заигравшегося игрока не считался с банкометом и верил; Митенька, ловя рыбу в мутной воде, не старался уяснить дел. Под предлогом уменьшения доходов граф поехал с семейством в деревню и намеревался провести в ней и зиму. Но жизнь в деревне нисколько не вела графа к поправлению своих дел. Он жил в своем Отрадном — 500-душном имении, не приносящем никакого дохода [и едва достающим на чистку его садов и парков и поддержку оранжерей], но с богатым садом и парком и оранжереей, огромной псовой охотой, хора музыки, конных, голландского рогатого скота, не приносящими никакого дохода заводами¹. На беду в этот же год [был объявлен манифест об ополчении] были два набора и ополчение, разорившие многих помещиков в России, положили конец его разорению¹. В его имениях приходился 3-й работник в ополчение, так что в пахотных губерниях запашка должна была быть уменьшена, а в оброчных, которые составляли главные его доходы, мужики не платили и не могли платить оброка. Сверх того на обмундирование и провиант он должен был удержать десятки тысяч². Но граф нисколько не изменил ни своей радушной веселости, ни гостеприимства, принявшего еще большие размеры в деревне и с тех пор как он единодушно был избран предводителем дворянства. Кроме огромного приема и увеселений, которыми он угашивал дворян своего уезда, он за некоторых, беднейших, платил свои деньги и всеми средствами отстаивал их перед главнокомандующим, несмотря на славу страшной строгости, которую имел главнокомандующий князь Болконский. Поэтому-то и были упущения по его уезду, за которые гневался князь Николай Андреич и исправить которые он послал своего сына.

[Граф Илья Андреич] Митенька жил с семьей в большом флигеле села Отрадного и все, имевшие дела до графа, знали, что тут-то, у него, решались все дела. У крыльца его в новых кафтанах, чисто обутые начальники из мужиков, и мужики растерзанные, и бабы-просительницы. Митенька вышел к ним в шубке, румяный, гордый, рассеянный.

¹³ Так в автографе.

¹⁴ На полях: *Старый князь приехал, взбесился. Князь Андрей уехал к себе и говорит с сестрой о несчастьи отца от крепостного права. Наташа отчаянно весела. 1808. Анатолий. Приезд Пьера.*

¹ Так в автографе.

² На полях: *Бергу приданое, отдает замуж.*

— Ну, ты что?

Староста села объяснил, что опять приехал ополченный начальник и требовал людей завтра на учение, а пар еще не пахан.

— Что прикажете?

Митенька поморщился.

— И чёрт их знает, что делают. Так все хозяйство бросить. Я ему говорил, чтобы написал,— проговорил он про себя.— Это еще что?

Это была бумага от станowego с требованием, по приказанию главнокомандующего, денег. Митенька прочел.

— Скажи, что его нет, сейчас едут в город. Потом доложу. Ну, вы что?

Старый мужик повалился в ноги.

— Отец!.. Ваньку взяли, хоть бы Матюшку оставили! Прикажи отменить.

— Да тебе говорили, что это только на время.

— Как, батюшка, на время. Сказывают, всех заберут.

Баба, просившая о муже, бросилась в ноги.

— Ну, ну, твоего-то давно пора за грубиянство.— Из-за угла вышло еще человек 10 оборванцев, видимо, тоже просители.

— Ну, вас всех не переслушаешь. Царь велел...

— Батюшка... отец...

— Да вы подите к барину...

— Отец, защиты.

В это время мимо крыльца приказчика флигеля прогремела огромная карета цугом на сытой 6-ке серых. Два лакея в галунах стояли — гладкие — сзади. Кучер толстый, красный, с помаженной бородой крикнул на народ, подручный жеребец заиграл.— Держи короче, Васька.— И карета покатила к подъезду с колоннами между выставленных кадок огромного отрядненского дома. Граф ехал в город для свидания с князем Андреем, но знали, что он вернется на другой день, так как на [другой] 3-й день были его именины, день торжественный, и прием. К этому дню в большой зале уже давно готовился домашний театр сюрпризом, о котором, несмотря на стук топоров, делавших подмости, граф не должен был знать. Уже много и гостей было съехавшихся к этому дню из Москвы и губернского города.

Митенька отпустил народ, сказав, что графу некогда и что изменить ничего нельзя, так как всё было решено его именем.

Князь Андрей 2-й день жил в уездном городе, сделал все нужные распоряжения властью, данной ему от отца, и ждал только свиданья с предводителем, назначенного вечером, чтобы уехать. Само собою разумеется, что, несмотря на перемену, которая, он льстил себя надеждой, произошла в нем, он не мог никого, ни городничего, ни судьи, знать из бывших в городе. Он ходил, гулял, как в пустыне. Однажды утром он пошел на торг и, пленившись красотою одной булочницы, подарил ей 5 рублей на расторжку; на другой день мужик пришел к нему, жалуясь на позор его дочери. Ее шуняют, что она любовница главнокомандующего сына. Князь Андрей разменял деньги, пошел на другой день на базар и раздал по 5 рублей всем девкам. Когда граф Илья Андреич приехал в город и переоделся у судьи, он узнал об этом поступке молодого Болконского и очень был обрадован им. Он поспешно как и всегда с веселым и более чем всегда, веселым духом, вошел к князю Андрею³.

Старый граф пользовался тою великою выгодой добродушных людей, что ему ни с кем, ни с важным, ни с неважным, не нужно было изменять

³ На полях: Два друга—Андрей и Pierre, у Ростовых, оба влюблены, но ребенок.

У Ростовых шло веселье. Анна Михайловна привезла Анатоля, и Борис приехал. Положение Бориса в армии. Борис с презрением смотрит на деревенщину. La petite Natalie (маленькая Натали). Рад дружбе с Анатодем, даже уступает ему. Наташа подслушала, как он хвалит ее груди, и оскорблена. Pierre остается. Борис. Ему отзывается Наташа. Ей кажется, что их столько.

своего обращения; он не мог быть более ласков, чем он был со всеми. — Ну, здравствуйте, милый князь! Очень рад познакомиться с вами. Батюшку вашего встречал, да он, чай, меня не помнит. Как же это [его] вам не совестно здесь оставаться. Прямо бы ко мне, рукою подать, мои ямщики живо бы [тебя] вас докатили, и [тебе] вам, и людям твоим⁴ покой был, и об деле бы переговорили, а то [тебе] вам, чай, и есть-то нечего было; и графинюшка моя, и дети мои, все бы [тебе] вам душой рады были. Сейчас едем со мной, у меня переночуете, сколько вздумается, после же завтра день ангела моего, не побрезгайте, князь, моего хлеба-соли откусать. [Ты] Вы об деле погодите, вот сейчас я моего секретаря позову, мы в одну минуту всё обделаем. Деньги у меня готовы, я сам, батюшка, знаю, что служба прежде всего.

Вследствие того ли, что действительно граф с своим секретарем представил достаточные причины несвоевременности исполнения некоторых требований и удовлетворил тем, которым было возможно удовлетворить, или от того, что князь Андрей был подкуплен этой простодушно доброй манерой старого графа, за которой ничего не скрывалось, кроме общего благоволения, благодушия ко всем людям без исключения, но князь Андрей почувствовал, что все служебные дела кончены, и что ежели они не окончены, то мешает тому никак не желание старого графа сделать угодное правительству, его отцу и всем людям на свете.

— Ну, [брат] князь, хорошо [ты] вы штуку с торговками сделали! Это [брат] я люблю, это по-барски. — И он добродушно потрепал его по плечу. — Так пожалуйста же, князь, дружок, не откажите погостить у меня, ну, недельку, — сказал он, как бы не сомневаясь в том, чтобы князь Андрей мог не поехать к нему. Князь Андрей, действительно, находясь в особенно хорошем расположении духа вследствие счастливого окончания болезни сына, веселого расположения духа, произведенного историей с торговками, и в особенности вследствие того, что старый граф принадлежал к тому разряду людей, столь отличных от него самого, что он к ним не примерял себя и они ему бывали особенно симпатичны, он и не подумал, что можно было отказать ему.

— Ну, не недельку, — сказал он, улыбаясь.

— Там увидим, — подхватил старый граф, сияя радостной улыбкой. — [Ты посмотри] Вы посмотрите, послезавтра у меня театр будет, мои девчата затеяли. Только это секрет, сюрприз, [смотри не проговорись] смотрите не проговоритесь!

Усадив нового гостя в свою карету и велев коляске князя ехать за собой, старый граф привез его к вечернему чаю в Отрадное. Дорогой старик много и весело болтал и болтовней этой еще более понравился молодому Болконскому. Он с такою любовью и уважением говорил про своего сына, которого князь Андрей вспомнил, что видел раз за границей, он с такою осторожностью и усилием не хвалить говорил про своих девчат (князь Андрей понимал, что это была та врожденная деликатность отца невест, который говорит о них перед выгодным женихом), он с такой простотой смотрел на все отношения людские, так был непохож на всех тех гордых, беспокойных и честолюбивых людей, к которым принадлежал он сам и которых он так не любил, что старик ему особенно понравился.

— Вот и моя хата, — сказал он с некоторою гордостью, вводя его на отлогую, широкую, каменную лестницу, уставленную цветами, и в большую переднюю, в которую вскопало десятка полтора [довольно] грязных, но веселых лакеев. Старик провел его прямо к дамам в гостиную [с открытым б<алконом>] и на балкон, где все сидели за чайным столом. Князь Андрей нашел в семействе Ростова то самое, что он и ожидал найти: московскую барыню-старушку с бессмысленным и ленивым французским разговором, чопорную барышню Лизу, под видом небрежности

⁴ твоим — осталось не исправленным (прим. составителя).

до малейших подробностей высматривающую жениха, скромную, краснеющую воспитанницу Соню и немца гувернера с мальчиком, беспрестанно надоедающего этому мальчику своими замечаниями, только с тем, чтобы показать родителям и в особенности гостю, — что он — хороший немец, помнит свое дело, что его «можете и вы, господин гость, взять к себе, ежели вам нужно хорошего немца, а я охотно пойду к вам, потому что здесь не умеют все-таки вполне ценить меня», и благородное дворянство — гости, почтительно держащие себя у графа-предводителя. Всё это было, как и следует быть. Ничего не было неожиданного, но почему-то всё это, со всею своею ничтожностью и пошлостью, до глубины души трогало князя Андрея. Было ли причиной тому его настроение, окрашивающее в эту минуту всё поэтическим и нежным светом, или всё, что окружало его, произвело в нем это настроение, он не знал, но всё его трогало и всё, что он видел, слышал, ярко отпечатывалось в его памяти, как бывает в торжественные и важные минуты в жизни.

Старичок в мягких сапожках поспешно подошел к жене, целуясь с нею, рука в руку и взглядом указывая на гостя, говоря друг другу то, что понимает только муж с женою. Лиза, сразу не показавшаяся ему несимпатичной, присевшая к гостю (ему жалко было, что она не такая добрая, как отец), Соня, вся вспыхнувшая своим избытком крови и своими верными, собачьими глазами и черными, густыми косами, зачесанными у щек, как уши у лягавой собаки, и старый лакей, с улыбкой смотревший на представление нового лица, и огромная старая береза с неподвижно висевшими ветвями в теплом вечернем свете, и звук охотничьих рогов, и воя гончих, слышных из-под горы от псарни, и наездник на кровном, взмыленном жеребце и золоченых дрожках, остановившийся перед балконом, чтоб показать графу любимого жеребца, и спускавшееся солнце, и мелкая трава по краю дорожки, и прислоненная к ней садовническая лейка — всё это, как атрибуты счастья, врезалось ему в память. Новое место, новые люди, тишина летнего вечера, спокойное воспоминание и какое-то новое, благодушное воззрение на мир, отразившееся с старого графа на него во время поездки, давали ему сознание возможности новой, счастливой жизни. Он мельком взглянул на небо, в то время как графиня говорила ему пошлую фразу о приятности летней жизни (что ж ей было и говорить с новым лицом, он не осуждал ее, она славная). Он взглянул на небо и в первый раз после Аустерлицкого сражения опять увидел его, увидел высокое, высокое, бесконечное небо, и оно было не с ползущими по нем облаками, а голубое, ясное и уходящее. Какой-то шум, похожий на звук влетевшей в комнату и бившейся об окно птицы, послышался на окне, выходящем на балкон, и отчаянный и веселый голос кричал:

— Отворите, я зацепилась, мама! Я зацепилась, — кричал, смеясь и плача, как показалось князю Андрею, какой-то мальчик, стоявший на окне. Увидав его, мальчик, и прелестный мальчик, встряхнув черными кудрями, покраснел, закрыл лицо руками и соскочил с окна.

Это была Наташа⁵. Она в мужском костюме своей пьесы для репетиции, зная о возвращении отца и с гостем, пришла похрабриться и показаться, но зацепилась за задвижку, выдумала слово «зацепилась», и желая и посмеяться над этим словом, и отворить окно, которое не подавалось, и показаться в мужском костюме, который, она знала, очень идет к ней, новому лицу, и желая скрыться от отца, она, как птичка, затрепыхалась в окне, сама не зная, что она делает, так как, как и всегда это с ней бывало, все эти мысли вдруг пришли ей в голову и она все их хотела сразу привести в исполнение.

— Ну, я пойду Полкана посмотреть, — сказал старый граф, подмигивая и улыбаясь жене, показывая, что он ничего не видал и не знает сюрприза, и спустился вниз с балкона к Полкану, который нетерпеливо бил ногой,

⁵ На полях: *оживляется от похвалы, сердится и падает духом от равнодушия.*

отмахивался от мух и одними этими движениями откатывал и накатывал летние дрожки.

— Это моя меньшая, они готовят спектакль к именинам моего мужа, — сказала старая графиня.

Князь Андрей с улыбкой сказал, что он всё знает.

— От кого же? — закричал голос из окошка и [прелестная] оригинальная головка (Наташе минуло 15 лет и она очень сложилась⁶, похорошела в это лето). — От папà!

— Нет, я узнал это здесь, — сказал он, улыбаясь.

— А! — сказал голосок, успокоиваясь. — Мама, подите сюда, посмотрите, хорошо ли будет. — Старая графиня вышла, и князь Андрей слышал, как она уговаривала дочь показаться всем, так как ее увидят же в этом костюме. Лиза между тем рассказывала подробно, что костюм этот означает приготовление к театру, что старый граф знает, но притворяется не знающим, одним словом всё то, что князь Андрей понял с первого намека.

Старый граф разговаривал с наездником о том, сколько минут едет Полкан. С одной стороны слышалась балалайка около кухни, а из-за пруда долетали звуки разбирающегося стада. Князь Андрей слышал всё, но все эти звуки были только аккомпанемент звука голоса мальчика-девочки, которая говорила, что она хочет показаться гостю. Старая графиня уговаривала ее. Вдруг быстро отворилась дверь, и на балкон выбежала Наташа. На ней были лосиные панталоны, гусарские сапожки и, открытая на груди, серебром шитая, бархатная курточка. Тонкая, грациозная, с длинными до плеч завитыми локонами, румяная, испуганная и самодовольная, она хотела сделать несколько шагов вперед, но вдруг застыдилась, закрыла лицо руками и, чуть не столкнув с ног мать, проскользнула в дверь, и только слышен был по паркету быстрый удаляющийся скрип ее гусарских сапожек.

Вечеру Наташа, обыкновенно [незастенчивая] мало застенчивая, не сходила к ужину.

— Отчего ты не идешь? — говорили ей.

— Не пойду, мне стыдно. — Сама графиня должна была прийти за ней. Но Наташа, услышав шаги графини, вдруг заплакала.

— Об чем ты? Что с тобой? — лаская говорила графиня.

— Ах, ничего, мне досадно, что вы историю делаете из пустяков. Идите, идите, честное слово, — она перекрестилась, — я приду. И она пришла перед самым ужином в женском платье, которое на ней было уже длинное, как у больших, но в той же прическе. Она, покраснев, присела князю Андрею.

Хотя видно было, что она еще много вырастет, она была стройна и уже роста взрослой невысокой женщины. Она была и хороша и не хороша. Верхняя часть лица — лоб, брови, глаза — были тонки, сухи и необыкновенно красивы, но губы были слишком толсты и слишком длинны, неправилен подбородок, почти сливавшийся с мощной и слишком сильной по нежности плеч и груди — шеей. Но недостатки ее лица можно бы было разобрать только на ее портрете или бюсте, в живой же Наташе нельзя было разобрать этого, потому что, как скоро лицо ее оживлялось, строгая красота верхней части сливалась в одно с несколько чувственным и животным выражением нижней части в одну блестящую, вечно изменяющуюся прелесть. А она всегда была оживлена. Даже, когда она молчала и слушала, или думала. [Она вся была то кокетство, то ожидание, то любопытство, страстное любопытство жи<вой>] За ужином, не вступая в разговор больших, она внимательно, любопытно строгими глазами вглядывалась в новое лицо. Старый граф заметил, что она молчалива, весело подмигнул князю Андрею, и покосился на любимицу дочь, и сказал:

⁶ Слово неясно читается, так как на нем чернильное пятно (прим. составителя).

— За одно, князь, жалею Москву: театров нету, что бы дал театр посмотреть. А! Наташа,— обратился он к ней. Князь Андрей, следя за взглядом старого графа, тоже смотрел на нее.

— Ведь она у меня певица,— сказал старый граф.

— А вы поете? — сказал князь Андрей. Он сказал эти простые слова, прямо глядя в прекрасные глаза этой 15-тилетней девочки. Она тоже смотрела на него, и вдруг без всякой причины князь Андрей, не веря сам себе, почувствовал, что кровь приливает к его лицу, что его губам и глазам, неловко, что он просто покраснел и сконфузился, как мальчик. Ему показалось, что Наташа заметила его состояние и другие также.

[— Нет, не нравится, не нравится мне,— говорила вечером Наташа о князе Андрее.— Что-то гордое, сухое] Вечером старая графиня в кофте опять пустила к себе Наташу, которая была особенно оживлена после своего припадка застенчивости и, одевшись в старушечью кофту и чепец, сидела на горе из подушек и ораторствовала.

— Да, этот в моем вкусе,— говорила.

— У тебя губа не дура,— говорила графиня⁷.

Князь Андрей не остался гостить, а уехал на другой день утром. Он ехал один в своей коляске и думал, не переставая, о своей покойной жене. Он видел, как живое, перед собой ее лицо. «Что вы со мной сделали?» — всё говорило это лицо, и ему тяжело и грустно было на душе.

— Да, есть надежда и молодость,— говорил он сам себе,— а я отжил, я кончил, я старик,— говорил он себе, но в это время [он увидал дуб], как он говорил себе это, он подъезжал к дому и проезжал [Лысогорский [дубовый и] березовый лес, примыкавший к самому дому] Лысогорскую березовую рощу, примыкавшую к самому дому. Когда он ехал еще в Корчеву, в этой роще, уже распустившейся, стоял один дуб, еще голый, и он задумался над этим дубом. Была весна, ручьи уже сошли, всё было в зелени, береза уже была облита клейкой, сочной и пушистой зеленью, в лесу пахло <теплой?> свежестью [соловьи] [птицы] [щеглы]. Около самой дороги, вытянув одну корявую, нескладную руку над дорогой, стоял старый двойчатка дуб с обломленной корою на одной стороне двойчатки. Весь старый дуб, с своими нескладными, <голыми?> руками и <пальцами?>, с своей столетней корою, обросшей мохом, с своими болячками, голо торчащими ветвями, казалось, говорил про старость и смерть. «И опять вы те же глупости,— казалось, говорил он соловьям и березам,— опять вы притворяетесь в какой-то радости весны, лепечете свои старые, прискучившие, всё одни и те же басни про весну, про надежды, про любовь. Всё вздор, всё глупости. Вот смотрите на меня: я угловатый и корявый, таким меня сделали, таким я и стою, но я силен, я не притворяюсь, не пускаю из себя сока и молодые листья (они спадут), не играю с ветерками, а стою и буду стоять таким голым и корявым, покада стоится».

Теперь, возвращаясь, князь Андрей вспомнил о дубе, совпадающем с его мыслями о самом себе, и он взглянул вперед по дороге, отыскивая старика с его голой избитой рукой, укоризненно протянутой над смеющейся и влюбленной весной. Старика уже не было: пригрело тепло, пригрело весеннее солнце, размягчилась земля, и не выдержал старик, забыл свои укоризны, свою гордость, все прежде голые, страшные руки уж были одеты молодой, сочной листвою, трепетавшей на легком ветре, из ствола, из бугров жесткой коры вылезли молодые листки, и упорный старик полное и величественное и размягченное всех праздновал и весну, и любовь, и надежды.

⁷ На полях: Переписка князя Андрея с *Pierr 'om*, *Тильзит. Nicolas* и *Денисов. Свадьба Берга. Андрей умиляется при пении Наташи.*

〈XXXII〉

[После Пултуска и Прейсшп Эйлау всё одушевилось в России в армии] В 1-х числах апреля государь приехал к войску, и, как говорила Анна Павловна и все в Петербурге, с собственным ему величием души он не хотел дать повода повториться упрекам за Аустерлиц и, живя подле армии, перенося все труды лагерной жизни, как честный человек, только одушевляя войско своим присутствием и предоставляя полную власть Бенигсену, назначенному главнокомандующим на место сумасшедшего Каменского. [Государь был в Бартенштейне, когда получено было известие о Фридланде, и послан был Понов — узнать, в каком положении находится армия. Армия была вся уничтожена и бежала, как доложили императору. Император Александр был в отчаянии]

Государь жил в Бартенштейне. Армия стояла у Фридланда.

Павлоградский полк, находившийся в той части армии, которая была в походе 1805 года и, укомплектовываясь в России, опоздала к первым действиям, стоял теперь в разоренной польской деревне. Денисов был не из тех офицеров, несмотря на свою известную храбрость [и честность], которые успевают по службе; он по-прежнему командовал и тем же эскадроном гусар, которые, хотя и переменялись больше, чем наполовину, так же как и прежние, не боялись его, [жалели, [но] уважали] но чувствовали к нему детскую нежность.

Nicolas был тем же субалтер-офицером, хотя и поручиком, в эскадроне Денисова.

Когда Nicolas вернулся на перекладной из России и застал Денисова в его походном архаике, с его походной трубкой, в избе с раскиданными вещами и по-старому грязного, мохнатого и веселого, совсем не такого припомаженного, каким он его видал в Москве, и они оба обнялись, они поняли, как не на шутку они друг друга любят. Денисов расспрашивал о домашних и особенно о Наташе. Он не скрывал перед братом, как нравилась ему его сестра. Он прямо говорил, что влюблен в нее, но тут же (как ничего неясного не было с Денисовым) прибавлял [что он и не думает когда-нибудь быть ее мужем]:

— Только не про меня, не мне, старой, вонючей собаке, такую прелесть назвать своею. Мое дело рубиться и пить. [Он объявил брату, что вернее рыцаря, как его, его сестренка не будет иметь, но что тревожить ее и надоедать ей не будет.] — А люблю, люблю, и всё тут, и вернее рыцаря не будет у нее, покуда меня не убили. За нее готов изрубить всякого и за нее в огонь и в воду.

Nicolas, улыбаясь, говорил:

— Отчего же. Коли она тебя полюбит.

— Вздо', не с моим 'ылом. Стой, б'ат, слушай. Я тут один жил — скука! Вот ей стихи сочинил. И он прочел:

Волшебница, скажи, какая сила
Влечет меня ¹ к покинутым струнам,
Какой огонь ты в сердце заронила,
Какой восторг разлился по перстам?
Давно ли я, убитый, безотрадный,
В жестокой грусти тайно изнывал,
Давно ль, к тебе бесчувственный и холодный,
Твой чистый дар с презреньем отвергал.
Вдруг весь волшебный мир воображенья
Открыла мне в прелестнейших мечтах,
И пробудилась жажда песнопенья,
И вспыхнул огонь на радостных струнах.

¹ Толстой, вписал только полторы строки романа; при копировании Рукописи 103 был вписан весь текст, по копии он и печатается (прим. составителя).

В горящих нервах вымыслы роятся,
 И думы роем выются надо мной,
 Мелькнут... исчезнут... снова вдруг толпятся
 Забыто все... сон, пища и покой.
 Пылает кровь в порывах вдохновенья.
 Я в иступлении день и ночь пою!
 Нет сил снести восторгов упоенья,
 Они сожгут всю внутренность мою!
 Спаси меня, склонися к сожаленью,
 Смири волненья страстных чувств моих,
 Нет, нет, волшебница, не верь моленью!
 Дай умереть у ног твоих!

Nicolas, пристыженный своим последним поступком, приехал с «спибленными?» крыльями, с намерением служить, драться, не брать ни копейки из дома и загладить свою вину. Он в этом расположении духа особенно живо почувствовал дружбу Денисова и всю прелесть этой уединенной, философской и монастырской жизни эскадрона, с ее обязательной праздностью, несмотря на водку и карты, и с наслаждением в нее погрузился.

Был апрель месяц, ростепель, грязь, холод, реки взломало, дороги провалились, по несколько дней не давали провианта. Люди посыпались по жителям отыскивать картофель, но ни картофеля, ни жителей не было. Всё было съедено, и всё разбежалось. Те же жители, которые не убежали, были хуже нищих, и отнимать у них или нечего уж было или даже мало жалостливые солдаты не имели на это духа. Павлоградский полк почти не был в делах, но от одного голоду убавился наполовину. В госпиталиях умирали так верно, что солдаты, больные лихорадкой и опухолью, происшедшей от дурной пищи, предпочитали нести службу, через силу волоча ноги во фронте. С открытием весны солдаты, хитрые на выдумки, нашли показывавшийся из земли корень, который они называли почему-то «Машкин сладкий корень», и рассыпались по лугам и полям, отыскивая сладкий корень (который был очень горек), саблями выкапывали его и ели, несмотря на приказы не есть этой травы. Солдаты начали пухнуть в руках, ногах и лице, и полагали, что от этого корня. Но, несмотря на запрещенье, солдаты ели корень, потому что уже вторую неделю им обещали провиант, а выдавали только по одному фунту сухарей на человека. Лошади питались тоже вторую неделю крышами с домов и тоже доедали последнюю привезенную за три мили солому. Лошади были кости и кожа и покрыты еще зимнею шерстью клоками. Денисов, бывший в выигрыше, выдал больше тысячи рублей своих денег на корм и занял всё, что было у Ростова, но купить негде было.

Но, несмотря на такое страшное бедствие, солдаты и офицеры жили точно так же, как и всегда: так же строились к расчетам, шли на уборку, чистили амуницию, даже делали ученья, рассказывали по вечерам сказки и играли в бабки. Только поодергались щеголи-гусары, и лица все были, более чем обыкновенно, желты и скуласты. Офицеры так же собирались, пили иногда, играли очень много и большую игру, так как денег, выдаваемых на провиант, который купить нельзя было, было очень много. Они все были в ходу — в игре.

— Ну, брат, седлай, — закричал раз вечером после приезда Ростова Денисов, возвращаясь от полкового командира, куда он ездил за приказами. — Сейчас берем два взвода и идем отбивать транспорт. Чёрта с дьяволом, не издыхать же людям, как собакам! — Он отдал приказанье вахмистру седлать и сошел с лошади.

— Какой? Неприятельский транспорт? — спросил Ростов, вставая с постели, на которой он один, скучая, лежал в комнате.

— Свой! — прокричал Денисов, горячась, видно, еще тою горячностью, с которой он говорил с полковым командиром.

— Еду, вст'ечаю т'анспо'т, думаю, что нам, п'иезжаю сп'ашивать су-ха'ей. Опять говорит, нету. Это в пехоту везут. Подождите день; требовал, писал. Я семь раз писал, гово'ит, до'ог нет.— Ну, так я отобью, кото'ый вст'етим. Не издыхать же людям.— Я не отвечаю.— Да и не отвечайте, ч'ёт вас возьми, я отвечу,— рассказывал Денисов.— Суди меня там, кто хочет.

Не выходя из этого состояния раздражения, Денисов сел на лошадь и поехал. Солдаты знали, куда едут, и в высшей степени одобряли рас-поряжение начальника, они были веселы и подшучивали друг над другом, над лошадьми, которые спотыкались и падали. Денисов взглянул на людей и отвернулся.

— Мерзко взглянуть,— сказал он и на рысях поехал по дороге, по которой должен был идти транспорт. На рысях не могли идти все лошади; некоторые падали на колени, но видимо из последних сил бились, чтобы не отставать от своих. Они догнали транспорт. Солдаты транспорта стали было противиться, но Денисов исколотил старшего унтер-офицера плетью и завернул транспорт. Через полчаса два пехотные офицеры, адъютант и квартирмейстер полка прискакали верхами требовать объяснений. Денисов ни слова не ответил им на их представления и только крикнул на своих:

— Пошел!

— Вы будете отвечать, ротмистр; это буйство, мародерство, у своих, наши люди два дня не ели. Это разбой. Ответите, милостивый госу-дарь,— и он, трясаясь на лошади, как трясутся верхом пехотные офицеры, отъехал.

— Собака на забо'е, живая собака на забо'е! — прокричал ему вслед Денисов высшую насмешку кавалериста над верховым пехотным и рас-смешил весь эскадрон.

Солдатам роздали сухарей вволю, поделились даже с другими эскадро-нами, и полковой командир, узнав всё дело, повторил, закрывая глаза открытыми пальцами:

— Я на это смотрю вот этак, но не отвечаю и не знаю.

Однако через день по поступившим жалобам от пехотного командира он позвал к себе Денисова и посоветовал съездить в штаб и там, по край-ней мере, в провиантском ведомстве расписаться, что он получил столь-ко-то провианту, а то требование записано на пехотный полк. Денисов поехал и возвратился к Ростову взбешенный, красный и с таким прили-вом крови, что ему необходимо было в тот же день пустить кровь; глубо-кая тарелка черной крови вышла из его мохнатой руки и тогда только он стал в состоянии рассказать, что с ним было. Но и тут, дойдя до тра-гического места, он так разгорелся, что кровь пошла из руки и надо было перебинтовать ее.

— Приезжаю. Ты думаешь, они там бедствуют, как мы? Как же! Смот-рю, жиды провиантские, все чистенькие, гладенькие, веселенькие. Ну, где у вас тут начальник? Показали. Ждал долго. Уж это меня взбесило. Об-ругал всех, велел доложить. У меня служба, я за 30 верст приехал. Хоро-шо, выходит этот обер-вор: вы пожалуйста к чиновнику по комиссии, там распишетесь, а поступок ваш представится высшему начальству.

— Вы меня, батюшка, не учите, а лучше бы не заставляли ждать по 3 часа. Извольте идти.

Обругал, и с этим пошел. Прихожу, один чиновник к другому, к третье-му, один одного погоняет, все франты, я тебе говорю, уж меня стало бесить. Прихожу к тому-то комиссионеру. Хорошо, кушают, сейчас. Смот-рю: портер несут, индейку. [— Доложи.] «Ну,— думаю,— уж этого ждать не буду». Вхожу, изволят кушать... Кто же! Нет, ты подумай (тут раз-вязалась повязка и брызнула кровь). Телянин!

— А, так ты нас с голоду моришь! — Раз, раз, по морде!.. А ! (он произнес грубое ругательство). Кабы они не бросились на меня, я бы убил его до смерти... Хороши, а? Хороши, а?..

— Да что же ты кричишь, успокойся,— говорил Ростов.— Ведь этак еще кровь пускать.

В Фридландском сражении два эскадрона павлоградцев, над которыми старшим был Денисов, поставлены были на левом фланге в прикрытие артиллерии, как ему сказал с вечера полковой командир. С начала дела открылся страшный огонь по гусарам. Ряды вырывало за рядами, и никто не приказывал им ни отступать, ни переменить положение. Денисов, хотя, как и всегда для сражения надушенный и напомаженный, был грустен и сердито отдавал приказания для уборки тел и раненых. Увидав недалеко проезжавшего генерала, он поскакал к нему и объяснил, что дивизион перебьют весь без всякой пользы для кого бы то ни было. Лошади так слабы, что в атаку идти не могут [место], ежели бы даже и можно было, то место изрыто рывтинами, и наконец нет надобности стоять под ядрами, когда можно перейти дальше. Генерал, не дослушав его, отвернулся и поехал прочь².

— Обратитесь к генералу Дохтурову, я не начальник.— Денисов отыскал Дохтурова. Тот сказал ему, что начальник 3-й генерал, 3-й генерал, что начальник 1-й генерал.

«Чёрт вас дери совсем»,— подумал Денисов и поскакал назад.

Кирстен был уже убит, и Ростов был старшим. Так много было перебитых, что люди мешались и отходили от мест. Денисов поставил своим долгом собрать их. Но тут набежала на него пехота и смешала его.

— Стоило погубить $\frac{1}{2}$ эскадрона. Дьявол! — проговорил он, но тут картечь попала ему в спину и замертво повалила его с лошади. Ростов, уже привыкший переносить всегда повторявшееся в деле чувство страха, как умел старался в бегстве собирать эскадрон, а потом бежал, как попало.

〈XXXIII〉

Борис пристроился к штабу императорскому в конце прошлой кампании, и служба его шла весьма успешно. Он числился в Преображенском собственном его величества баталионе и получал вследствие этого гораздо больше жалованья и был на виду у императора. Князь Долгорукий не забыл его и представил князю Волконскому. Князь Волконский рекомендовал его другому, очень важному лицу, при котором (продолжая получать оклад по Преображенскому собственному его величества баталиону) и числился в качестве адъютанта¹ молодой [Борис] Друбецкой. Всем, особенно важным лицам, Борис очень нравился своей, как говорили, открытой и *distingué*² наружностью, скромностью, умением держать себя и добросовестностью исполнения поручений и точностью и элегантностью способа выражения. Гвардия, как и [в первый поход] в первую войну шла с праздника на праздник; в продолжение всего похода ранцы и часть людей везли на подводах. Офицеры ехали в экипажах со всеми удобствами жизни. Вся гвардия шла так, собственный баталион его величества шел еще роскошнее. Берг уже был старшим ротным командиром в баталионе и владимирским кавалером, на прекрасном счету у начальства. В Бартенштейне именно Борис явился к важному лицу, к которому у него была записочка от князя Волконского, и был взят в адъютанты, и отделился от Берга, предвидя [И будущность] лучшую будущность. Надежды эти оправдались. То величие всего императорского двора, которое он

² На полях: *То он боялся, как сделался старшим, не слышит пуль, не видит опасности.*

¹ На полях: *Придворная косточка. Танцевал в Бартенштейне, видел плот и прусского короля.*

*Ростов просит о Денисове. Борис наивно рассказывает о огорчении
Прежде Ростов с Перигором и госпиталь.*

² изящной

видел только в коридоре Ольмюцкого дворца, он видел здесь в [во всех] одной с собой зале. Он был приглашен на один из балов, которые давались прусским министром Гарденбергом и который удостоили своим присутствием император Александр и король. На этом бале Борис, красивый танцор, был даже замечен. И ему случилось танцевать с графиней Безуховой в то время, как государь подошел к ней и сказал ей несколько слов. Он танцевал с ней, а государь говорил с нею и отошел, ласково улыбнувшись на ее кавалера в то время, как им надо было начинать фигуру экосеза. Борис, узнав, кто была эта красавица, которую замечал император, попросил одного знакомого флигель-адъютанта представить его ей [«и гордо?»]. Он воспользовался знакомством с князем Василием для того, чтобы вступить с нею в разговор, и с своим природным тактом обошел разговор о ее муже. (Он чувствовал, не зная никаких подробностей, каким-то инстинктом, что этого не должно было делать). Элен осветила его всего своей улыбкой, той же улыбкой, которой она осветила и царя, она подала ему руку и тотчас после того, как царь говорил с нею. Во время разговора царя с его дамой Борис отступил и не слышал разговора, хотя и никто не учил его так поступить. Он знал, что это нужно было сделать.

[После бала государь уехал из Бартенштейна в «Тильзит?». Борис был при нем] [Борис был при свидании в Тильзите.] Борис был всё время при государе, то есть в тех же городах и местечках, где был государь, и всё, что делалось в этом дворе, было его главным интересом и жизнью. Он был и в Юрсбурге, когда получено страшное известие Фридландского поражения, послан в Петербург и потом на нашем берегу Немана в Тильзите при свидании двух императоров. Так как то лицо, при котором он состоял, не было при государе в самом Тильзите во время пребывания в нем императоров, а Преображенский батальон был в нем, то Борис откровенно признался, что он желал бы видеть это, и просил своего начальника отпустить его опять хоть на время во фронт, на что и получил согласие.

...³ июля он приехал в свой батальон и принят был хорошо товарищами, с которыми он, как и с начальниками, умел ладить. Никто страстно не любил его, но все считали его приятным молодым человеком. Он приехал ночью — отзыв был дан: [Socrat, Sion, silence] ⁴ Napoléon, France, bravoure⁵ в ответ на накануне данный отзыв Наполеона: Alexandre, Russie, grandeur⁶. И это была первая новость, которую ему восторженно рассказал Берг. Берг показал ему дом, в котором был Наполеон, и так странно и радостно было испытывать близость того человека, которого близость была так страшна прежде. Борис видел все торжества и надеялся видеть Наполеона еще ближе, когда приехал к ним Ростов⁷.

На другое утро к Бергу собрались офицеры, и Борис, бывший 2 дни тому назад свидетелем свидания, рассказывал подробности его. Борис говорил с своей всегдашней улыбкой, которая означала или легкую насмешку или умиление перед тем, что он видел, или радость, что он может это рассказать. Он рассказывал, как редко умеют рассказывать, — с такою властью в голосе, что чувствовалось невольно, что всё, что он говорил, была только правда и то, что он видел, и с такою умеренностью красоты и с таким отсутствием личных суждений, что его слушали молча. Чувствовалось, что он заявляет факты, отрешаясь от своих суждений⁸.

³ Отточие в автографе — очевидно, место для даты (прим. составителя).

⁴ Сократ, Сион, молчание

⁵ Наполеон, Франция, храбрость.

⁶ Александр, Россия, величие.

⁷ На полях: Борис ему рассказывает. Борис нежен и ласков, но Nicolas неловко. Ростов озадачен величием Бориса и увлечен их веселием с французскими офицерами.

⁸ На полях: [Рассказ о прусской королеве.] Ростов удивляется на его придворность.

ВСТРЕЧА ДВУХ ИМПЕРАТОРОВ В ТИЛЬЗИТЕ 25 ИЮНЯ 1807 Г.

Гравюра Куше-сына с рисунка Свебаха

— Я был при *Napoléon'e*,— начал он.— Мы выехали рано утром. Государь изволил ехать верхом рядом с королем прусским. Государь был в преображенском мундире, в шарфе и андреевской ленте. Вы знаете эту деревню Обер-Маменшек Крук, тут корчма еще есть недалеко от берега. Государь вошел в корчму, сел подле окна и положил на стол шляпу и перчатки. Генералитет тоже вошел в корчму, и все, как будто ожидая чего-то, молча стояли около двери. Государь был как и всегда спокоен, только несколько задумчив. Я стоял у окна и мне всё видно было. Около четверти часа пробыли здесь, и никто, ни король, ни государь, никто из генералов не сказал ни одного слова. Я пошел к берегу, и, так как река не широка, как вы знаете, я не только рассмотрел павильоны на плотках с огромными вензелями А., Н., но и весь тот берег, который был закрыт сплошною толпою зрителей. Справа виднелась гвардия императора Наполеона (Борис называл так прежнего Буонапарте, еще и не зная о том, что по армии строго было запрещено с 3-го дни называть Наполеона — Бонапартом, он природным чутьем узнал, что так должно было поступать), и на том берегу видны были такие же приготовления. Вы понимаете,— с тонкой улыбкой сказал Борис,— что надобно было подумать и подумать, чтобы так устроить дело, чтобы ни один не приехал раньше другого, чтобы наш император не дожидался императора Наполеона и наоборот. И надо отдать справедливость, всё было устроено превосходно, превосходно,— повторил он.— Положительно это было из самых величественных зрелищ мира. Только что мы услышали на том берегу по наполеоновской гвардии крики: «*Vive L'empereur!*...»⁹

— Как их крик гораздо лучше нашего глупого «ура»,— сказал один из офицеров.

— Да и вообще какое необыкновенное устройство их гвардии. Нынче обещались к нам обедать два офицера французской императорской гвардии. Однако, продолжайте, Друбецкой.

— Ну-с, только что мы слышали на другой стороне крики и увидели скачущего на белой лошади императора Наполеона, как наш флигель-адъютант стремглав бросился к корчме: — Едет, ваше величество!

⁹ Да здравствует император!

Государь вышел, очень спокойно надел шляпу и перчатки и подошел к лодке. Отчалили они почти в одно и то же время. Но император Наполеон подплыл к плоту раньше. Он ехал стоя, с сложенными на груди руками. Надо признаться, он очень величественен, несмотря на свой малый рост. Но вид нашего государя поразил всех. Это необыкновенно, — с умилением проговорил Борис, — и вообще эта минута была столь величественна и трогательна, что кто видел всё это, никогда не забудет.

Император Наполеон взошел раньше на плот, поспешно перешел его на другую сторону и, когда наш государь только выходил из лодки, подал ему руку. — На этом месте Борис остановился с тонкой улыбкой, как бы желая дать время слушателям оценить всю глубину значения этого обстоятельства.

— Но правда ли это, — спросил один из слушателей, — что, в то время как императоры взошли в павильон, французская лодка с вооруженными солдатами выехала от них и стала между нашим берегом и плотом?

Борис поморщился, как бы давая чувствовать, что об этом обстоятельстве, действительно бывшем и виденном им, не следовало упоминать.

Он своим чутьем понял, что это было что-то нехорошо. Хотел ли «Наполеон» в самом деле в случае неблагоприятного окончания переговоров поугатать императора Александра, что он находился в его власти, или просто это была часть церемониала, хотя с нашей стороны и не было лодки, выехавшей на ту сторону плота, во всяком случае упоминать об этом не следовало и, хотя он очень хорошо видел лодку и даже задумался над ней, он сказал:

— Нет, не заметил, — и продолжал свой рассказ. — Были они в павильоне, — сказал он, — ровно час и 52 минуты. Я смотрел на часы. Потом мы видели с берега, как они позвали господ своей свиты и представляли их друг другу. Потом государь изволил тем же путем вернуться, сел в коляску и с прусским королем поехал назад в Амт Баублен. Тут-то, господа, видишь, — продолжал Борис, — всё истинное величие, когда мы невольно сравнивали нашего государя с прусским королем, — только сказал Борис. Но другие офицеры подхватили:

— Говорят, король прусский решительно не мог преодолеть себя во время свидания; он был, как сумасшедший: ездил по берегу без всякой цели, то направо, то налево, всё как будто прислушивался к тому, что там говорится, и под конец совсем, как помешанный, поехал прямо в воду, утопиться, верно, хотел. Он по брюхо лошади, говорят, въехал в воду и остановился. Ты видел, Друбецкой?

— Нет, не заметил.

— Но, однако, его положение ужасно, — сказал еще другой офицер, — говорят, его жена, королева Амалия, приехала.

— Как хороша! Я ее видел вчера, — сказал Берг. — По-моему даже лучше Марии Федоровны. Она вчера обедала у императора Наполеона.

— Ежели бы я был Наполеоном, я бы ни в чем не отказал ей.

— Да, ежели бы и она ни в чем не отказала ему, — сказал другой офицер.

— Ну, это само собою разумеется.

Офицеры, исключая Бориса, засмеялись.

— Да это и я бы на месте прусского короля с горя бы в реку заехал. Плохо его дело.

Борис, слегка нахмурившись, своим выражением показал, что он считает неприличным даже между товарищами такой разговор о союзнике и коронованной особе, и поспешил переменить разговор.

— Да, господа, — сказал он, — величие души не дается с короною. Для государя Александра удар, нанесенный Фридландским несчастьем, я думаю, был не легче, чем удар, нанесенный прусскому королю, но надо было видеть, с каким мужеством, с какою твердостью он перенес это.

И Борис рассказал своим внимательным слушателям впечатление, про-

изведенное в Юнсбурге известием о Фридланде, и в его рассказе видно было, что весь интерес этого события сосредоточивался в одном впечатлении, произведенном им на императора Александра, императора, принесшего столько жертв, перенесшего столько трудов, рассчитывающего на то, что армия его находится в блестящем положении, ожидающего известия о победах, пожертвовавшего своей личной славой, устранившегося от командования только для успеха дела, и вдруг, вместо известия о победе, получающего известие о совершенном поражении, в котором виноваты и главнокомандующие, и генералы, офицеры и солдаты, и которое, лишая государя всех плодов его деятельности, изменяет все его планы и до глубины души огорчает его. Что же сделал государь? Он своей ангельской кротостью и величием души не велел казнить всех преступников. Он только огорчился и, обдумав свое положение, принял новые меры. Борис с таким истинным убеждением говорил всё это, что вполне заставил своих слушателей разделить свое убеждение. В это время приехал Николай Ростов к Борису. Появление армейского гусара в штатском платье, очевидно, тайно приехавшего в Тильзит, его дружеское приветствие Бориса неприятно подействовало на офицеров. Но Борис радушно приветствовал старого товарища. Он воздерживался от излишних чувств, но спрашивал, не хочет ли он чаю, обедать или спать. Офицеры разошлись.

〈XXXIV〉

После Фридландского несчастья Николай Ростов оставался старшим офицером в эскадроне, эскадроне только по имени, так как конных солдат у него было всего 60 человек. Они стояли недалеко от Немана, весть о мире уже дошла до них. Провианту стало достаточно, и офицеры уже поговаривали об отступлении в Россию.

Первое время Ростов был увлечен своим новым званием и хозяйственными делами по эскадрону. Он вел их с таким старанием, что получал одобрение от бывшего своего врага, теперешнего своего начальника, полкового командира. Ему весело было принимать кашу эскадрона, здороваться с людьми, отдавать приказания вахмистру и говорить: «в моем эскадроне».

Ему весело было тоже думать, что война кончилась, что не предстоит более опасностей, скоро удастся, вернувшись в Россию, увидеть своих. О том, как бесславно кончилась эта кампания, он, как и все фронтовые офицеры, весьма мало думал.

Немецкая пословица говорит: «от деревьев лесу не видно». Так и военные люди, участвующие в войне, никогда не видят и не понимают значения самой войны. Кончилась кампания, провиант есть, в Россию идешь или отступил в Польшу к паночкам стоять, говорят — перемирие. Ну, и слава богу. А как кончилась и какой результат этой войны — это рас судят те, которые не участвовали в ней. Только тогда живо чувствуется для военного человека общий результат войны, когда он встречается после мира с прежними врагами и видит их торжество и радость.

Это-то случилось с Н. Ростовым 7-го июня, когда он ездил в главную квартиру Бенигсена за приказаниями и в этот самый день встретил там французского капитана Перигора, приехавшего от Наполеона для начала Тильзитских переговоров. В главной квартире Бенигсена Ростов остановился у бывшего своего товарища Жиркова, бывшего чем-то теперь при штабе главнокомандующего. Они зашли с ним вместе к маркитанту, когда на улице произошло движение. Все бежали смотреть что-то, и Ростов с Жирковым, следуя общему движению, увидели ехавшего по улице, сопровождаемого трубачом, красивого офицера французской гвардии в медвежьей шапке. Это был парламентар Перигор. Вид этого офицера был настолько презрительный и высокомерный, что Ростов вдруг почувствовал стыд побежденного и, поспешно отвернувшись, ушел назад.

Перигор, попавший к главнокомандующему во время обеда, был приглашен к столу. Не говоря уже об разнородных толках о том, как надменно вел себя этот Перигор, как и что оскорбительного для русских он говорил за обедом, очевидцы рассказывали, как он вошел, сел за стол и всё время <у> главнокомандующего провел, не снимая медвежьей шапки. Ростов, принужденный дожидаться бумаг до вечера, слышал эти толки и молчал. Он не мог говорить, так сильно кипели в нем негодование, стыд и злоба. Невольно спрашивал он сам себя, не имели ли права эти французы так презирать русских, не был ли он и его товарищи и его солдаты виноваты в том презрении, которое оказывал этот француз. Но нет, сколько ни вспоминал он Кирстена, Денисова, своих гусар, нет это была наглость француза и подлость тех русских, которые переносили это. Он стоял вместе с Жирковым и другими офицерами на крыльце одного из домов, занимаемого штабными. Жирков шутил как и всегда.

— То-то вспотел под шапкою, я думаю,— сказал он и обратился к Ростову.— Все люди, как люди, один чёрт в колпаке! не правда ли, а Ростов? — Это обращение вывело Ростова из его состояния скрытой злобы, он разгорячился.

— Я не понимаю, господа,— заговорил он, возвышая голос всё более и более,— как вы можете шутить и смеяться над такими вещами? У меня вся внутренность переворачивается: какая-нибудь дрянь, французский сапожник (Ростов ошибался: Перигор был член старой французской аристократии) смеет в шапке сидеть против нашего главнокомандующего, что же мы после этого? Чего же после этого не позволит себе какой-нибудь французишка со мною, с русским офицером? Только я, гусарский поручик, ему бы фухтелями сбил шапку с головы, потому что я не курляндский немец, мне честь русского дорога.

— Ну, ну! — испуганно, стараясь обратить в шутку, заговорили офицеры, оглядываясь. Невдалеке стояла группа генералов, но Ростов, возбужденный этим страхом, еще более разгорячился.

— Разве мы пруссаки какие-нибудь,— говорил он,— чтобы они имели право так обходиться с нами. Кажется Пултуск и Прейсиш Эйлау показали им, а что у нас главнокомандующие бог знает кто...

— Полно, полно,— заговорили офицеры.

— Бог знает кто, немцы, колбасники, сумасшедшие да порченные.— Большинство офицеров отошли от Ростова, но в то же время один из генералов, стоявший невдалеке, высокий, плотный, седой человек, отделился от своей группы и подошел к молодому гусару.

— Как ваша фамилия? — спросил он.

— Граф Ростов, Павлоградского гусарского полка, к вашим услугам,— проговорил Nicolas,— и готов повторить, что сейчас сказал, хоть перед самым государем императором, тем более пред вашим превосходительством, которого не имею чести знать.

Нахмуренный генерал, строго продолжая смотреть на Ростова, взял его за руку.

— Совершенно разделяю ваше мнение, молодой человек,— сказал он,— совершенно, и очень рад с вами познакомиться, очень.

В это время мохнатая шапка, возбудившая такое злобное чувство в душе Ростова, показалась на подъезде к главнокомандующему. Он уезжал. Ростов отвернулся, чтобы не видеть его. Несмотря на удовольствие командовать эскадроном и скоро вернуться в Россию, чувство стыда побежденного, возбужденное этим случаем, не оставляющее его чувство раскаяния в своем московском проигрыше и сильнее всего печаль о потере Денисова, которого он так сильно полюбил в последнее время и который, по слухам, между жизнью и смертью лежал в госпитале, делали его жизнь за это время тильзитских торжеств весьма грустною. В половине июня, как ни трудно это ему было, он отпросился у полкового командира поехать за 40 верст к Денисову в госпиталь.

Маленькое прусское местечко, в котором был госпиталь, два раза разоренное русскими и французскими войсками, именно потому, что это было летом, когда в поле было так хорошо, с своими разломанными крышами и заборами и своими загаженными улицами, обгоревшими жителями и пьяными или больными солдатами, представляло мрачное зрелище. В одном каменном доме на дворе с остатками разобранного забора, выбитыми частью рамами и стеклами помещался госпиталь. Несколько перевязанных бледных солдат ходили и сидели на дворе на солнышке. В то время как Никола¹ входил в двери, его обхватил запах гниющего тела и больницы. По коридору проносили в это время за руки и за ноги труп или живого человека, он не рассмотрел. Навстречу ему вышел военный русский доктор с сигарою во рту и сопутствуемый фельдшером, который что-то докладывал ему.

— Не могу ж я разорваться, — говорил доктор, — приходи вечером к бургомистру, я там буду. — Фельдшер что-то спросил у него.

— Э! делай, как знаешь, разве не всё равно? — и он пошел дальше и тут с удивлением заметил Ростова.

— Вы зачем, ваше благородие? — сказал он с докторской, особенной, шуточной, манерой и видимо нисколько не смущаясь тем, что Ростов слышал его слова, сказанные фельдшеру.

— Вы зачем, али пуля вас не брала, так вы тифу набраться хотите? Тут, батюшка, дом прокаженных, кто ни взойдет — смерть. Только мы двое с Макеевым (он указал на фельдшера) еще тут трепемся. Тут уж нашего брата докторов человек пять перемерло: как поступит — через недельку готов. Прусских докторов вызывали, так не любят союзники-то наши, — и словоохотливый доктор засмеялся таким смехом, который показывал, что ему не только теперь, но и никогда не хотелось смеяться. Ростов объяснил ему, что он желал видеть здесь лежащего гусарского майора.

— Тут, батюшка, раненых нету, у нас, хоть и раненый, сейчас тифозным делается, да и не знаешь всех. Ведь вы подумайте, у меня на одного три госпиталя, 400 больных с лишним. Еще хорошо прусские дамы нам кофе и корпию присылают по два фунта, а то бы пропали. Я отчисляю в умершие, за этим дело у нас не стоит, тиф помогает, а мне всё новеньких присылают. Ведь 400 есть, а? — обратился он к фельдшеру².

— Так точно, — отвечал фельдшер. Фельдшеру, видимо, давно уже хотелось обедать, и он с досадой дожидался, скоро ли уйдет заболтавшийся доктор, столь обрадовавшийся появлению нового лица.

— Майор Денисов, — повторил Ростов, — он под Молитени ранен был. — Кажется, умер? — равнодушно спросил доктор у фельдшера. Фельдшер не знал.

— Что он такой длинный, рыжеватый? — спросил доктор. Ростов описал наружность Денисова.

— Да, да, — как бы радостно проговорил доктор, — этот, должно быть, умер, а впрочем я справлюсь, у меня списки были. Есть у тебя, Макеев?

Как ни уговаривал доктор Ростова не ходить по палатам, как он все-таки называл разваленные сараи, в которых на полу лежали больные, как ни угрожал ему, что непременно заразится тифом, Ростов, простившись с доктором, пошел с фельдшером наверх и обошел всех больных. Увидав положение, в котором были больные (большей частью солдаты), Ростов тотчас убедился, что Денисова тут не может быть. Но он все-таки обошел всех. Какое-то чувство говорило ему: «а, тебе гадко, страшно это видеть, нет, посмотри, ты должен, должен это видеть». И Ростов обошел

¹ Это текст из Рукописи 103, написанной рукой Т. А. Берс под диктовку Толстого. В автографе имя Ростова всегда написано: *Nicolas*. Очевидно, Т. А. Берс на слух в данном случае и далее писала в русской транскрипции.

² На полях: *Тутшин с оторванной под Фридландом рукой.*

все палаты. Он никогда не видал подобного ужаса, какой он увидал в этом доме.

Бельэтаж только был занят. Дом был построен, как и все барские дома: передняя, зала, проходные гостиные, диванная, спальня, девичья и опять передняя. Мебели никакой не было. С первой комнаты всего этого круга и до последней, в два ряда головами к стене и оставляя проход посредине, лежали солдаты, где на прорванных тюфяках, где на соломке, где на голом полу, на своих пинелях. Запах, нечистоты были ужасные, мухи облепляли так больных, что они уже не отмахивались. Одни умирали, только хрипением показывая признаки жизни, другие металась в жару, толкая друг друга, третьи слабыми горячечными глазами смотрели на проходящего мимо их здорового, свежего и чистого человека. Человек пять здоровых солдат были тут для прислуги и ковшами разносили воду, которую тут больше всего требовали больные. Денисова не было между ними, и по спискам от фельдшера Макеева³, что Денисов был записан в эту гошпиталь, но переехал в бывший помещичий дом и лечился там, у прусского доктора.

После многих трудов Николая, наконец, нашел его. Денисов поправлялся от раны, но он нравственно страдал больше от последствий завязавшей переписки и дела по случаю отбитого им транспорта и нанесения побоев провиантскому чиновнику Телянину. Едва увидав Ростова и не принимая ни малейшего участия в его рассказах о Перигоре, о Тильзите, о ужасах в гошпитале, он был занят только одним, своей перепиской и ответами на запросы провиантского ведомства, в которых он честил всех провиантских ворами и, сам любясь своим произведением и красноречием, стал с восторгом, сам смеясь и стуча кулаком по столу, подпускаемыми им шпильки провиантскому ведомству³. Последнюю, по его мнению, весьма тонкую, ироническую и убийственную, по его мнению, бумагу, кончавшуюся словами: «ежели бы господа комисариатские так же хорошо действовали для заготовок по нуждам армии, как они для себя действуют, то армия не знала бы, что такое есть голод». Эту бумагу он передал Ростову, прося его непременно самому свезти в Тильзит и отдать в собственную канцелярию его величества.

С желанием исполнить это поручение и приехал 27 числа Николай квартиру Бориса.

— [Ну, я очень рад, что ты приехал. Какие славные ребята эти французские офицеры. Ты знаешь, Наполеон обедал ныне у государя.

— Бонапарт?

— Ах ты, деревенщина.— Борис рассказывал свидание.

— Ты [разве] видел?

— Как же, я тут был.]⁴ Ну, я очень рад, что ты приехал в это время. Ты увидишь много интересного. Ты знаешь, нынче император Наполеон обедал у государя.

— Бонапарт?

— Ах ты, деревенщина, император Наполеон, а не Бонапарт,— с улыбкой сказал Борис.— Разве ты не знаешь, что мир, что было свидание?

— Ничего не знаю. А ты видел?

— Как же, я тут был.

Ростову было неловко с своим прежним другом. Он пообедал и лег спать. На другое утро оба приятеля пошли на смотр. Борис во фронт, Nicolas в мундире.

Ростов попал в Тильзит в день, менее всего удобный для беседы с другом Борисом и для подачи бумаги Денисова. Самому ему нельзя

³ Так в автографе.

⁴ На полях этого зачеркнутого текста — запись: *Ему вспомнился Перигор, Фридланд. [Денисов]. Гошпиталь. Он написал записку: «Мы слишком различны, нам надо разойтись», — и уехал, как будто Борис был виноват в чем-нибудь. (Письмо Сони. Она утешает Nicolas, просила писать).*

было, так как он был во фраке и без разрешения начальства приехал в Тильзит, но и Борис, которого он просил об этом, не мог сделать этого в этот день, 27 июня. С утра разнеслось известие, что мир заключен, что императоры поменялись орденами, Андреевским и Почетного легиона и что будет [смотр Преображенского батальона] обед Преображенскому батальону; его угашивает батальон французской гвардии. Борис [готовился к смотру и обеду] [как и все офицеры] выехал с раннего утра к своему батальону.

Ростов пошел бродить по городу. [Городок был маленький.] В 11-м часу он [услыхал топот и шум] вышел на площадь, разделявшую две улицы, в которой жили императоры. На площади стояли преображенцы и французская гвардия. Из соседней улицы выбежал махальный. Батальон стал строиться, и Ростов увидал скачущую ему навстречу столь знакомую, страстно любимую фигуру императора Александра, счастливую, веселую. Император Александр был в звезде Почетного легиона, он смотрел вперед и улыбался. В первую минуту заблуждения Nicolas показалось, что это ему он улыбается, и он испытал минуту счастья, но Александр смотрел дальше. Ростов оглянулся по направлению его взгляда и увидал также скачущего человека в шляпе без пера, в мундире полковничьем и Андреевской ленте. Он догадался, что это был Наполеон. Это не мог быть никто другой, впереди свиты, маленький горбоносый подъезжавший к Александру и взявший рукой за шляпу; он не верил, что это был Наполеон Бонапарт. Аустерлицкий победитель, так близко он его видел, так человек он был, так плохо даже он ездил и сидел на лошади (что бросилось в глаза кавалеристу). Где же величие? Человек как мы все грешные... Но в этих рассуждениях Ростова чуть не сбили с ног жандармы, отгонявшие толпу. Он едва успел пробиться к Преображенскому батальону, где стояла толпа, и, ежели бы не Борис покровительствовал ему, его бы отогнали. Борис вывел его из толпы и поставил его подле первой шеренги еще с двумя штатскими господами, стоявшими тут. Один был дипломат, другой англичанин⁵.

Всё время, как его толкали и устанавливали, он всё смотрел на своего героя и следил с удивлением и волнением за их отношениями с Бонапартом. Для Nicolas это был всё Буонапарт, еще больше Буонапарт после Перигора.

Ростов видел, как поговорив, пожав с улыбкой друг другу руки (его оскорбляло, что Наполеон, ему всё казалось, что Наполеон и всякий француз — учитель или актер — жмет руку нашего государя). Улыбка Наполеона была неприятно притворна, Александра — ласкова и светла. Они поехали к Преображенскому батальону, прямо на них, на штатских. Они отступили, но очутились неожиданно так близко, что невольно смутились, особенно Ростов, дрожавший за то, что его узнают и отдадут под суд. Глаза его опять встретились с глазами государя, и Nicolas поспешно отвернулся. Ему показалось, что что-то недостойны светлым блеском глаз государя⁶. (Ему показалось это, может быть, оттого, что сам он был раздражен всем и своим неловким положением и молодостью.) Государя к этому учителю — другу Перигора. Он отвернулся, и глаза его невольно упали и остановились на ближайшей к нему фигуре флангового солдата-преображенца. Это был рослый мужчина, рыжеватый, с красным глупым лицом и оловянными глазами. Не только всё его тело, но черты лица, глаза, мысли души даже, видимо, делали в эту минуту стойку, т. е. погружены были в усилие, как стоять вытянувшись и глядеть в глаза государю.

В 3-х шагах от себя он услышал голос, резкий, точный и приятный, говоривший по-французски:

⁵ На полях: *Пажи, Мюрат, блеск свиты. Конвой.*

⁶ Так в автографе.

— Sire, je vous demande la permission de donner la Legion d'honneur au plus brave de vos soldats⁷.

Ростов оглянулся, — это говорил Бонапарт. Александр, наклонив голову, [приятно] чуть улыбнулся.

— A celui qui s'est le plus vaillamment conduit dans cette dernière guerre⁸, — прибавил Наполеон, оглядывая ряды.

— Votre majesté me permettra-t-elle de demander l'avis du colonel⁹, — сказал Александр и, тронув лошадь, выдвинул вперед к полковнику Козловскому. Бонапарт между тем слез с лошади [и сняв перчатку] и бросил поводья. Торопливо бросившийся вперед адъютант, учитель-француз: «Тоже важничает», — озлобленно подумал Nicolas.

— Кому дать? — негромко по-русски спросил император Александр у Козловского.

— Кому прикажете, ваше величество.

Государь невольно поморщился и, оглянувшись, сказал:

— Да ведь надобно же отвечать ему.

Козловский с решительным видом оглянулся на ряды и в этом взгляде захватил и Ростова.

«Уж не меня ли», — подумал Ростов.

— Лазарев! — сказал полковник ровным, твердым голосом, вызывая первого по ранжиру солдата, того самого, на глупое лицо которого смотрел Ростов.

Лазарев бойко вышел, красиво, но лицо его дрогнуло, как это бывает с солдатами, вызываемыми перед фронт для наказания.

Бонапарт [слез с лошади, подошел к] снял перчатку и показал маленькую пухлую руку («парикмахер», думал Ростов) и только чуть поворотил голову назад, как лица его свиты, догадавшись в ту же секунду, в чем дело, засуетились и, передавая один другому орден с ленточкой, выскочили вперед и подали ему, не заставив дожидаться ни одной секунды его назад протянутую маленькую ручку. Он, видно, знал, что это не может быть иначе. Он протянул руку и, не глядя, сжал два пальца; в них был орден. Он подошел к Лазареву и, глядя вверх на это неподвижное лицо, — не нахмурившись, не просветляясь, лицо его не могло измениться, — оглянулся на императора Александра, показывая этим, что это ему, и рука с орденом дотронулась до пуговицы солдата Лазарева, вероятно, желая и предполагая, что орден сам собою прилипнет к пуговице солдата Лазарева, он знал, что дело только в том, что его, Наполеонова рука [дотронулась] удостоила дотронуться до груди русского солдата, и д(овольный?) солдат этот теперь есть уже святыня. Крест действительно прилип, потому что и русские и французские услужливые руки, мешая одна другой, бросились прицеплять его. Лазарев, между тем, как около него увивались все силы мира, неподвижно держал на караул, прямо глядя в глаза Александра и изредка вниз, косясь на Бонапарта и оглядываясь на Александра, как будто он спрашивал Александра, — всё ли еще ему стоять или не прикажут ли ему еще что-нибудь сделать <1 нрб>, или убить этого Бонапарта, или не надо, или так оставаться. Но ему ничего не приказали, и он так и оставался.

Государи сели верхами и уехали. Преображенцы приступили к столу и сели кругом — русские и французские — за столы, за серебряные приборы, и стали обедать.

Лазарев сидел на почетном месте. Не только люди, но офицеры имели такие счастливые лица, как будто они все только что женились. Солдаты переменялись киверами, шапками, мундирами, трепали по плечам и животу друг друга. «Бон жур» всё больше слышалось. Офицеры, русские

⁷ Государь, я прошу вашего позволения дать орден Почетного легиона храбрейшему из ваших солдат.

⁸ Тому, кто храбрее всех вел себя в эту войну.

⁹ Позвольте мне, ваше величество, спросить мнение полковника.

и французские, похаживали кругом, иногда служили переводчиками солдатам и тоже обнимались и объяснялись в любви и воздавали похвалы храбрости друг друга. Ростов ходил по улицам, издалека глядя на эту сцену, и ушел к Борису дожидаться его. Борис с Бергом, тоже счастливые и румяные, вернулись вечером.

Вот счастливец-то Лазарев — 1200 рублей пенсiona пожизненно, — говорил Берг, входя.

— Да, — отвечал Борис. — Что ж ты не пришел к нам? — обратился он к Ростову. — Превосходно всё было. Слышали, что наш государь послал Георгия тоже самому храброму из французских гвардейцев, — сказал он.

— Ну, ты счастливо попал, видел всё это торжество.

— По-моему, это не торжество, а кукольная комедия, — мрачно сказал Ростов.

— Как ты любишь противоречить.

— Чистая кукольная комедия, больше ничего... — опять начал Ростов, но Борис не дал договорить ему.

— Однако мне надо идти к Сосюру, он звал.

— Ну, и иди [и прощай].

Борис ушел и Ростов, не простившись, уехал к себе, оставив следующую записку к Борису: «Я уехал оттого, что мне больше делать нечего; а с тобой не видался потому, что я думаю, мы столь различны стали во взглядах, что нам гораздо проще разойтись, а не притворяться. Иди по своей дороге и желаю тебе успеха. Бумагу Денисова прошу передать»¹⁰.

¹⁰ На полях: *Озабочен от своего фальшивого поведения Nicolas в недоумении: что это — вздор или он сам виноват, но ему все противны.*